

290 / 3
1987

თბილისის უნივერსიტეტის უწყვეტი
ТРУДЫ ТБИЛИССКОГО УНИВЕРСИТЕТА
PROCEEDINGS OF TBILISI UNIVERSITY

276

ISSN 0376—2637

**ენათმეცნიერება
ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS**

(I)

ქართული ენციკლოპედია გამომცემლობა
Издательство Тбилисского университета
TBLISI UNIVERSITY PRESS

ლინგვისტიკის

LINGUISTICS

11

(I)

Труды Тбилисского университета

76

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

41

Тбилиси 1987

Редакционная коллегия

Е.А.Бабунашвили, К.Д.Дanelia, Г.В.Рамিশвили, Г.В.Рогова, Н.И.Сақваლიдзе, М.М.Тускиа (секретарь), В.В.Пурцеладзе, Н.Г.Кадейшвили, М.А.Шანიдзе, Д.С.Чантуришвили, А.А.Хидешели (редактор), В.А.Джорбенадзе

საწიგრაქციო კოლეგია

ე.ბაბუნაშვილი, კ.დანელია, გ.რამიშვილი, გ.როგოვა, ნ.საყვარელიძე, მ.ფსკოვა (სეკრეტარი), ვ.პურცელაძე, ნ.კადეიშვილი, მ.ა.შანიძე, დ.ს.ჩანტურიშვილი, ა.ა.ხიდეშელი (რედაქტორი), ვ.ჯორბენაძე

Editorial Board

E.Babunashvili, K.Danelia, G.RAmishvili, G.Rogova, N.Saqvarelidze, M.Tuskia (secretary), V.Purtzeladze, N.Kadeishvili, M.Shanidze, D.Chenturishvili, A.Khidesheli (editor), B.Jorbenadze

Труды Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета

საქართველოს სახელმწიფო უნივერსიტეტის შრომები
უნივერსიტეტის შრომები

276, 1987

СТРУКТУРНО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В СТИХОТВОРЕНИЯХ А.ТВАРДОВСКОГО

Д.А. Алания

В мире ежесекундно возникает новые понятия, требующие номинации. В образовании новых слов есть много творческого новаторского начала.

А.Твардовский является выдающимся советским поэтом, язык поэзии которого отражает советскую действительность довоенного, военного и послевоенного времени, и его ис зия мало исследована в лингвистической науке.

В результате анализа стихотворений А.Твардовского выделены следующие структурно-словообразовательные типы имен существительных.

Продуктивные типы

I тип. Аффиксация является наиболее продуктивным, гибким и богатым видом морфологического словообразования в русском языке.

Аффиксация как способ образования слов - это создание нового слова присоединением к основе образующего слова или к слову в целом тех или иных словообразовательных элементов.

В зависимости от того, какие словообразовательные элементы участвуют в образовании слова и как они присоединяются к образующей основе, в аффиксации выделяются три разновидности: суффиксальный, префиксальный и суффиксально-префиксальный способы словообразования.

Различие между отдельными разновидностями аффиксации наблюдается и в способе производства при их помощи сл. з: при суффиксальном способе словообразования новые слова образуются от основы слова, при префиксальном - от целого слова, при суффиксально-префиксальном - и от основы и от целого слова.

Анализируя со словообразовательной точки зрения то или иное слово, важно строго разграничивать разновидности аффиксации.

I. Префиксальный способ словообразования - это образование нового слова путем прибавления к целому производящему слову какого-нибудь префикса.

В стихотворениях А. Твардовского он не очень продуктивен.

Вот примеры префиксации:

Внуков нянчила она

Правнуков качала

("Еще про Данклу", с.70)

Еще курились на рассвета

Землянок редкие дымки.

("Наступление", с.97).

Под неведей постылом

Присмиреешь в плену ?

("Партизанам Смоленщины", с.112)

2. Суффиксальный способ словообразования - производство нового слова путем прибавления к образующей основе какого-нибудь суффикса. Он является наиболее продуктивным способом аффиксации в стихотворениях А.Твардовского.

Новые слова образованы прибавлением к основам следующих суффиксов:

-ашк-, -енк-, -онк-, -ечк-, -очк-, -ерк-, -ишк-, -иц-, -к-,
-ок-, -ошк-, -ушк-, -ц-, -шик-, -якк-.

Лет семнадцать тому назад

Были малыя мн ребятишки.

("Братя", с.33)

Сидит старик с ведерком у обрыва,

Как будто тридцать лет он здесь живет.

("Новое озеро", с.34).

В баграки к нему ходил

В рваных лапоточках.

("Мужичок горбатый", с.35)

Веточку двурогую сирени

Подержал и где-то обронил...

(1934, с.38)

Голос мой девичий в доме утих.

Вывел меня на крылечко жених

(1936, с.40)

Камушки моет вода под мостом,

Вслух говорит соловей за кустом.

(1936, с.41)

Видю я твою головеку

45981

Бел. Бібл. + Інфармац.

В беглых тенях от ветвей.

("Размолвка", с.44)

Кружились белые березки.

Платки, гармонь и огоньки.

(1936, с.47)

Лед идет цепочкой редкой

Сережиной реки.

("Ледоход", 1936, с.47)

У него сирень в карманке.

А еще и на фуражке.

А еще и за стеклом

("Шофер", 1937, с.51)

Где гвоздь, где ящик, где кестьянка

Служить заставив некий срок.

("В Смоленске", с.122)

Ни к чему добрей солдатке:

Если мужа ждет с войны.

("На походе"; с.126).

3. Суффиксально-г⁰фиксальный способ словообразования - это производство новых слов (от образующей основы или образующего слова в целом) путем одновременного присоединения как приставки, так и суффикса, с его помощью существительные образуются от основы.

Суффиксально-префиксальный способ словообразования в целом является продуктивным (в сфере существительного он выступает как малопродуктивный; с его помощью существительные образуются только на базе неизпроизводных слов).

В анализируемых стихотворениях А. Твардовского он также является малопродуктивным:

И черные - с постройки старых - бревна
Мож новых хорошо легли в забор
("Гость", с.32)

Еще случится заглянуть
В загородье наше, - это я
Все нами обшел края
("Друзья", с.81)

Поворот, усадьба, Горки,
Сад, подворье, белый дом
("Ленин и печник", с.94)

На полокочник локотком
Так горько опершись
Она сидела босяком
На лавке. Коть вернись.
("Баллада с товарище", с.107)

Имя, дело твое
Не уйдет в забытье
("Партизанам Смоленщины", с.114)

И в дачных рошах Полмосковья
Декабрьский снег замешан был
Землей, золой и свежей кровью.
("Кремль зимней ночью", с.135).

Этот тип объединяет сложные слова, образованные морфологическим способом словосложения (чистое сложение). Этот тип представлен у А.Твардовского всего лишь двумя словами:

Ленинград и Сталинград

У Сталинграда вещей битвы жар
Простерся в вечность заревом кровавым
("Возвездие", с.129)

На каждом выступе старинном
И Сталинград, и Ленинград
("Кремль зимней ночью", с.135)

Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград
("Я убит подо Ржевом", с.138)

Этот тип объединяет имена существительные, образованные морфологическим способом словообразования, имеющие более чем одну мотивирующую основу (способ сложения); префиксид полу-, аналогичный приставке, является первой основой сложений, которые образуют сложные слова с подчинительным отношением основ. Они содержат опорный компонент — существительное и предшествующую основу с уточнительной, конкретизирующей функцией полу- (полу- усеченная основа слова половина — и интерфикс -у-).

Морфема полу-, полу- имеет как значение приблизительности ("не совсем", "почти", "не до конца" то, что обозначено второй частью сложения), так и значение "половина" (того, что указано во втором компоненте сложения).

В следующем примере из стихотворения "Гость", основа полу- имеет значение половины того, что указано во втором ко

поняте сложения:

Но - гости! Хозяин подпитровку вносит,
Личница - во всю скоророду.

Никоперечисленные примеры с основой пол- обозначают зна-
чение приблизительности:

И гудит, как улей жаркий,
Ранний полдень над землей.
("Размолька", с.43)

Мы росли с тобой, а кто-то
Рос совсем в другом краю
И в полгода заработал
Сразу всю любовь твою.
("Новвста", с.45)

В других окошках солнце будет
Всходить, в других в полдни стоять.
("На старом цвориме", с.84)

Одни из тех, что выи вначале,
На полднечи еще легли
("Наступление", с.98)

Полстани под колесами
Боевыми гудит
("Партизанам Смысленины", с.114)

Старый Днепр средь бела дня
Остаался вдруг под кручей
Вспереди на полкони.
("У Днепра", с.124)

Ту тип объединяет сложные существительные, образованные способом сложения.

К таким сложениям с подчинительным отношением основ относятся сложные существительные с опорным глагольным компонентом: самонар., самолет., паротот., ледоход., саночок., пешеход и др.

Вид словосложения с опорной основой глагола в русском языке известен давно. Такие композиты образуются при помощи интерфиксов о/е, они обычно содержат две основы (редко встречаются трехосновные). Однако роль этих основ в формировании семантики слов неодинакова.

Модель эта имеет следующую структуру^I:

1. Основа местоименного прилагательного сам + основа глагола: самовар., самолет:

Отяжелел, сидел за самоваром.

За чашкой чашку пил, вздыхая, гость.

("Гость", с.31)

Ранкий полдень, летний праздник,

В синем небе самолет.

2. Основа существительного + основа глагола:

С первым, с первым пароходом

Ты уедешь от меня

("Ледоход", с.47)

Умер Ива, балагур,

Блаженный табакур.

("Мушка", с.76)

I Встречаются модели данных слов с числительным, наречием и возвратным местоимением в первом компоненте: однолюб, нездеход, себялюб (единственное слово).

А нынче, в самый сенокос.
На гармониста всюду спрос.
("Друзьям", с.81)

Наш Кузьма неприметный
Тот, что из года в год
Хлеборос многолетний
Здесь на месте живет.
("Песенка в Загорье", с.91)

На пешехолы - верховые
Во ржи скрывались с головой.
(1941, с.104).

Еще Г.П.Павский отмечал, что "значение составных имен существительных сей породы зависит от последнего из члена" (15,215). Вторая основа в выявленных в поэме и исследуемых нами словах: выполняет тавтологизирующую роль и потому в современной литературе за ней закреплена определение "опорная" (15, с.215).

Модель эта в целом была и остается весьма активной, хотя не все глагольные основы одинаково продуктивны.

Активизация продуктивных моделей оказалась особенно плодотворной в области обогащения терминологической лексики.

У тид объединяет слова, образованные морфологическим способом чистого сложения полных основ с помощью соединительных гласных о/е с опорным компонентом - основой существительного. Этот способ очень продуктивен в образовании имен существительных:

На некоей там ногостройке. -
Везде я с охотой готов

Родиться

(“О Родине”, с.136)

В первой части сложения – имя прилагательное.

Уг. тип. С помощью словосложения образуются сложные составные слова, распадающиеся не на морфемы, а на самостоятельные слова, имеющие структурно-грамматическое оформление. Они являются целостными лексическими единицами.

Н.М.Шалский (23, с.270) сложные составные слова разывает от сближениям и выделяет среди них 4 группы:

1. Удвоенная или повторы (исполняется слово).
2. Синонимические сближения – возникают в основном как индивидуально-авторские новообразования (тоже малопродуктивная группа).
3. Парные сближения суммарной семантики типа хлеб-соль, в целом тоже малопродуктивны.
4. Синтагматические отношения образуют модель “определяемое – определяющее”. Эта группа является продуктивной в современном русском языке.

В поэзии А. Твардовского в основном встречаются сложные составные слова, относящиеся к 4-й группе и образующие модель “определяемое – определяющее”:

От мамаши – мастерицы

Ни на шаг не отстаешь.

(“Подруги”, с.41)

До свиданья, ночь – болтушка,

Радость светлая моя.

(“Подруги”, с.42)

Внук - шофер из-за руля
Кланяется деду
("Еще про Дамилу", с.65)

Умер Ивушка-девичок,
Крепкий сын еще старик...
("Ивушка", с.75)

И всем старикам
Богатырской породы
Поклон-докладье
На долгие годы
("За тысячу верст"... , с.79)

Гнедой, со звездочкой-приметой,
Неравно вышедшей на лбу,
Он от своих отбился где-то
Заслышав первую стрельбу.
("Жеребенок", с.99)

Нередко сама жизнь ставит перед нормативной грамматикой новые проблемы. В последнее время значительно возросло количество разного рода сложносоставных слов. Для современной речи становятся обычными кафе-ресторан, кресло-кровать, диван-кровать и др.

В книгу Н.З.Кохеловой (18) включены новые слова, не отмеченные еще в общих толковых словарях, энциклопедиях, словарных карточках. Среди таких новых слов много сложносоставных, образованных сложением слов, например: ведро-холодильник, вертолёт-кран, вечер-портрет, водоем-охладитель, встреча-совещание, выставка-смотр, день-рапорт, докер-механизатор и мн. других.

Известно, что в научной литературе нет ни твердых грамматических правил, ни даже единства мнений о нормах употребленная новых сложных слов.

Признаками составных сложных слов являются:

1. Статистическая расчлененность восприятия и большая информативная значимость первой части сложного слова (второй компонент в этих случаях служит как бы определением к первой части).

2. Склоняемость первой части.

3. Соответствие общей родовой характеристике сложного слова грамматическому роду первого компонента.

Следует отметить, что грамматическая норма у некоторых сложных составных слов находится в процессе становления и допускает варьирование (изменяемость или неизменяемость первой части, зависимость грамматического рода сложного слова от первой или от второй части). Характерным для развития этих языковых единиц является стремление к смысловой слитности и к утрате склоняемости первым компонентом сложного слова.

В одном из стихотворений А.Твардовского "Поездка в Загорье" встречается сложное составное слово или сближение первой группы (по Н.М.Шанскому), удвоение или дуплет:

Целя женщины вместе,

И Петровна .. одна

И была ее десья -

Старина-старина.

Мн. гл. Аббревиация - новый способ словообразования, оформившийся в русском языке в XX вв. В советское время аббревиация представляется в качестве важнейшего словообразовательного способа.

Обычно новые слова и термины, образованные путем аббревиации, воспринимаются как целые слова и служат основой для словообразования.

Сложносокращенные слова теперь широко употребляются во всех жанрах и стилях современного русского литературного языка.

При сложносокращенном способе образования новых слов одновременно следует учитывать две противоположные тенденции, действующие в языке. С одной стороны, в сложносокращенных словах ярко проявляется стремление языка к краткости, к экономии речевых усилий: сложные понятия, выражаемые многословно, как бы аккумулируются в одной словарной единице; с другой стороны, язык стремится к точности, чтобы слово быстро воспринималось собеседником, а чрезмерное употребление сложносокращенных слов затрудняет общение, т.к. собеседник может не знать употребляемую аббревиатуру. "... Одним из высших мер достоинства языка является его общепонятность" (25, 137).

Непродуктивные типы

IX тип. И там на уаши и нощлет

Расположились мы

("Баллада о товарище", с. 109).

Тогда поймемь,

Как сладок сон,

Как радостен нощлет.

(1943, с. 119)

Нощлет - общеславянское слово, образовано без помощи соединительной гласной путем непосредственного сложения слов

ночь и дель.

В стихотворениях А. Твардовского выявлено до пяти структурно-словообразовательных типов имен существительных. Из них первые 8 типов являются продуктивными и один (последний) — непродуктивен.

Они активно действуют в современной словообразовательной системе.

Наиболее продуктивными типами в анализируемых стихотворениях А. Твардовского являются аффиксация (именно суффиксальный способ, а префиксальный и суффиксально-префиксальный в сфере существительного выступают как малопродуктивные), сложные существительные с опорным глагольным компонентом, такие как самолет, пароход, ледоход, семкоос, пешеход, самовар и др.; эта модель оказалась особенно плодотворной в области обогащения терминологической лексики, и сложные составные слова или объединения, синтаксические отношения которых образуют модель "определяемое-определяющее" типа мамаша-матерница, внуш-шофер, Иванушка-печник, поклон-пожелание, товарищ-боец и мн. др.

Интересно отметить, что большое количество подобных сложносоставных слов, образованных сложением, встречается на уровне речи, и многие еще не отмечены в общих толковых словарях, энциклопедиях и словарных карточках (18), что свидетельствует о легкой и богатой продуктивности данной модели.

Литература

1. С. Ю. Адизванкин. "К вопросу о системности словообразования", Реферативный журнал, 1978.

2. В.В.Виноградов. Вопросы современного русского словообразования.
3. К.Д.Воронцов. Продуктивность и новые качества сложных имен существительных в современном русском языке. АКЦ. Иркутск, 1962.
4. Грамматика русского языка, I, изд. АН СССР, 1952.
5. Грамматика современного русского литературного языка, "Наука", М., 1970, с.39.
6. Русская грамматика, т.1, "Наука". М.,1980.
7. Е.А.Земская. Современный русский язык (словообразование). М., "Просвещение", 1973, с.182-184, с.192-193.
8. А.Калинин. О роде сложносокращенных слов. Журналист,1975, № II.
9. Е.С.Кубрякова. "Что такое словообразование?" "Наука",1965, с.35.
10. К.А.Левковская. Словообразование, М., 1954.
11. В.В.Лопатин. Русская словообразовательная морфемика, АКЦ, М.,1976.
12. Общее языкознание: Внутренняя структура языка. - М., 1972, с.357-368.
13. Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка, М.,1976, с.60.
14. Б.И.Максимов. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке. Л.,1975.
15. Г.П.Навский. Филологические наблюдения. Рассуждение 2-е, изд. 2-е, СПб., 1850, с.215.
16. З.А.Потиха. Современное русское словообразование, М., 1970.

17. И.Ф.Протченко. Проблемы развития лексики и словособразования русского языка в советскую эпоху, М., 1973.
18. Словарные материалы 80, под редакцией Н.З.Котеловой, М.: "Русский язык", 1984.
19. А. Твардовский. Избранные сочинения, М.: Художественная литература, 1981.
20. В.Н.Хохлячева. Словообразование существительных в русском языке, АКД, М., 1976.
21. Г.Н.Цобацашвили. Морфологическая и синтаксическая аббревиация в русском и грузинском языках. АДД, Тбилиси, 1970.
22. В.А.Чернова. Современное русское словособразование, Новосибирск, 1976.
23. Н.М.Ланский. Очерки по русскому словосложению, издательство МГУ, 1968, с.270.
24. Л.Шеляховская. Структурно-морфологические типы сложных существительных и их продуктивность в современном русском литературном языке, АКД, Алма-Ата, 1953.
25. Л.В.Щерба. Литературный язык и пути его развития. "Избранные работы по русскому языку", М.: Учпедгиз, 1957, с.137.

ე. სელიშვილი

არსებობს სახეობის მრავალფეროვნება-სიტყვათა მრავალფეროვნება

თარგმანი ა. ტვარდოვსკის ლექსები

რეზიუმე

საინტერესო საბჭოთა ენათმეცნიერების ა. ტვარდოვსკის პოეტური ენაში
ანსახსნობა განსაკუთრებით ნათქვამი რიტორიკული და ენის გამოყენების უმ-
დაბრუნებელი ფორმები. ეს ენობრივი სიტყვათმეცნიერება, რომელიც და-
ბრუნების ძირითადი ტერმინია, პოეტური ენის სიტყვათმეცნიერების ფუნ-
ქციონირებას, მისივე განსაკუთრებით აქტიური და მრავალფეროვნების
ხარისხებს, რეკონსტრუქციას ახდენს. მნიშვნელოვანია კომპარატივი,
პარაფრაზი.

ნათქვამი ენობრივი მრავალფეროვნების ანალიზი სახეობის, მისივე ენის და-
ბრუნების და სიტყვათმეცნიერების არსებობის და ნათქვამების ანალიზის
რეზიუმის და მისივე განსაკუთრებით მრავალფეროვნების.

J. Alania

STRUCTURAL WORD-BUILDING TYPES OF NOUNS IN A. TVARDOV-
SKY'S POEMS

Summary

The paper deal with word-formation. A study of A. Tvardovsky's
poems has revealed a considerable number of productive word-building
types of nouns in Modern Russian. These types are affixation, compoun-
ding in which two stems are joined, compounding in which stems and the
prefix- ПОЛ, ПОЛУ are joined, compounding with the noun stem, com-
pounding of the type ДУХ - ПОДУШКА, ПОКЛОН, ПОЖЕЛАНИЕ etc.,
reduplication or repetition of the type СТАРИНА-СТАРИНА and abbre-
viation. The degree of productivity of word building types of nouns is indicat-
ed and their concise analysis is presented.

Труды Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета

საბჭოთაო თბილისის ბიუროს რედაქციის სტრუქტურული საბუღალტრო
უბიკუნიტეტის შრომები

276, 1987

КВАЛИФИЦИРУЮЩАЯ СЕМАНТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Н. А. Базилая

Языковая система пронизана выражением определенных отношений. Каждое слово, называющее что-то, появляется в силу необходимости не только назвать, но и квалифицировать тот или иной предмет, явление, состояние, признак фрагментов окружающей действительности.

Свойство определять, по сути говоря, лежит в основе каждого названия, так как назвать — значит классифицировать. Эту особенность человеческого мышления образно передал Ян Парандовский в своей "Алхимии слова": "Адам только тогда стал властелином мира, доверенного ему богом, когда каждую вещь обозначил особым названием. Будь то растение, насекомое или птица, но, пока мы не узнаем, как оно называется, это всего лишь неопределенная частица мира растений, насекомых, птиц. Только в убогом и легкомысленном жаргоне современных людей неопределенное "это" выручает от незнания предметов; только такие люди умеют жить среди вещей без названий и спозойно смотреть на "дерево", "кус" или "злак". Народ не терпит предметов, оторванных от действительности, поэтому произволь-

но он живет не среди деревьев, а среди дубов, буков, берез,
а эпитеты должны быть рождь или шевничей" /I, 136-137/.

По словам Н.Д.Арутюнковой, "в основе пользования языком
лежит выделение и обобщение признаков и свойств событий и
предметов" /II, 331/. Способность выделить и обобщить свойства
событий и предметов присуща всем частям речи: существительным,
прилагательным, глаголам, наречиям, которые Е.С.Кубрякова на-
зывает кардинальными /II, 19/. При этом одни части речи - при-
лагательные, глаголы, наречия - выражают значение квалифи-
кации в силу своей частеречной отнесенности: это слова, спониа-
лизированные для выражения признака - статичного или динамич-
ного. Что же касается имен существительных, то семантическая
сущность их частеречной отнесенности заключена в первую оче-
редь в выражении номинации, которая содержит в себе и значе-
ние квалификации. Особенно ярко это проявляется в обозначных
и качественных именах лица типа "умница", "лгуш", "мошенник",
"стиляга" (сюда же относятся и употребленные в переносном
значении названия животных, квалифицирующие человека со сто-
роны определенных черт его характера, способностей, поведе-
ния: "осел", "медведь", "лоса" и под.). Квалификацию выража-
ют и имена лица, которые, по наблюдениям Н.Д.Арутюнковой,
"используются для идентификации "предмета сообщения" - это
"три категории имен лица - имя собственное, имя реляционное
(шеф, мать, барин, начальник) и имя функциональное, обозна-
чающее значение "амплуа": водопроводчик, дворник, лифтер,
монтер, редактор, милиционер, министр" /II, 345/.

Полобо выделенным номерам лица, выражающим
квалификацию человека с разных точек зрения, среди имен суще-

ствительных выделяются и имена предметов, имеющих эмоционально-оценочный характер. Ср. приведенные Н.Д. Арутюновой слова такого рода: "бурда, отравка, помой (о невкусной еде), забегаловка (о плохом ресторане, столовой), сарай (о неудобной комнате), конюшня, хлев, свинарник, стойло (о грязном помещении), барахло, дребадень, дрянь (о плохой вещи), хлам (о старых и ненужных вещах), рухлядь (чаще о старой, сломанной мебели), дыра (о захудалом населенном пункте), машина (о большом, часто нелепом предмете или сооружении) и т.п.... называя отвлеченного качества: прелесть, пакость, мерзость, безвкусица, загляденье, обведаенье, одно удовольствие, наслаждение, мазня, пакотня и пр." /П. 346/. Даже в существительных конкретных, не оценочных и не качественных, способных, на первый взгляд, только выполнять функцию обозначения, содержится квалификация - не в самом слове, а в том, что мы подразумеваем в его значении. Когда мы называем предмет "столом", мы относим это слово, как видовое, к родовому его имени -- к мебели, т.е. квалифицируем данный предмет по признаку его родовой отнесенности. Номинация в языке отражает способность человеческого мышления классифицировать всю проявляемую действительность. Слово, в значении которого есть элемент классификации, обязательно содержит в какой-то степени и квалификацию.

Способность выражать квалификацию проявляет и большинство словосочетаний и предложений языка^I.

^I Ср.: "Значительным достижением современной теории номинации мы считаем... ее направленность на рассмотрение всех средств номинации, в частности, и тех, которые выходят за пределы слова и за пределы лексики" /И, 14/.

Словосочетания можно назвать специальными формами выражения определительных отношений, поскольку между компонентами атрибутивных, эмфатических, глагольно-именных словосочетаний так или иначе распределяется свойство определять признаки и свойство быть определяемым через этот признак: голубая чашка, дом отца, ослеп души, обласканы на рояле (выделенное слово, называющее признак). На уровне словосочетания свойство определять имеет специализированные средства выражения: синтаксическое определение, как согласованное, так и несогласованное.

В предложениях также наблюдаются разные способы выражения определительных отношений: скрытое присутствие квалификации в предложениях, скажем, бытийного или событийного типа ("Есть на Волге утес". "Он громко захохотал") и явное выражение квалификации в специализированной форме. На уровне предложений язык имеет конструкции, специально предназначенные для выражения определения как логической операции, посредством которой "устойчиво фиксируются существенные черты определяемого предмета таким образом, что при этом производится отличие определяемого предмета от всех сходных с ним предметов" /IV, 67/. Это конструкции, в которых изначально заложено инвариантное значение квалификации определяемого компонента через определяющий компонент: сравнительно широкий ряд вариантов конструкций предложений со значением определения - что есть что; что - что; что это что; что представляет собой что; что является чем; что называется чем и под. Схемы дефиниционных предложений имеют обобщенное значение характеристики (квалификации). Конкретные речевые единицы, реализуемые в реальных предложениях, имеют характер не вообще квалификации, а конкретной квалифи-

кация:

"Энергия является всеобщей мерой движения материи во всех ее формах"; "Лагранжево - изменение направления на предмет при перемещении наблюдателя"; "Килограмм - это масса международного эталона"; "Одним из наиболее простых и наглядных опытов для определения скорости движения молекул газа является опыт О.Штерна".

Таким образом, в словах, словосочетаниях и предложениях языка выражается как квалификация в широком смысле этого слова, так и определительные отношения, понимаемые как "отношения, при которых предмет, явление, действие, состояние, признак определяется со стороны своего внешнего или внутреннего качества, свойства, принаследности, а также получает различные обстоятельственные характеристики" /V, 18/.

В первом случае квалификация присутствует в семантике языковых единиц наряду с другими признаками, но всегда явно выступая на первый план, а во втором - зафиксирована в специальных средствах выражения. Эксперименты, проведенные среди студентов-филологов с заданием выделить конструкции с семантической квалификацией предмета, лица, явления в воспринимаемом на слух тексте, показали, что студенты-филологи находят квалифицирующую семантику не только в специализированных для выражения квалификации словах, словосочетаниях и предложениях. Так, к словам с квалифицирующей семантикой ими были отнесены и прилагательные "разнообразный", "геометрический", "всозможный", "дарственный", "правильный", и глаголы "изотнуть", "рассечь", "ограничь", "пересечь" и даже существительные "предмет", "прямоугольник", "параллелепипед", "воронка".

Квалифицирующую семантику студенты-нефилологи усмотрели в словосочетаниях "форма параллелепипеда", "плитки пола", "ведро цилиндрической формы". Они восприняли как квалифицирующие и дефиниционные предложения типа "Панки паркета - прямоугольники"; "Стены комнаты, пол и потолок являются плоскостями" и предложения тела "Сколько разнообразных геометрических фигур находится вокруг"; "Мы сразу же обнаружим здесь геометрические фигуры"; "Вот наша комната"; "На столе стоит лампа с абажуром"; "Ведро имеет цилиндрическую форму". Как показывают приведенные примеры, студенты отнесли к квалифицирующим в основном бытийные предложения. В этом нет ничего удивительного, поскольку, действительно, в каждом из бытийных предложений содержится квалификация, так как названные в них явления характеризуются как существующие. Ситуация, событие, переданные в предложении, наряду с основной семантикой событийности, также могут пониматься как квалификация, но не качественная, статическая, а динамическая. Бытийность, событийность, квалифицируемость взаимодействуют в предложениях, представляя собой слитное, многогранное явление. Но каждый раз реальное предложение выявляет в качестве основного значения какую-то одну сторону, выражает преимущественно одно значение: бытийности, событийности или квалифицируемости. Если в предложении преобладает семантика квалификации, то даже такие сугубо "действенные" глаголы, как глаголы движения, переходит "из семантического поля" движения в "семантическое поле существования" /Л.136/, теряя сему движения, сохраняя сему бытийности и приобретая общую квалифицирующую семантику.

Ср: "Развитие наук с природе идет по следующему пути".

Ярко выраженную квалифицирующую семантику могут иметь не только слова, словосочетания и предложения, ее может иметь и целый текст¹. При этом квалифицирующий характер текста определяет квалифицирующую семантику слов, словосочетаний и предложений, составляющих этот текст, и, одновременно, квалифицирующая семантика слов, словосочетаний и предложений формирует квалифицирующий характер текста.

На шкале основных стилей можно выделять стили, маркированные способностью явно выражать квалификацию. Ярким примером такой маркировки являются научный и учебный стили.

Главная цель научного стиля — определить то новое, что является предметом научного размышления. Цель учебного стиля как вторичного по отношению к научному стилю, — подробно останавливаясь на объяснении каждого вводимого понятия данной науки, определить не только новое, но и азбучные для данной науки понятия. И в том, и в других стилях сталеобразующим является определительный тип текста. Ключевое положение специализированных средств выражения квалификации в научных текстах и их сплошной массив в учебных текстах определяются общей квалифицирующей направленностью научного и учебного стилей, хотя характер квалификации в них и различен.

Сравнение научного текста, в котором лишь называются физические величины, характеризующие физические свойства материи или характерные особенности физических явлений природы,

¹ Ср.: "Текст в настоящее время выступает в качестве полноправного субъекта лингвистических исследований. Лингвистике, сделав текст предметом своего рассмотрения, как бы возвыла его в статус языковой единицы, наряду со словом, словосочетанием, предложением". /УП, 7/.

такие как длина, время, скорость, ускорение и под. с учебным текстом (в учебнике по физике /УП/) показывает, что каждая из этих величин является темой отдельного учебного текста и каждая определяется посредством особой специализированной формы дефиниционного предложения. Номинации физических величин в учебных текстах не только сами по себе несут идеи текста, но и участвуют в целом ряде определительных сочетаний. Так, например, в тексте, занимающем одну страницу стандартного учебника по физике /УП, 15/, употреблено 45 существительных. Частотность употребления этих существительных следующая: 1) слово "величина" повторяется исключительно часто - 20 раз; 2) выделяется еще 4 существительных в качестве высоко-частотного ядра, с ядреческой частотностью от 15 до 8: "измерение", "длина", "значение", "единица"; 3) два слова - "провода" и "стол" представлены в качестве менее частотного ядра: они отмечены ядреческой частотностью 7 и 5; 4) все остальные 38 существительных - редкие или единичные.

Высокая употребительность каждого слова из приведенного высокочастотного ряда обусловлена одной из двух причин: 1) существительные, составляющие частотное ядро текста, имеют высокую степень значимости для данного текста, потому что выполняют функцию ключевых слов. Они выглают тему текста, обозначают физические понятия и тем самым служат определителями этих понятий: величина, измерение, длина, значение, единица; 2) существительные "провода" и "стол" частотны по другой причине: они употреблены в объяснительной части текста в сочетании с определителями. Слова "стол" и "провода" частотны только потому, что они употреблены в сочетании с высоко-частотным ключевым словом "длина".

Ср.: "Так, длина проволоки, количество гвоздей в коробке, скорость движения лодки являются примерами величин различного рода. Сравнивать значения разнородных величин нельзя. Действительно, невозможно ответить на вопрос, что больше — длина проволоки или скорость движения лодки. А вот сравнить длину проволоки с длиной стола можно. Если при таком сравнении мы установили, что длина проволоки в пять раз больше длины стола, то длина стола является единицей измерения, так как с ней сравнивается длина проволоки..." /УЧ, 15/.

Таким образом, прежде чем устанавливать этическое положение слов в тексте по признаку высокой их частотности в нем, следует различать, — в каком типе текста они употреблены, поскольку разные отрезки текста имеют разную значимость для текста в целом. Эта значимость определяется темой текста, названной в заглавии, в данном случае — "Понятие о величине и измерении. Физические величины".

Ключевые для рассматриваемого текста слова "величина" и "измерение" представлены в нем в самых различных комбинациях, что создает различное тема-раматическое чередование и влияет на разный характер выражаемых этими комбинациями определятельных отношений. Различие тема-раматического чередования слов "величина" и "измерение" в основном выступает в рамках генитивной конструкции (существительное в инфинитивной падежной форме + существительное в родительном падеже), выражая разную функцию в семантике заданных конструкций определятельных отношений: функцию определяемого и функцию определяющего. При этом слово "величина", как заданное темой текста, 12 раз выступает в составе генитивной конструкции в роли оп-

ределительного; слово "измерения" 6 раз выступает в составе генитивной конструкции как определяемое ("измерение величины", "измерение длины").

Квалифицирующий характер ключевых для данного текста слов подчеркивается дважды: во-первых, квалифицирующей семантикой самих слов, во-вторых, чисто языковой, грамматической функцией: выступать определяемым или определяющим в генитивной конструкции.

Генитивная модель - основное средство выражения определительных отношений в рассматриваемом тексте (если рассматривать выражение квалификации на уровне словосочетаний).

В тексте представлены различные комбинации двусловных генитивных и атрибутивных синтаксических конструкций, складывающихся в многочисленные генитивные цепи с вкрапленными в них согласованными определениями.

Пр.: "расчеты значений величин с помощью формул", "примеры величин разного рода", "сравнение значений какой-либо величины", "результат измерения значений некоторой величины" и под.

Эти комбинации словосочетаний, выражающих определительные отношения, включаются в разные семантические типы предложения, среди которых значительное место занимает дефиниционные предложения. В разбираемом учебном тексте, состоящем из 24 предложений, представлено 10 дефиниционных предложений, построенных по схеме реального (что является чем) и номинального (что называется чем) определения.

Реальные определения использованы в тексте для пояснения тех основных положений, которые раскрываются в ключевой, центральной части текста:

"Так, длина проволоки, количество гвоздей в коробке, скорость движения лодки являются примерами величин разного рода".

"...длина стола является единицей измерения".

"... метр является общепринятой единицей измерения длины".

"Этот результат является численным значением длины в приведенном примере".

"Примерами физических величин являются длина, время, скорость, ускорение".

Ключевые позиции в тексте зафиксированы в номинальных дефинициях, являющихся специальным стилиобразующим средством именно учебного стиля:

"Все то, что может быть выражено количественно, называют величиной".

"Сравнение значений какой-нибудь величины называется измерением"

"Значение величины, с которым сравниваются все другие значения этой же величины, называется ее единицей измерения".

"Число, показывающее, сколько раз в измеренной величине содержится единица измерения, называется численным значением этой величины".

"Те величины, которые характеризуют физические свойства материи или характерные особенности физических явлений природы, называются физическими величинами".

Таким образом, текст как целое довлеет над элементами, из которых он состоит; элементы текста, в свою очередь, участвуют в создании общей квалифицирующей семантики текста.

Литература

1. Парацковский Ян. Алгебра слова. Перевод с польского. М., 1982.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
3. Кубрякова Э.С. Части речи в ономастологическом освещении. М., 1978.
4. Горский Д.П. Логика. М., 1973.
5. Русская грамматика. Том I. М., 1980.
6. Уфляева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.
7. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.
8. Ефанов Л.С. Учебник по физике для средних специальных учебных заведений. М., 1977.

Ե. Նասրալաև

ՉՅՈՍ ԵՐԹՅԱԴՐՈՅԻՆ ԿՅԱՆՈՊՈՍՏՈՂՅԱՆ ԱՐՁԱՆՈՒԹՅԱՆ

ՔՐՅՆՅՐԾԵ

Երկրորդ ժամանակահատվածում քննարկվում են լեզվի միավորների դասակարգումը /ստորագրություն, բառակազմություն, բառապարբերություն, արհեստական / կառուցվածքային ստեղծագործություն/:

N.Nasirala

CLASSIFICATION SEMANTICS OF LINGUISTIC UNITS

Summary

The paper discusses the classification semantics of linguistic units: words, word-combinations, sentences, texts.

Труды Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета

საქართველოს სახელმწიფო უნივერსიტეტის
უნივერსიტეტის შრომები

- 276, 1987

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ТЕКСТА
(на материале литературы по минералогии)

С.В.Берия

Научно-популярный текст - это текст, адресованный неспециалисту. Поэтому, в зависимости от адресата, он может быть более или менее доступным. Информативная функция является основной функцией текста. Однако текст выполняет не только познавательную, но и эстетическую функцию, проявляющуюся в форме высказывания, в неожиданном, непривычном соединении слов, использовании экспрессивной лексики. В научно-популярной литературе ярко проявляется индивидуальная авторская манера изложения, которая может облегчать или затруднять восприятие содержания (1,61).

В текст часто включаются различные средства художественной выразительности, приводятся цитаты из художественной литературы. Само повествование ведется в форме рассказа или беседы с читателем. В отличие от научного стиля, в научно-популярном авторское "я" не отстранено, автор не только отражает объективную реальность, но и показывает свое отношение к повествуемому. "Авторское" I-е лицо множественного числа (характерное для научного стиля) заменяется I-м лицом единственного числа, повествование и описание преобладают над рассуждением. Часто даются авторские комментарии к тексту с целью

пояснения или уточнения предмета изложения. Стилистический прием обращения к читателю заостряет внимание на наиболее важных моментах повествования.

Можно сказать, что научно-популярный текст имеет характерные признаки как научного, так и художественного стиля, проявляющиеся на всех уровнях.

Как правило, текст начинается с заглавия. "Заголовком называют единицу коммуникации, стоящую перед текстом, являющуюся его названием, указывающую на содержание этого текста и отделяющую данный отрезок речи от другого" (2,75).

А.А.Алисултанов выделяет следующие функции заголовков: информативная, номинативная, рекламная, конспективная, прагматическая, отмечая, что информативная функция, тесно связывая заголовок с содержанием, выступает в научном тексте на первое место в то время, как в художественном, например, на первое место выдвигается номинативная функция. "Заголовок выполняет настолько значительную семантическую функцию в передаче основной информации текста, что по существу составляет с ним единое целое, а иногда и дополняет его, помогая целостному восприятию содержания данного текста" (2,75).

В научно-популярном тексте заголовок может выполнять как информативную, так и номинативную функции. Например: Как образуются минералы. Сбор, обработка и коллекционирование минералов. Новые применения драгоценных камней (8).

Формы кристаллов. Переохлажденные жидкости (10).

Как ищут алмазы (9). Эти заголовки ориентируют на содержание текста, т.е. выполняют информативную функцию.

Синдбад-мореход и другие. Соперники или союзники? К новым от-

критиям (9). Осторожность необходима всегда (8).
Поцелуй. Две цены. На пути к себе. Рождение слова. Черное и белое. Искры прошлого (12). Не соотносясь непосредственно с содержанием текста, не зная предварительно с этим содержанием, заглавия выполняют номинативную функцию. Но заголовок не только предварительно знакомит с текстом, он должен стать ключевым словом текста (2,77), помогая целостному восприятию содержания. Поэтому номинативная и информативная функции обычно тесно связаны.

Однако, как представляется, кроме вышеречисленных функций заголовка, имеется еще одна важная функция - художественно-эстетическая, привлекающая внимание читателя к тексту.

В научно-популярной литературе эстетическая функция может выдвигаться на первый план. Например, заглавия в научно-популярной книге Т.И.Здорик "Приоткрой малахитовую шкатулку":

- Очи яхонтом горели (минералы группы корунда)
- Разноцветные зерна гор (минералы группы граната)
- Крокус седого Урала (крокоит)
- Зеленый лед инков (изумруд)
- Листья мальвы (малахит) и др. (II).

Автор на первый план выдвигает художественную функцию заголовка, используя средства художественной выразительности (например, метафору), и лишь как вторичная выступает информативная функция (комментарии к заглавию, данные в скобках). Таким образом, подчеркивается важность эстетической функции для восприятия текста, так как текст и заголовок тесно связаны, составляют одно семантическое целое.

Особую важность "с точки зрения информативной ценности

текста" (2, 77) приобретает специальная лексика, непосредственно связанная с предметом исследования. Специальная лексика включает термины, профессионализмы, номенклатурные наименования. В рассмотренных текстах наиболее употребительными являются номенклатурные наименования — названия минералов. "Номенклатура — совокупность названий для классов предметов, которые составляют как бы низший вид в науке" (3, 1).

В настоящее время науке известно более двух тысяч минералов, но далеко не все из этих названий встречаются в научно-популярной литературе о минералогии. Обычно предметом исследования становятся названия минералов и драгоценных камней, наиболее известные читателю-неспециалисту. В круг этих номенклатурных наименований могут включаться и названия наиболее известных горных пород (мрамор, алебастр, известняк), не являющиеся с точки зрения специалиста минералами, и природные тела, образованные в результате природных биологических реакций, однородные в физическом и химическом отношении, но не являющиеся частью литосферы (обязательное условие для минерала) — янтарь, жемчуг, коралл. Таким образом, терминологическое поле термина "минерал" значительно шире в научно-популярной литературе, нежели в научной.

Термин "минерал" появляется в русском языке в начале XIII века из латинского *minera*, через франц. *mineral* (руда). В XVI веке термин "минерал" сосуществовал с термином "руда", обозначавшим "возякое ископаемое вещество сложного состава" (4, 185).

Как отмечает Л. Л. Кутина в монографии "Формирование языка русской науки", вначале этот термин имел очень широкое употреб-

ление, обозначая всякое ископаемое вещество (185). Постепенно содержание термина становится более отчетливым. К минералам относят вещества "не металлы и не камни". Л.Кутина связывает появление этого термина с именем Татищева: "Татищев именует эту группу веществ МИНЕРАЛЫ или СОЛИ; соль подземная, прочие соли или минералы; селитра, сера, кунгур, натирь, квасцы, мыльняк... Сходным образом трактовал минералы Ломоносов (ср. его классификацию в "Первых основаниях металлургии": металлы-полуметаллы-минералы-камни-земли" (4,185).

Следовательно, в начале формирования минералогической терминологии не было единого термина для обозначения самого предмета исследования и, наряду с латинским "минерал", использовался русский синоним "руда" и даже "соли". В дальнейшем значения этих терминов разошлись, и в значении "минерал" закрепилось за обозначением "природного тела, приблизительно однородного по химическому составу и физическим свойствам, входящего в состав горных пород, руд, метеоритов" (6,272). В настоящее время термин "минерал" однозначен, однако неоднозначно понимание его в научном и научно-популярном стиле. Терминологическое поле его в научно-популярном тексте шире, так как в номенклатуру минералов включаются природные тела, не являющиеся в строгом смысле слова минералами.

А.Е.Ферман включает в терминологическое поле "минералы" названия таких горных пород, как мрамор, гранит, лабрадор (7,10), мраморный оникс, туф (7,12), кремль (7,29), базальт, обсидиан, графит (7,142) и др. В.И.Соболевский считает минералами (правда, с оговоркой) жемчуг, перламутр, коралл, янтарь (8). Терминологическое поле "минералы" расширяется и благодаря употреблению синонимов - профессионализмов или архаичных на-

званий:

Опал - рубин, сапфир

Лал - шпинель

Венеры, карбункул, кырлук - гранат (II)

Сапфир - сапфир

Армянский камень, лазурд, ладкварт - лазурит

Иаспин, яспис - яшма

Шохан - шохлинский кварцит

Раухтопаз - дымчатый топаз (7).

Происходит терминологизация слова, так как ему приписывается специальное понятие и оно включается в систему минералогической терминологии, "совокупности терминов, связанных между собой отношениями рода и вида, целого и части"

(5,12). Дополняя и уточняя наше представление о понятии, синоним выполняет двойную функцию: гиссеологически-информативную и эмоционально-оценочную, вызывая дополнительные эмоционально окрашенные ассоциации.

Включение в научно-популярный текст терминов, профессионализмов или номенклатурных наименований, понятных лишь узкому кругу специалистов и служащих нуждам профессионального общения, требует их толкования. При включении термина в текст дается единица понятия, т.е. называются признаки "предмета или класса предметов, отраженные понятием" (5,13). При толковании термина в научно-популярном тексте обычно дается пояснение его с помощью тех свойств или признаков, которые не требуют для понимания их узкоспециальных знаний. Приведем пример включения в текст различных номенклатурных наименований и определения их. Примеры взяты из научно-популярных книг: А.Е.Ферман

"Рассказы о самоцветах", Т.Б.Здорик "Приоткрой малахитовую шкатулку", В.И.Соболевский "Замечательные минералы": Есть оранжевый камень редкой красоты. Он сверкает и пламенеет, оранжевое пламя искрами вспыхивает в коронке камня, пробиваясь сквозь грани бриллиантовой окраски. Называется он тоже красным гиацинтом. Гиацинт — драгоценная пламенно-оранжевая, огненно-коричневая, красно-коричневая прозрачная разновидность минерала циркона (II, 58). Лазурит. Нет у этого камня прозрачности и яркого блеска, нет игры граней. Один цвет, густая плотная синева. Испокон веков манит, притягивает глаз человека бездонное лазурное око небес. Наверное, оттого и находим мы густой синий след лазурита, тянувшийся через века и континенты, синюю отметину небес на памятниках древних цивилизаций (II, 115). Цитрином называют прозрачный кварц лимонно-желтой окраски. Аметист — это горный хрусталь с естественной фиолетовой окраской. Как у мутного кварца, густота окраски и однородность кристалла обычно увеличивается от основания кристалла к его головке (7, 173).

Бирюза — замечательный камень нежно-голубого чистого тона, который так любили персы, сравнивая его с небесным сводом. Зеленоватые отливы приближают его к цветам бурных голубовато-зеленых вод, стекающих с ледников Кавказа, Гималаев и Альп (7, 112).

Хризоберилл — камень очень редкий. Из его разновидностей особенно замечателен александрит, изменяющий окраску в зависимости от освещения: "Утро у него зеленое, а вечер красный" (8, 101).

Берилл имеет многочисленные разновидности, отличающиеся бо-

такой гаммой цветов. Обычный берилл слабо просвечивает, травяных или бурых тонов - важнейшая руда на бериллий. Все прозрачные разновидности его являются весьма ценными камнями, никогда не выходящими из моды. Наиболее ценен изумруд чисто травяного цвета, едва ли не самый дорогой из камней (8,108).

Сравнивая пояснения, даваемые разными авторами, можно отметить, что, определяя минерал, авторы прежде всего отмечают его эстетическую и коммерческую ценность, зависящую от цвета, блеска, игры, прозрачности камня. Химическому, кристаллографическому анализу, физическим свойствам отводится второстепенное место. Как правило, физические и химические свойства, кристаллография минерала приводятся после того, как определяется его эстетическая ценность, или вообще не приводятся, что выдвигает на первый план художественную функцию текста, тесно связываемую с информативной.

Включение в текст информации о физико-химических свойствах минерала может сопровождаться комментариями, подчеркивающими особую важность эстетического: "Но это сухое описание не передает, конечно, обаяния нашего прекрасного синего камня, который в свое время ценился наравне с золотом и воспевался в поэтических легендах" (7,100).

При описании термина авторы используют экспрессивно-эмоциональную лексику (манит, замечательный, пламенет), метафоры (орнаментное пламя циркона, бриллиантовая окраска, лазурит - сияющая отсветина небес), красочные эпитеты, сравнения, привлекают цитаты (например, при определении александрита - цитата из А.И. Куприна), тем самым выдвигая на первый план художественно-эстетическую функцию текста, которая актуализирует вид-

мание читателя и с помощью ярких, образных ассоциаций способствует более быстрому и прочному запоминанию и лучшему восприятию текста.

Как отмечалось выше, научно-популярный текст имеет, с одной стороны, характерные признаки научного стиля и, с другой стороны, художественного. В языке научной литературы основной является информативная функция, эмоционально-сигнальный элемент если и присутствует, носит вторичный характер. Научно-популярный стиль сближает с научным в основном широкое употребление специальной и общенаучной лексики.

С художественным стилем научно-популярный сближает употребление различных тропов; эмоциональная лексика; усиление их изобразительно-выразительные возможности текста. В языке художественной литературы на первый план выдвигается эстетическая функция языка.

"В художественной литературе основная сфера проявления эстетической функции языка - это воплощение образных обобщений действительности, внутреннего мира людей, обобщений, которые помимо своих познавательных качеств несут в себе огромный эмоциональный заряд. Он концентрируется и в общем раскрытии отношения художника к миру, в сложной системе поэтических тонкостей, эмоциональных акцентов, и в той передаче многочисленных душевных состояний, эмоций людей, которая характеризует самые различные жанры литературных произведений" (13,21).

В художественной литературе используются различные средства выразительности: метафора, метонимия, эпитет, сравнение. С помощью точно найденного слова выражается авторское мировоззрение, его восприятие мира. "Художник производит целена-

правленный отбор всего словесного состава повествования, всей совокупности лексических средств, которые способны с наибольшей впечатляющей силой передать то, что открыто, познано писателем" (13,33). В художественном произведении задача автора - раскрыть свое понимание мира, показать эмоциональное отношение к различным явлениям действительности.

В научно-популярном стиле коммуникативная функция, с помощью которой воспринимается информация, познавательная и эстетическая функции выступают в тесном единстве и служат единой цели: закрепить информацию, даваемую читателю, воздействуя на него с помощью эмоциональной насыщенности, внутренней динамичности и выразительности текста.

Литература

1. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М.: Наука, 1977.
2. Адисултанов А.А. Именование текста как ключевое слово. Вестник МГУ, серия - 9, филология, 1985, № 4.
3. Кондрашев В.В. Военная номенклатура Великобритании и США (на материале сухопутных родов войск). АКД, 1982.
4. Кутина Л.Л. Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVII века). Изд. Наука, М.-Л., 1964.
5. Ткачиря Э.О. Термины и терминология. "Русский язык в национальной школе", 1985, № 11.
6. Словарь русского языка. В 4-х т., т.Л., М.: Русский язык, 1980.
7. Тероман А.Е. Рассказы о самоцветах, М.: Наука, 1974.
8. Соболевский В.И. Замечательные материалы. М.: Просвещение, 1983.

- 9. Милашев В.А. Алмаз. Легенды и действительность. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1976.
- 10. Шакольская М.П. Кристаллы. М.: Наука, 1985.
- 11. Здорик Т.Б. Приоткрой малахитовую шкатулку, М.: Просвещение, 1979.
- 12. Ферсман А.Е. Воспоминания о камне. М., 1981.
- 13. Храпченко М.Б. Язык художественной литературы. В кн.: Контекст, 1984. Литературно-теоретические исследования, М.: Наука, 1986.

Ե. Ժողով

ՍԱՐԵՆՈՎՈՐԹ-ՎՈՅՆՆԱԿՅՈՒ ՏՐՄԱՅԻՆ ԳՐԹՆԻՆ ԶՈՐՈՎՈՐԹԻՆ
 ԽԱՅՈՍԱԾՅԿՈՒԹՅԱՆ
 (ԽՅՑՈՅԹԵՂ)

Սարենովորթ-Վոյննակյու Տրմայի ըրթոսըրըն ըրթո ըրթոյ, խա-
 ջոսընըրթն Սարենովորթ ստըրոս ըս, ըրթոյ ըրթոյ, ընստըրթո-
 սս, իսըրթն, ըսնսըրթն իս ըստըր ըրթոյրթն, իսն, Սարենով-
 որթ - Վոյննակյու Տրմայի ըստըրթն ըրթոյրթն ըրթոյրթն
 ըս ըստըրթն, Սարենովորթ-Վոյննակյու Տրմայի ըրթոյ ըրթոյ
 ըրթոյրթն, ըրթոյ ըստըրթն ըրթոյրթն, իսն ըրթոյ ըրթոյրթն
 ըրթոյ ըրթոյ ըրթոյրթն ըս ըրթոյրթն ըրթոյրթն ըրթոյրթն
 ըրթոյրթն, ըրթոյրթն, ըստըրթն ըստըրթն ըրթոյ ըրթոյրթն
 ըս ըրթոյ ըրթոյրթն, ըրթոյրթն ըրթոյրթն ըրթոյրթն

УДК 81(075)
812.001.003.5

S. Beria

SOME FEATURES OF POPULAR-SCIENTIFIC TEXT

Summary

The popular-scientific text combines the specificities of scientific and fictional styles. Being highly informative, the text in question is distinguished for its graphic narration and imagery. The genre has not only cognitive but aesthetic function as well; the latter function favours a better perception of the text, and by arousing the reader's attention through vivid image associations facilitates faster and steadier remembering.

Труды Тбилисского ордена Трудового Красного Знамена
государственного университета

საქართველოს სახელმწიფო უნივერსიტეტის
უცხოენოვანთა განყოფილება

273, 1987

К ВОПРОСУ О СВЯЗИ ПОДЛЕЖАЩЕГО И СКАЗУЕМОГО
(на материале русского и грузинского языков)

М. Д. Гветадзе

Вопрос о сущности и способах выражения синтаксической связи между главными членами двусоставного предложения уже много лет привлекает внимание ученых синтаксистов, однако до сих пор он не получил достаточно четкого и однозначного решения и, следовательно, продолжает оставаться дискуссионным.

В русской синтаксической науке в последнее десятилетие, как известно, в решении этого вопроса наметились две основные точки зрения. Согласно первой, традиционной, между подлежащим и сказуемым устанавливаются односторонние subordinативные отношения, которые находят свое выражение в согласовании подлежащего с сказуемым /5, 112/. Согласно второй, подлинный характер связи между главными членами предложения полностью отрицается, а их формальное уподобление друг другу квалифицируется как координация, при которой "ни одна из функций не является ни главенствующей, ни зависимой" /8, 57/.

В структуре предложения языков различного строя между составляющими его компонентами устанавливаются определенные синтаксические отношения, которые получают различное выражение в способах своей формальной передачи. Основными синтак-

смысловыми отношениями, создающими структурное ядро, грамматический центр двусоставного предложения, являются предикативные отношения, которые устанавливаются между его главными членами. Связанные такими отношениями члены предложения всегда взаимонаправлены, взаимообусловлены, взаимозависимы. Речь идет о специфике подлежащего заключается в том, что оно получает свое раскрытие в сказуемом, а сказуемое всегда ориентировано на подлежащее. Они соотносительны как в семантическом, так и в структурном плане. Как отмечает А. Дибров, подлежащее лишь во взаимосвязи со сказуемым обнаруживает такие присущие ему черты, как смысловое значение субъекта, производя его или испытываемого на себе действие-состояние, и синтаксическую функцию субстанци, которой приписывается определенный признак. Подлежащее не мыслится вне категории времени и категории объективной модальности, а они выражаются именно сказуемым. Последнее лишь во взаимосвязи с подлежащим проявляет свои черты сказуемого /3, 42/.

На синтагматическом уровне предикативные отношения выражаются сложной двусторонней взаимозависимостью главных членов предложения. В работах некоторых ученых, касающихся структуры простого предложения русского языка, дается четкое определение этой взаимосвязи: она обрывается наложением, осуществляемом согласования, в котором реализуется зависимость сказуемого от подлежащего, и управления, в котором реализуется зависимость подлежащего от сказуемого /1, 14/.

Наличие координатных, двусторонних отношений, получающих выражение в координации согласования и управления, констатируется между подлежащим и сказуемым и в грузинском языке /3, 3/.

Поскольку способы синтаксической организации слов в священной речи часто существенно различаются даже в родственных языках и составляют одну из ярких сторон национальной специфики каждого языка, представляется интересным сравнить механизм связи главных членов предложения в таких разносистемных языках, какими являются русский и грузинский. Тем более, что приведенные выше характеристики предикативной связи в этих языках внешне совпадают. Кроме того, законы согласования и управления требуют пристального внимания при практическом освоении русского языка. В данной статье мы ограничились рассмотрением глагольных двусоставных предложений с формально выраженной связью в русском и грузинском языках, анализируя каждую из линий взаимозависимости подлежащего и сказуемого отдельно.

В простом двусоставном предложении русского и грузинского языков, главные члены которого выражены наиболее характерными формами (именем существительным или местоимением и финитной формой глагола), компоненты предикативного ядра обычно объединены общностью форм числа. Категория числа у глаголов и существительных различной природы. У глаголов она является грамматической категорией: лексическое значение действия не определяет употребление сказуемого в том или ином числе. Категория числа существительных лексико-грамматическая, кроме того, далеко не все существительные в сопоставляемых языках изменяются по числам, финитный же глагол изменяется по числам всегда. Поэтому есть чисто формальные основания видеть в общности форм числа главных членов предложения результат соотношения спрягаемой формы глагола с именем, направление зависи-

мости от подлежащего к сказуемому. Однако принципы согласования различны в сопоставляемых языках.

Форму числа сказуемого могут определять факторы собственно грамматического или смыслового характера. В предложении русского языка, где позиция подлежащего занята одной словоформой, сказуемое всегда воспроизводит то число, которое получает выражение в подлежащем, независимо от категории одушевленности/неодушевленности последнего.

В предложениях аналогичной структуры грузинского языка число глагола-сказуемого при подлежащем, имеющем форму множественного числа, определяется семантическими факторами. Только те подлежащие, стоящие во множественном числе, обязательно требуют того же числа от сказуемого, которые обозначают предметы одушевленные.

Например: *ბავშვები რბობაობენ* но, *საქართველო სვლავს* რბობს.

Я. Гогобенидзе это свойство грузинского синтаксиса объяснял тем, что грузинский язык за единицы принимает только души, на материальные же предметы смотрит как на части одной большой единицы - материи /7,56/. Поэтому для грузинского языка естественны такие построения, как *ბავშვები რბობ*.

В настоящее время в грузинском языке усиливается тенденция к унификации норм, т.е. сказуемое чаще согласуется в числе с неодушевленным подлежащим (особенно, если оно выражено глаголом действительного залога, а подлежащее обозначает активно действующий предмет). Но все же это только тенденция, и в грузинском языке еще в столько сильно различаются конструкции типа *ბავშვები ახერხდები* и *ბავშვები ახერხებ*, что употребление множественного числа сказуемого при неодушевленном подлежащем вызывает эффект "персонификация" /4,103/.

В тех предложениях русского языка, где позиция подлежащего занята различными сочетаниями (оо значении числа, неопределенного количества, совместного действия), форма согласованности сказуемого с подлежащим в числе становится вариативной в результате соперничества двух факторов — грамматического и семантического. Выбор формы сказуемого в случае, когда система языка предполагает ее вариативность, определяется узусом и нормой.

В грузинском языке в предложениях, где позиция подлежащего занята количественно-именным сочетанием, используется чистое грамматическое согласование с ведущим членом подобного сочетания, сказуемое всегда в единственном числе. Таким образом, там, где в русском языке возможны варианты: работает сто человек/работают сто человек, в грузинском должно быть:
საი ასე აუბნობი

Встречающиеся отступления от этого правила недопустимы по нормам современного грузинского литературного языка /4,99/.

Поскольку релятивный глагол грузинского языка может изменяться как по лицам субъекта, так и по лицам объекта, то в сказуемом может отражаться число не только подлежащего, но и дополнения. Например: *აქაა რაი აბნობი აბნობი*.

Таким образом, согласование в числе сказуемого с подлежащим в грузинском языке имеет более последовательный характер, чем в русском: число сказуемого определяется морфологическим выражением числа подлежащего.

Зависимость сказуемого от подлежащего в русском языке проявляется также в категории рода, если глагол-сказуемое в форме прошедшего времени. Родовые личные формы глагола по своей

морфологической природе не способны к иному типу связи, кроме согласования. Подобно согласованию в числе здесь выделяются случаи грамматического, условного и семантического согласования.

В грузинском языке грамматическая категория рода отсутствует, поэтому зависимость глагола-сказуемого от подлежащего ограничивается категорией числа.

Соотношение подлежащего и сказуемого в категории лица квалифицируется неоднозначно. Признать здесь согласование не позволяет тот факт, что имена существительные не обладают категорией лица и, следовательно, не могут "требовать определенной личной формы глагола, они лишь прогнозируют форму третьего лица" /I, II/. При наличии релятивного, двухличного глагола в позиции сказуемого грузинского предложения в его форме может отражаться лицо не только субъекта, но и объекта. А. Чибобава предлагает квалифицировать зависимость финитной формы глагола в лице от имени как управление /9, 51/. Что касается таких конструкций русского и грузинского языков, где подлежащее выражено личным местоимением первого и второго лица, а сказуемое соответствующей личной формой глагола, то здесь действительно трудно определить направление зависимости /2, 25/. В обоих сопоставляемых языках формы первого и второго лица глаголов могут использоваться без подлежащего /в грузинском языке таме, т.к. в личной форме глагола кроме лица субъекта отражается и лицо объекта/. Эта информация об отсутствующем подлежащем заключена в самой глагольной форме, так что она не нуждается в уточнении. Таким образом, подлежащее и сказуемое в категории лица лишь соотносят формы между собой, вступая в отношении предиктивной взаимозависимости.

Характеристика связи между именительным падежом существительного и спрягаемой формой глагола не исчерпывается установленным согласованием, направленным от существительного к глаголу. Здесь имеется также другая зависимость, которая реализуется исходящем от глагола требовании определенного падежа существительного.

В русском языке это именительный падеж (в связи с чем русский язык относится к языкам номинативного строя). Как отмечает В.А.Болотникова, требование именительного падежа подлежащего определяется двумя характеристиками русского глагола, тем, что это: а) личный, а не безличный глагол (сочетательные свойства последнего не допускают употребления при падежах именительного падежа), б) требование именительного падежа, исходящее от глагола-сказуемого, определяется грамматической формой глагола - тем, что это спрягаемая форма: инфинитив не допускает сочетания с именительным падежом имени. Именительный падеж устанавливается в подлежащем в порядке его подчинения сказуемому: исходя из потребностей обозначить субъект действия или предшаруемого признака, т.е. в зависимости от характера его смысловой связи со сказуемым. Зависимость подлежащего от сказуемого в синтагматическом плане в русском языке проявляется слабо: подлежащее имеет всегда только одну форму - именительный падеж /1,13/.

Иначе обстоит дело в грузинском языке где вся структура простого предложения определяется глаголом, а именно его словоизменяемыми категориями. В конструкциях, где позиция сказуемого занимает относительно переходным глаголом, словоизменяемые категории последнего определяют падеж подлежащего.

а также дополнения. В формах I серии времен глагол-сказуемое управляет именительным падежом подлежащего, образуя номинативную конструкцию предложения: *ბავშვები ბავშვს ბუბანს*.

Если сказуемое в формах II серии, то образуется эргативная конструкция предложения - подлежащее в эргативном падеже:

ბავშვებსა რბავს ბუბანს.

Если же позиция сказуемого занята глаголом в формах III серии (I и II результативное), то подлежащее в дательном падеже - образуется дативная конструкция: *ბავშვებს რბავდავს ბუბანს*.

Помимо вышеназванных конструкций, в корне отличающих грузинский язык от русского и других индоевропейских языков, в грузинском предложении, где в роли связуемого непереходный глагол, подлежащее всегда имеет одну форму - именительный падеж. Эта конструкция не отличается в рассматриваемом плане от номинативных построений русского языка. Поскольку личные местоимения первого и второго лица в грузинском языке не имеют форм словоизменения, зависимость такого подлежащего от сказуемого на синтагматическом уровне здесь не выражена. Как и в русском, зависимость подлежащего от сказуемого здесь проявляется на другом уровне - предикативном, происходит т.н. "сопряжения подлежащего со сказуемым, вовлекающее подлежащее в предикативное соединение со сказуемым" /6,31/.

Литература

1. Белопашкова В.А. Заметки о синтаксической связи между подлежащим и сказуемым. - В сб.: Вопросы русского синтаксиса. вып.2, М., 1979.
2. Грамматика русского языка, т. II, ч. I, М., АН СССР, 1960.
3. Дябров А.А. Типы синтаксических отношений между членами

- предложения, составляющими предикативное ядро. - ИДВИ ФН, 1975, № 5.
4. Квачадзе Л. Синтаксис современного грузинского языка. Тб., 1977 (на грузинском языке).
  5. Лешковская А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
  6. Поспелов Н.С. О некоторых синтаксических категориях. - В сб.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
  7. Руденко В.Т. Грамматика грузинского языка. М.-Л., 1940.
  8. Слюбикова Е.С. Согласование и управление в русском языке. М., 1971.
  9. Чикобава А.С. Проблема простого предложения в грузинском языке. Тб., 1968 (на груз. языке).

8. დასკვნა

უკუდასკვნისა და დასაბუთების ახორციელების

საკითხების

სტრუქტურა

ნაშრომშიც მითვლილია შევნიშნებისა და ანალოგიის პრეპოზიციური
ქრონოლოგიის, წინადადებათა მდებარეობისა და მათი მნიშვნელობის
წინადადებათა და მათი მნიშვნელობის

M. Gvetadze

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN SUBJECT AND PREDICATE

Summary

The paper presents a comparative analysis of the predicative relationship between the principal parts of the sentence in the Russian and Georgian languages.

Труды Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета

საქართველოს სახელმწიფო უნივერსიტეტის
უბივიტუტუტუტის შრომები
276, 1987

ТЕКСТОВАЯ АББРЕВИАТУРА

Д.Э.Гоциридзе

Уже в начале нашего столетия отмечалось влияние "скоростей, в которые вовлечены наши жизни" на тенденцию совершенствовать систему передачи информации. Как отмечал в своей работе С.Крижжановский "библиография, аннотация, каталоги, литературные словари незаметно подменяют книгу" /1,6/. Эта тенденция, возникшая более полувека назад, была связана с необходимостью способствовать быстрой обрабатываемости информации. Актуальность данной проблемы несоизмеримо возросла в наши дни. В эпоху научно-технической революции, давшей мощный толчок развитию и количественному росту информации, вместе с тем с чрезвычайной остротой встал вопрос о пользовании ею в условиях "информационного взрыва" и связанного с ним острого дефицита времени. Попытки разрешения указанной проблемы привели далее к созданию особой научной дисциплины - информатики, занимающейся "систематизацией текстов и приобщением людей к текстам; распределением текстов между людьми и "введением" людей в понимание содержания текстов" /2,179/. Почти одновременно с информатикой интенсивно развивается и лингвистика текста. Если объектом изучения информатика являются тексты о текстах, то лингвистика текста призвана изучить практически все разновидности текста. Несмотря на различие в програм-

мах исследования, эти дисциплины имеют область совпадающих интересов. Это касается вопроса о так называемых "вторичных текстах".

В то время, как в пределах информатики данное понятие получило однозначное определение, в области лингвистики текста дело обстоит по-иному. А между тем от интерпретации понятий "первичный" и "вторичный" текст в определенной мере зависит не только разработка типологии текстов (в свою очередь имеющей большое значение для практики преподавания языков, литературоведения и ряда смежных дисциплин), но и установление причинно-следственных отношений, необходимых для успешного построения информационно-поисковых систем.

В настоящей работе не ставится целью интерпретация указанного понятия с точки зрения информатики, хотя следует отметить, что полученные результаты могут быть использованы ею в качестве эмпирического материала. Термины "первичный" и "вторичный" возникли в недрах информатики и обозначают такое соотношение текстов, когда "вторичные представляют собой объяснение и своеобразный комментарий к существующим и действующим текстам. Из "первичных текстов", "первичных документов", при создании информатического (вторичного Д.Г.) текста извлекается только адрес текста, т.е. его место во всей системе текстов и его фотографическое содержание" /2,179/. Тексты, "которые не имеют строгого соответствия с фактами", остаются за пределами информатики, но представляют интерес для лингвистики текста.

Несмотря на то, что оппозиция базовых и производных (первичных и вторичных Д.Г.) текстов была предложена уже в начале

70-х годов, она не смогла "спровоцировать" ученых на дальнейшее ее углубление. Г.В.Эйгер и В.Л.Кит, выступая на конференции по проблемам лингвистики текста, предложили оппозицию базовых и производных текстов, которую связали с различного рода трансформациями исходных текстов. Они ссылаются на экзисты, которые являются результатом сокращенного изложения (либретто, аннотация, реферат и др.) /З.108/. Следует отметить, что изучение подобных трансформационных операций имеет большое значение, во-первых, для практики преподавания (знание операций над текстами позволяет учащимся успешно использовать их при порождении текста), во-вторых, совершенствует формальный аппарат различных поисковых систем, в-третьих, позволяет зафиксировать наиболее существенные элементы информации, что развивает логику мышления.

Говоря о "первичных" и "вторичных" текстах, следует отметить, что эти термины не связаны с процессом хронологической последовательности, скорее всего, они связаны особой референтной соотносительностью.

Интересно, что некоторые типы вторичного текста — план, заглавие — могут предшествовать первичному. Науке известны многочисленные факты, когда заглавие или план появляются раньше произведения (см. работы Крайжановского, Э.Д.Блискового и др.), однако каждый вторичный текст создается ради первичного и в конечном итоге детерминируется им. вспомогательный технический характер плана подтверждается тем, что порождение текста не контролируется им, а скорее корректируется с образцом идеи, определяющим, как правило, отход от первоначального плана. То же самое можно сказать и о заглавиях, детерми-

нированных в конечном итоге текстом.

Таким образом, соотношение "первичных" и "вторичных" текстов следует рассматривать как соотношение "базовых" и "производных", а не как реализацию временной последовательности.

Несмотря на то, что в науке известен принцип квалификации первичных и вторичных текстов, мы не имеем четко очерченных границ, позволяющих подвести многообразие вторичных текстов под единую классификационную основу. Известные трудности создаются также недостаточной определенностью понятия текст, в частности тем следует ли относить однофразовые автономные образования к категории текста, какое понятие вкладывается в термин "производный" и др. Следует отметить, что один и тот же референт (в данном случае первичный текст) может быть репрезентирован различными способами, определяемыми прагматической установкой. Говоря о производном характере вторичных текстов, нельзя не отметить неоднородный характер.

Различие проявляется, прежде всего, в несовпадении прагматических установок, выполняемых ими функциях и др.

В зависимости от характера производности вторичные тексты следует разделить на структурно-содержательно детерминированные и структурно-содержательно соотносимые. Первая разновидность текстов (аннотация, конспект, тезисы, заглавие, реферат и др.) не содержит информации, которой не было бы в первичном тексте, они внутренне направлены. Вторая (пародия, рецензия, литературная переделка и др.) - "паразитирует" на первичном тексте, отталкивается от него, но содержит иную принципиальную установку, информацию, не обнаруживаемую в пределах первичного текста. Если тексты первого типа внутренне детер-

минированы базовым текстом, то для текстов второго типа является лишь материалом, с которым соотносится их содержание. Так как в данной работе нас интересуют структурно-содержательно детерминированные, мы не будем касаться структурно-содержательно соотносимых вторичных текстов.

В зависимости от адресата структурно-содержательно детерминированные тексты (в дальнейшем ССДТ) следует разделить на "обращаемые" и "необращаемые" тексты. Под первыми (аннотация, реферат, заглавие) понимаются ССДТ, которые полиадресатны и обеспечивают быструю целенаправленную передачу информации. Что касается "необращаемых текстов" (план, конспект), то они моноадресатны и направлены на "индивидуальное потребление информации". Следует оговориться, что необращаемость последних относительна, поскольку один конспект может обслужить ряд учебных групп, а в исключительных случаях, например, реконструкция известного курса лекций де Соссюра, может стать единственным источником "о первичном тексте".

По степени развернутости информации о первичном тексте можно выделить "фразовые" и "развернутые" ССДТ. Развернутые ССДТ содержат несколько информационных блоков, соединенных текстуальной связью. Что касается фразовых ССДТ, то они представлены одной фразой. Говоря о фразовых текстах, нельзя не сказать несколько слов об особом характере репрезентации первичного текста. Дело в том, что диалектика причинно-следственных отношений подразумевает известную автономность следствия, которое, в свою очередь, может стать причиной.

В этой связи хотелось бы напомнить слова Ф.Энгельса:
"Причина и следствие суть представления, которые имеют зна-

чение, как таковое, только в применении к данному отдельному случаю; но как только мы будем рассматривать этот отдельный случай в его общей связи со всем мировым целым, эти представления сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия, в котором причины и следствия постоянно меняются местами, то что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот" /4,22/. При этом следует учитывать, что любой текст возникает в речевой ситуации, которая хотя и не выражается в вербальном составе текста, все же является его семантической опорой. Невербальные факторы, соотствующие вербальности, представляют собой функционально значимый компонент коммуникации. О детерминированности указанного типа пословиц и лозунгов семантическими факторами говорит тот факт, что задается образ, который, "по аналогии может быть применен к множеству других сходных ситуаций". Использование этого явления за пределами типичных ситуаций приводит к утрате его эвристической ценности.

В данном случае имеется в виду процесс автополизации вторичного фразового текста, который может потерять связь с первичным и функционировать совершенно автономно. Такова судьба многих афоризмов и крылатых слов, для уяснения содержания которых "то что дает соотношение с первичным текстом. Подобным образом можно квалифицировать и многие пословицы и поговорки.

Если афоризмы и крылатые слова в большинстве случаев позволяют восстановить первичный текст, то в пословицах и поговорках однозначная реконструкция невозможна. Реконструкция осложняется и тем, что сфера функционирования пословицы и по-

говорки преимущественно устная речь, поэтому речевую ситуацию их возникновения трудно зафиксировать. В свою очередь мы допускаем и такие случаи, когда они создаются намеренно. Специфика подобных текстов (в отличие от рассмотренных выше) состоит в том, что они детерминируются не столько вербально - речевой, сколько типичной, "фоновой" для носителя языка ситуацией, т.е. своего рода "паралингвистическим контекстом".

ССДТ, возникшие в пределах первичного текста, мы склонны рассматривать как аббревиатуры особого типа. В отличие от синтаксической аббревиации, которой посвящена докторская диссертация Г.И.Цобаханвили, здесь мы имеем дело с качественно иным типом аббревиации. В данном случае аббревируется текст, но результат аббревиации представляет собой единицу того же уровня - текст, т.е. в результате аббревиации первичного текста мы получаем текстовую аббревиатуру, несущую концентративную информацию о первичном содержании. Текстовая аббревиатура функционирует как репрезентант, речевой эквивалент первичного текста. Многие аббревируемые тексты не нуждаются в восстановлении первичных и функционируют в языке самостоятельно, а некоторые (заглавия) зависят от первичных в большей степени.

Литература

1. Крыжановский С. Поэтика заглавий. М., Издательские субботники, 1931.
2. Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. М., 1979.
3. Эйгер Г.В., Кухт В.Д. К построению типологии текстов. В кн.: Е. гдстака тексты, ч.1. М., 1974.
4. Эйгель Ф. Анти-Дарья. М., 1953.

პ. გოცირიძე

მეტსიტუაციის შესახებ

რეზიუმე

ნაშრომში მოცემულია ცნება "მეტსიტუაციის-აბრევიატურის" ცნების შემოღების შესახებ. ამ ცნების შესახებ მხარს უჭერს ძირითადი ტექსტი, მათ შორის პირველადი და მეორეადი ტექსტების გამიჯნობის განხილვაც.

D.Gotsiridze

TEXT- ABBREVIATION

Summary

An attempt is made to introduce the concept of "text - abbreviation". The point of view is supported by many factors, including the opposition of the primary and secondary texts.

Труды Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета

თბილისის შრომის ძვირადღირებული სახელმწიფო

უნივერსიტეტის შრომები

276, 1987

РОЛЬ И МЕСТО АФФИКСАЛЬНОЙ СИНСИМИИ В ЛЕКСИКО-
СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

К. И. Думбадзе

Лексика любого языка формируется в тесной взаимосвязи с материальной и духовной жизнью общества. Поэтому чем сложнее и длительнее история народа и его языка, тем богаче его литературная традиция, тем более сложным, разнообразным и равно-родным является состав его лексики в целом, а в особенности слов, связанных сходством и близостью лексических значений (/5/, 8).

Одно из проявлений богатства русского языка заключается в том, что он имеет чрезвычайно развитую лексическую синонимичность.

Характерной чертой многих групп синонимов является способность выражать разные оттенки одного понятия с помощью одной и той же основы в разном аффиксальном оформлении, или, наоборот, с помощью разных основ в одинаковом деривационном оформлении. Свобода и легкость, с которой образуются синонимы: СИМНИТЬ-СИМКА, ПЕРИНОСИТЬ-ПЕРИНОС; ДОБЫТЬ-РАБЫТЬ-УСЫБОЛЕН-НЫЙ; ИЗМЯТЬ-СМЯТЬ-ПОСМЯТЬ; ЕМЕРСИТЬ-РЫЖИТЬ-ВЫЖЕРИТЬ и др., объясняется богатством и разнообразностью морфемного русского языка, большой подвижностью его словосочленения.

Эта особенность русского языка отличает его от многих

других европейских языков. Система уточняющих префиксов и суффиксов позволяет русскому языку - в отличие, например, немецкого - избегать сложных слов и с необычной щедростью богатством вариантов пользоваться аффиксами; она облегчает понимание слов, освобождая от необходимости соотносить их значения с контекстом, как, например, во французском языке который, не имея такой системы, использует слова широкого значения и поэтому в большей степени зависит от контекста или от речевой ситуации (/2/, 87; /4/, 59).

Аффиксальные по структуре синонимы неоднородны. Среди них выделяется множество типов и подтипов. Однако исследователи, говоря о структуре синонимов, обычно рассматривают два типа: однокоренные синонимы типа СТАРЧЕСКИЙ-СТАРИКОВСКИ ТИПИНА-ТИПЬ; КОМИЧЕСКИЙ-КОМИЧНЫЙ¹ и др. или квалифицируются как словообразовательные, а воспроизводимые слова, связанные синонимическими отношениями (СЫРОЙ, ВЛАЖНЫЙ, МОКРЫЙ; СПЕЛЬ, ЧВАНСТВО и др.) и аффиксальные синонимы, образованные от разных основ (тип ВЫГОРЕТЬ, ВЫЦВЕСТИ), включаются в состав лексических².

Мы предпочитаем несколько иное разграничение. На наш взгляд, все эти синонимы относятся к лексическим, поскольку во всех случаях образуются новые лексические единицы, только воспроизводимые синонимы равного корня можно рассматривать как собственно лексические, а остальные (производные) как лексико-словообразовательные.

¹ Кстати, в качестве однокоренных в литературе приводится в основном суффиксальные образования.

² См., например: /6/; /7/; /9/; /3/; /10/; /12/.

До сих пор синонимия очень активно изучалась с позиций лексикологии и значительно меньше она изучена в словообразовательном аспекте. В данной работе проводится двустороннее изучение аффиксальных синонимов: с точки зрения лексики и с точки зрения словообразования. Такой подход к вопросам с юнием обусловлен тем, что в языке все взаимосвязано и переплетено, и синонимические связи выступают не изолированно, а перекрещиваются со многими другими системными связями, в частности со словообразовательными.

Комплексный подход к вопросу синонимии и словообразования выдвигает новую проблему - проблему аффиксального синонимобразования.

Процесс аффиксального синонимобразования очень сложен и многообразен. Он заключает в себе большую созидательную силу, которая проявляется в том, что в результате множества самых различных словообразовательных операций возникает "тождественные или близкие по значению"¹ производные слова - аффиксальные синонимы.

Аффиксальные по структуре синонимы могут быть образованы двумя путями: либо словообразовательным (аффиксальным), либо семантическим путем (т.е. путем сближения производных значений производных слов). В центре нашего внимания был аффиксальный путь их образования.

Аффиксы играют очень важную роль в синонимобразовании. Так, если к безаффиксальным синонимам присоединить определенный префикс, может возникнуть новый синонимический ряд, в одних случаях сохраняющий те же смысловые и стилистические осо-

¹ Наиболее распространенное понимание синонимов.

сенности, что и у восточных синонимов, а в других — отличающийся от них и тем, и другим. Ср., например: ЗРЕТЬ, СПЕТЬ, СОЗРЕТЬ, ПОСПИТЬ и СМОТРЕТЬ, ГЛЯДЕТЬ —> ПРОСМОТРЕТЬ, ПРОГЛЯДЕТЬ и т.д.

Кроме того, аффиксы (тождественные или синонимичные) обладают конструктивной способностью организовывать синонимический ряд и в таких случаях, когда слова, взятые без аффиксов, не синонимичны и даже могут быть противоположны по значению. Например: РАЗОГНУТЬ, РАСПРЯМИТЬ (ср.: ГНУТЬ, ПРЯМИТЬ, ВСТАВИТЬ, ВДЕЛАТЬ, ВМОНТИРОВАТЬ (ср.: ставить, делать, монтировать)).

Следовательно, однотипная (тождественная или сходная) словообразовательная структура слов нередко является причиной возникновения синонимических отношений между ними, т.е. аффиксы здесь выполняют функцию интеграции и типизации (см. работы Езгенъевой).

Учитывая степень релевантности аффиксов при синонимобразовании, характер внутриморфемных отношений в синонимах, а также тип взаимоотношений между их производящими базами (равные по значению, синонимичные, антонимичные и т.д.), мы выделили аффиксальные синонимы в два класса: класс А (с аффиксами в качестве главных организующих синонимический ряд элементов) и класс Б (в котором степень участия аффиксов в производящих базах в синонимобразовании примерно одинакова). В этих двух классах мы выделили пять наиболее общих типов аффиксального синонимобразовании, распределяемых по подклассам, группам и подгруппам.

Возможность выделения групп и подгрупп, представляющих

собой конкретные способы аффиксального синонимобразования, свидетельствует об иерархическом устройстве самой микросистемы аффиксальной синонимии. Этим свойством обладают вообще все словесные объединения в лексико-семантической системе языка (далее: ЛСС). Рассмотрим устройство ЛСС, чтобы точнее представить себе, какое место занимают в ней аффиксальные синонимы.

В ЛСС языка выделяются разные типы словесных объединений, в частности:

- 1) лексико-семантические,
- 2) лексико-грамматические,
- 3) объединения, сочетающие в себе признаки и тех, и других.

К лексико-семантическим объединениям слов относятся, например, лексико-семантические поля.

Самыми крупными лексико-грамматическими объединениями являются части речи, выделяемые на основе лексических, морфологических и синтаксических критериев.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что свойства лексико-грамматических объединений слов проявляет и многие лексико-семантические объединения. Например, в таком своеобразном структурно-семантическом разряде слов, каким являются лексико-семантические группы, слова связаны не только общностью семантики, но и общими синтаксическими и деривационными свойствами.

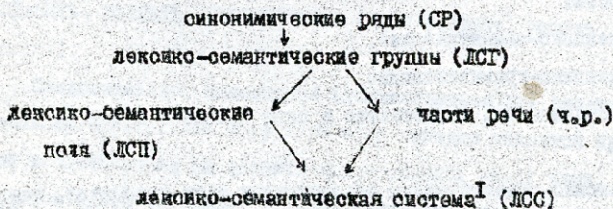
Все типы объединения слов в ЛСС обладают свойством иерархичности (выключительности), т.е. более мелкие классы способны с помощью тех или иных идентификаторов (опор-

ных слов) включаться в более крупные, причем первые всегда в той или иной степени повторяют свойства вторых.

Минимальным лексико-семантическим и лексико-грамматическим объединением слов в ЛСС являются синонимические ряды (СР) производных слов, связанных парадигматически, синтагматически и ассоциативно-деривационно.

Иерархию лексико-семантических и лексико-грамматических классов внутри ЛСС можно представить следующим образом:

Как известно, интеграция единиц словарной системы в те или иные объединения происходит не в полном их семантическом объеме, а на основе общего семантического компонента, причем если для объединения в лексико-семантическую группу или семантическое поле словам достаточно иметь одну общую сему, то для объединения их в один синонимический ряд они обязательно должны обладать общим значением /1, 168/. Следовательно, связь слов в более мелких семантических группировках значительно теснее, чем в крупных (здесь слова более близки по значению).

В аффиксальных СР, представляющих собой минимальные по степени семантической обобщенности группировки среди лексико-семантических и лексико-грамматических объединений, выделяется

^I Мы рассматриваем правую ветвь иерархии: СР → ЛСТ → ч.р. → ЛСС.

следующие особенности: подобно всем лексико-семантическим объединениям, аффиксальные синонимы обладают общим семантическим компонентом; в то же время, подобно лексико-грамматическим объединениям, они имеют одинаковую деривационную оформленность, принадлежность к одной и той же части речи (/8/, 15) и сходство в синтаксической сочетаемости (в управлении, согласовании и т.д.); в этом они повторяют свойства более крупных лексико-семантических и лексико-грамматических объединений (например, ЛСГ).

Кроме того, особенностью именно аффиксальных СР является то, что их члены выражают общее или сходное словообразовательное значение. Ср., например: сходные словообразовательные значения в СР СОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ - ДОГАДИВЫЙ, где первое причастительное с суффиксом -ТЕЛЬН - обозначает 'способный произвести такое-то действие', прилагательное же с суффиксом -ЛИВ - обозначает 'склонный к такому-то действию'.

Анализ аффиксальных СР в ЛСС языка показывает, что СР существуют в нем не изолированно друг от друга и что отношения внутри ряда не исчерпываются пониманием синонимии как одного из показателей системности лексики¹.

Большинство СР связано между собой по линии общности определенных понятийных признаков, по линии отношений семантической производности, когда одни и те же многозначные слова в разных своих значениях входят в разные аффиксальные СР, и, наконец, по линии отношений словообразовательной производности, поскольку синонимия в аффиксальных СР определенным образом преломляет связи и отношения производящих баз синонимов. Иными словами, СР, построенные на словообразовательной основе См. об этом: /11/, 35.

не. Благодаря многозначности их членов и совпадению отдельных единиц смыслового объема, дают начало новой группе СР. В ЛСС языка существуют, таким образом, целые синонимические гнезда, и число их очень велико.

Литература

1. Баранов С.Г. Теория семантических полей и синонимия. — В сб.: Проблемы языкознания. М.: Наука, 1967.
2. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). — М.: Международные отношения, 1977.
3. Грамматика современного русского литературного языка (под ред. Н.Ю. Шведовой). — М.: Наука, 1970.
4. Евгеньева А.П. О некоторых особенностях лексической синонимии русского языка. — В сб.: Лексическая синонимия. — М.: Наука, 1967.
5. Евгеньева А.П. Предисловие к двухтомному "Словарю синонимов русского языка". — Л.: Наука, 1971.
6. Лексическая синонимия русского языка. М.: Наука, 1967. (Сборник статей).
7. Очерки по синонимике современного русского литературного языка. — М.-Л.: Наука, 1966 (Сборник статей).
8. Словарь синонимов русского языка. Т. I (под ред. А.П. Евгеньевой). М.: Наука, 1970.
9. Синонимы русского языка и их особенности. М.: Наука, 1972 (Сборник статей).
10. Русская грамматика (в 2-х томах). М.: Наука, 1980.
11. Черняк В.Д. Значение слова и синонимическое гнездо. —

В сб.: Пятиязычные значения. Сборник научных трудов, 1976.

12. Панский Н.М. и др. Современный русский литературный язык. - Л., Просвещение, 1981.

3. დუმბაძე

აფიქსალური სინონიმების როლი ენის

ლექსიკურ-სემანტიკურ სისტემაში

რეზიუმე

მითითებულია აფიქსური, რიცხობრივი აფიქსალური სინონიმების როლი ენის ლექსიკურ-სემანტიკურ სისტემაში და მათი მნიშვნელობა რუსულ ენისათვის.

K.Dumbadze

THE ROLE AND PLACE OF AFFIXAL SYNONYMS IN THE LEXICO-SEMANTIC SYSTEM OF A LANGUAGE

Summary

The place occupied by affixal synonyms in the hierarchy of word combinations of the lexico-semantic system of a language and their significance for the Russian language are defined.

Група Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета

ბიბლიოთეკის მუშაკის ნიკოლოზ ლომიძის მიერ
უბეჭდველად
276, 1987

**ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСВОЕНИЯ ГРУЗИНСКОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКИХ
ГОВОРАХ НА ТЕРРИТОРИИ ГРУЗИИ**

В.А.Мидко

Русские говоры на территории Грузии представляют собой отдаленные островки, окруженные обширным массивом грузинского языка. Тесные экономические и культурные связи, длительные межъязыковые контакты не могли не оказать влияния на островные говоры. Наиболее сильным оно было в лексике. Слова, заимствованные из грузинского языка, в речи носителей русских говоров приобретают русский звуковой облик.

Изучению русских островных говоров в Грузии посвящен целый ряд работ, но вопросы фонетического освоения заимствованной из грузинского языка лексики не получили в них специального освещения. Однако интересно проследить за процессами адаптации иноязычного слова, т.к. русский и грузинский — языки неродственные, каждый из них имеет свою, отличную от другой фонологическую систему.

В работе использованы материалы, записанные в следующих русских поселениях Восточной Грузии: Гомбори, Калиновка, Красногорск (Азамбури) Сагареджойского района, Ульяновка Сигнальского района, Калиновка, Буденовка Лагодехского района, Цителла-Цкаро Цителцкаройского района. Дманиси и Ваке Дманисского района.

Г л а с н ы е

Хотя состав гласных фонем в грузинском и русском языках не является одинаковым: в грузинском 5 гласных фонем (o, ɔ, ɛ, e, y), в русском — шесть (а, э, и, ю, о, у), но дифференциальные признаки для гласных в обоих языках общие — степень подъема языка и наличие или отсутствие лабиализации (I, 207). Так что в грузинских словах гласные под ударением воспринимаются на слух так же, как и соответствующие русские гласные. В первую очередь это относится к гласным среднего и заднего ряда. Например, нарт ბაბა "бумажная пряжа", чада ბაბა "лепешка из кукурузной муки", муштარ — ზურბა "искупатель", почка თაბა "веник", лобия თაბა "фасоль", мацони ბაბა "кислое молоко", храмული ბაბა "рыба, которая водится в реке Храми", туркуღა ბაბა "болезнь скота", ლეგინი ბაბა "лезгинка".

В первом предударном слоге фиксируется типичное для экваториальных говоров и русского литературного языка явление — провисание. Например, за [г] / дорой ჯარბა, "высокая плетчаная корзина", [т] / хляк თაბა "овца в возрасте от 6 мес. до года", в Ахил [с] — пели ჯარბაჯარბა, [მ] / хатка ბაბა "солгья игла", ка [ლ] / ман ჯარბა "крестьянская самодельная обувь из цельного куска кожи", в Удабно ჯარბა.

Во втором предударном и заударных слогах слышатся как гласный [а], количественно ослабленный [ა], так и редуцированный гласный непереднего ряда [ɛ]. Например, в С(ა)ჩაჩი [ლ]

1 Как грузинские рассматриваются не только собственно грузинские слова, но и все те, которые попали в русские окрестные говоры на территории Грузии через посредство грузинского языка.

ბაბონჯრა. [კა] იტონი ლაგაბი "жмык", [ტა] ლამობა ვარაგობი
 "распорядитель пира", ჯ [ბრტა] შიანი თბვაბრაბი "С [Агъры]-
 ლკო რაქსი, в Руетა [ვალ], ჯაშ ბობი "жидков блюдо из ко-
 ровьих или овечьих ножек", [ჯკაი] [ტუ] ჯობი "прут, палка".

Для грузинского языка, как известно, ни количественная, ни качественная редукция гласных в безударных слогах не характерна.

Безударное *ა* сохраняется в некоторых географических названиях, например, ზო ლიანი ბარბაბი, Гораны ბარბაბი, а также иногда в местных наименованиях растений: [იო] იდა ბხო "лищера" [დუ] ჯეხოლ კახკო "клеячка перистая".

Что же касается гласных переднего ряда, то в русском языке они сочетаются только с мягкими согласными, в грузинском же языке согласные перед гласными *ი, ე* немягкие. Единобразие при передаче сочетания согласный плюс гласный переднего ряда в грузинских словах не наблюдается. Можно говорить только о том, что большинство давно заимствованных слов ассимилировалось полностью и произносятся с мягким согласным перед гласным переднего ряда. Например, [ჯა] ნა ბობი "временное помещение вне дома со специальным назначением", [მეტრელჲ] ბობობი "метрелец", [კანდჲი] ჯა ბობი "корнандр", в ტმა [ნე] თე ლობობი. Мила [რი] ბარბაბი в Ахалса [ბელი] ბობობობი. село Нинаи [მი] ედკო ბობობობი. Это явление проследивается и при морфологическом оформлении грузинизмов, конечный согласный основы которых воспринимается как мягкий перед гласным *ი, ე*, вследствие чего имеем: მარაჲ ბობობი "место для хранения вина", უსიჲ ბობობი "участок", ნაჲუ მუჲჯაჲნი ბობობობი, გოჲბი ბობობი "высокая плетеная корзина", ბარა

баша "заостренная лопата", батбаш баша "берыца", малоба
баша "кислое молоко" и др.

В некоторых географических названиях и фамилиях значах
гласные *o, ɔ* сохраняют свою специфику, т.е. перед ними про-
являются немягкие согласные. Например, Ква [квэ] ли баша, Си
ла [дэ] - ли баша Ци [тэ] лкарский баша баша, в
т [э] три цвал баша баша, в [инкэ] ли баша баша. Акаки Ц [ырытэ]
ли.

В первом предударном слоге гласный *ɔ* может удерживаться:
лэкури, [лэхурия: баша "лезгинка", [хэ]сүри баша "хэ-
сур". Однако наряду с этим обычно и происходит произношение: в
[тх] лав баша, [ми] лани баша [мтри] тин баша "имере-
тинец".

Встречаются случаи, когда *o* в начале слова перед гласным
теряет слоговость и переходит в [ɔ]. Например, до [ɔ] бры,
близ [ɔ] бры баша "название реки", [ɔ] онда баша "лигурия".

При фонетическом освоении незнакомых слов широко распе-
странение имеют различные фонетические процессы, обычные в
диалектной речи.

Довольно часто встречается отпадение начального гласного
перед однократным согласным. Например, большая Лазэри, по Лазэ-
ни лавли, в Лазэни баша, Лича (название речки баша)
Халхалаки баша, нине Хармов баша, хуцэси баша
"священный". Наблюдаются также различные замены гласных. На-
пример, тудэра баша "высокая плетеная корзина", чурэк-чтра
баша, Булоянни баша, около хуцэса баша "стебель куку-
рузы", талимбаш баша "разпорядитель двора".

Отметим также появление согласного *ɔ* вместо гласного *ɔ*

в слове წავრ, წა[ვ] რ წაღობ "пятикопеечная монета", где неприя-
вичное сочетание гласных აუ заменяется частотным в русском
сочетаниям вр (например, вредить, врач, врать, многочисленные
случаи сочетания приставочного ვ с начальным რ хорья).

В заимствованных из грузинского языка словах часто наблю-
даются вставочные редуцированные гласные - явление, характер-
ное для русских говоров на территории Грузии и некоторых
других русских говоров. Они появляются в позиции II предудар-
ного и I ударного закрытого слога, реже в I предударном,
главным образом, в соседстве с сонорными согласными. Здесь
слоговое свойство согласного выделяется в "паразитический"
гласный звук (2,208). Например, Д[ъ] -მანისი, Д[ъ] ბილისი,
Т[и] ბილისი, ხო [ხო] შაღობი "айва", წა [въ] რ წაღობ "пятикопееч-
ная монета", [цъ] მინდა გიორგი ბებერი ვინაობი "святой Георгий",
Ва [чи] ნადე, ვინაობი. Имеются и другие объяснения этого яв-
ления (3,182; 4,23).

Случаи ассимиляции гласных единичны: в Сартачале ბაბაფაფა.

С о г л а с н ы е

Состав согласных фонем грузинского языка отличается от
состава согласных фонем русского языка целым рядом особеннос-
тей, поэтому при заимствовании инвентарь согласных фонем в
грузинских словах претерпевает больше изменений, чем инвен-
тарь гласных.

В русском языке аффрикаты представлены двумя фонемами:
/ц/, /ч/, в грузинском языке их шесть: /צ/, /ბ/, /პ/, /ჭ/, /ჩ/, /ც/.
Но так как иноязычное слово всегда воспринимается через фоно-
логическую систему родного языка, то различия между аффриката-

тама /θ/ и /β/ /β/ и /θ/ русским ухом не ощущается, и обе грузинские аффрикаты /θ/ и /β/ передаются русской аффрикатой /ц/, а аффрикаты /θ/ и /θ/ - аффрикатой /ч/. Например, *ძეგბე* "веник", в Ахалцихе *ძეგბეძე*, Сакхени хэви *ძეგბეძე ბეგბე*. Цивандали *ბეგბეძე*, Ц[э]гели *ძეგბე ბეგბე* "Красная глина", цимпада *ბეგბე* "кресс-салат"; чапы *ბეგბე* "сосуд для вина", турék *ლიტრი* "литр", в Карагачах *ძეგბე*, чада *ბეგბე* "лепешка из кукурузной муки", чачა *ბეგბე* "виноградные отжимки и водка из них", за чалакавской поляной *ბეგბეძე*, Сартичала *ბეგბე*.

Фонем /х/ и /с/ в русском языке нет, отсутствуют и соответствующие графемы, но сочетания *дх* и *дс* известны по ассимиляции (дочь больна > до [дх] больна; отец болен > оть [дс] болен). Вследствие этого грузинские слова, имеющие коренные аффрикаты /х/, /с/, функционируя в русских говорах, их сохраняют. Например, в Гурджанах *ძეგბე*, *ძეგბე* *ძეგბე* "миска, *ძეგბე* *ძეგბე* "прут, палка", *ძეგბე* *ძეგბე* "рассыльный, курьер", *ძეგბე* *ძეგბე* "мелкий колючий лес", *ძეგბე* *ძეგბე* "горный козел", *ძეგბე*, *ძეგბე* *ძეგბე* "кормандр", *ძეგბე* *ძეგბე* "копна", *ძეგბე* [дзы] ульской (дороге) *ძეგბე*, а также в фамилиях Чавчавадзе, Курцдзе, Твалцрецидзе и подобн.

Как это вообще наблюдается в русской диалектной речи, в некоторых случаях в грузинских словах имеет место деаффрикатизация вследствие утраты аффрикаты смычной фазы. Например, *ძეგბე* *ძეგბე*, с *ძეგბე* *ძეგბე*, придем в *ძეგბე* *ძეგბე*. Случаи субституции аффрикат единичны: *ძეგბე*, делаем *ძეგბე* *ძეგბე* "молодое неперебродившее вино".

Определенный интерес представляет передача заднеязычных

/q/ /b/ /g/ в заимствованных словах. В русском языке этим трем фонемам соответствует только одна: это - заднеязычная шелевая глухая фонема /x/, заднеязычной шелевой звонкой согласной /q/ в смелчносторанной глухой /g/ в русском литературном языке и исследуемых говорах нет.

Естественно, что грузинские слова со сплрантом /b/ сохраняют его при заимствовании. Например, тохн *ბობი* "мотыла", хана *ხანა* "жидкое блюдо из коровьих или овечьих ножек", ма- хатка *მახათკა* "большая игла", зашли в коху *ჯიშა* "крестьянское жалце", Малхаз *მალხაზი*. Но наряду с этим отмечены случаи, когда вместо ожидаемого x имеется k. Например в Магацках, дальше Магацк *მაგაძე*, Сацкиниси *საძკინისი*.

Особо надо отметить разные звуковые облики, которые принимает грузинское слово *ხურდხინა*: хурджина (им.пад.), в курджинку, фурджие, фурджаны. Передача грузинского з через х обычна, посредством к встречается, но ф здесь, на первый взгляд, совершенно неожиданно. Однако эта замена вполне закономерна, т.е. в говоре с.Калиновка Сагареджойского района, где она записана, распространено произношение х, хв в соответствии фонеме /ф/, а, как известно, в таких говорах наблюдается и обратная замена х посредством ф: *ხურდხინა* > хурджин > фурджан.

Звонкая заднеязычная шелевая фонема /q/ передается звонкой заднеязычной смелчнй фонемой /г/. Например, на Магарэх, магарэхне *მაგარეხე*, Сигнах, в Сигнаках, дальше Сигнаха *სიგნახა*. *

* Думается, что х появилось здесь вследствие дистантной дис- симилиации по способу образования: Сигнаг > Сигнак > Сигнах.

Глухой смычногортанной фонеме /g/ соответствует глухая задняяязычная смычная фонема /k/. Например, Кварэли ვაზბერო, у Марткоби ვაზბერო, араки აბაზო "водка", Тётри ქაღი აბაზო ბაზო, Александр Казбегა აბაზო, долькена - сложносокращенное слово от груз. თრბო აბაზო "местный сорт пшеницы".

Как известно, для грузинского языка характерны тройные ряды согласных $\beta, \beta : \rho, \rho, \rho : \delta, \delta, \delta$, где один согласный звонкий (β, ρ, δ), а два согласных глухие. Они одинаковы по месту образования, но различны по способу: один из глухих придыхательный ($\beta \rho \delta$), а другой абруитив ($\beta : \rho, \delta$). В русском же языке согласные обычно представлены парами звонкий-глухой одного и того же места и способа образования. Поэтому при заимствовании звонкий компонент закономерно передается соответствующим русским звонким. Например, гогра აბაზო "тыква", Самгори აბაზო, დოქალი აბაზო "смесь", ქარაქი აბაზო "распильный, курьер", ბატონა აბაზო "барня", в Азамбурах აბაზო. Что же касается двух глухих компонентов тройки, то они, независимо от разницы в способе образования, заменяются русским глухим согласным того же места образования, который по способу образования не эквивалентен ни одному из глухих согласных в тройке грузинских звуков (5, 364-368). Следовательно, β, ρ, δ в грузинских словах одинаково воспринимаются как г. Например, Келы კოლი, კალამან კოლი აბაზო "крестьянская самодельная обувь из цельного куска кожи"; ჟუეტ კეწუ კოლი "ароматическая смола", კეწური კოლი "молотильная доска". Грузинские согласные ρ, δ передаются посредством п: например, შავი კოლი აბაზო "пшавы", ქარაქი კოლი აბაზო "открытое место, загон для скота", კოტბონა კოლი აბაზო "ж. д. х.", на патардзულской (дороге)

სადაც: согласные *ა, ე* заменяются согласным *ტ*; например, в Кахетии *საბაბი*. Тванети *საბაბი*. в Сабуртале *საბაბი*. *საბაბი*. *საბაბი*. "экстрагон", Вахташгина стель *საბაბი*.

Во всех этих случаях русский звуковой материал, имеющийся в распоряжении говорящих для передачи грузинских звуков, не дает возможности дифференцировать *ს-ჯ*, *ჟ-ჯ*, *გ-ჯ*. Г.К. В русском языке паре грузинских звуков соответствует один *к*, *ц*, *г*.

В области согласных среди явлений, наблюдаемых в диалектной речи при заимствовании слов, следует отметить замены глухих согласных звонкими. Например, от Тифлиза, в Тифлисе (Тифлис-старое название столицы Грузии *თბილისი*), *ციცმადა*, *ციცმადუ* *საბაბი* "кросс-салат", у Марткоби *საბაბი*. Это явление, на наш взгляд, объясняется действующим в наших говорах, как и в литературном языке, законом оглушения конечных звонких: Тифлис-Тифлиза, как морос-мороза; *ციცმე*-*ციცმადა* как прут - пруда; Марткоб-Марткоби, как клуп-клуба. Встречающиеся замены глухих согласных звонкими в начале слова единичны: жила на Гаджорах, о Гаджор *საბაბი*; пачерицы по-грузински-збо. В последнем случае слово заимствуется в таком виде, в каком оно обтует в кахетинском диалекте грузинского языка (*საბა*), в литературном же грузинском языке грибы называются *საბა*.

Иногда наблюдается упрощение комплексов согласных за счет отпадения начального компонента: чада *საბაბი* "лепешка из кукурузной муки", в Билиси жила *საბაბი*; отмечены случаи контактной диссимиляции по месту образования: Ганбормы *საბაბი*, контактной диссимиляции по способу образования: хидбормы *საბა*.

საზღო (хавсуры > хе [рс] уры > хе [пс] уры), дистанционной ассимиляции (или диссимиляции?) по способу образования: Хал-халаки ღაღაღაღაღა.

Д.оанализированный материал показывает, что звуковая оболочка слова, которое заимствуется, всегда воспринимается через фонологическую систему родного языка. Если в родном языке имеется эквивалентная фонема, то она заменяет соответствующую грузинскую, хотя полного тождества между звуками русского и грузинского языка нет. Например, гласные под ударением, звонкие согласные. Если же эквивалентная фонема отсутствует, то используется имеющийся в русском языке звуковой материал, наиболее подходящий по своим параметрам для передачи чужого звука. Например, глухие прадыхательные и абруптивы заменяются глухими смычными, чуждые русскому языку аффрикаты - имеющимися в нем.

Литература

1. ღაღაღაღა ზ. ღაღაღა ღაღა ღაღაღაღა ღაღაღაღა. თბ., 1976.
2. Реформатский А.А. Слоговые согласные в русском языке. В кн.: "Развитие фонетики современного русского языка", М., 1971.
3. Богородицкий В.А. Курс грамматики русского языка, РГБ, т.ХУП, 1917.
4. Петровская М. Говор с.Матир Зарайского уезда. П., 1922.
5. ღაღაღაღა ზ. ღაღაღა ღაღაღაღა ღაღაღაღა. თბ., 1949.

მე შვიდი

საქართველოს ფონოლოგიისა და ფონოლოგიის შესახებ
საერთაშორისო კონგრესისათვის
გეორგიული ფონოლოგიის

რეზიუმე

ნათარქობის წარმომადგენლობა ავტორის დაკვირვება საქართველოს
ფონოლოგიისა და ფონოლოგიის შესახებ უნდა აღიქვას როგორც ქართველთა
საერთაშორისო კონგრესისათვის. ეს მონაცემები დაკვირვება
ფონოლოგიის შესახებ გეორგიული ფონოლოგიის შესახებ, რადიკალური
საერთაშორისო კონგრესისათვის უნდა აღიქვას როგორც ფონოლოგიის
საერთაშორისო კონგრესისათვის.

W. Shidko

PHONETISCHE BESONDERHEITEN DER GEORGISCHEN ENTLIEHNUNGEN
IN DER RUSSISCHEN MUNDARTEN, DIE IN GEORGISCHEN GEBIETEN
BEWAHRT SIND

Zusammenfassung

In der Abhandlung wird der Adaptionvorgang der aus dem Geor-
gischen entlehnten Wörter beobachtet, welche für die in der georgischen
Gebieten bewahrten russischen Mundarten Charakteristisch sind. Dieser
Vorgang erweckt ein bestimmtes Interesse vom Standpunkt der allgemeinen
Sprachwissenschaft, da es sich um verschiedene phonetische Strukturen der
Richtungsverwandten Sprachen handelt.

Труды Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета
საქართველოს სახელმწიფო უნივერსიტეტის
უცხოვნიერების განყოფილება
276, 1987

ВНОВЬ О ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ 5 И 10 В БАСКСКОМ И ВЕРТЕВЬСКИХ
ЯЗЫКАХ

Ю.В. Зипарь, Дз.И. Дзинджикадзе

Известно, что чаще всего числительные как для 5, так и для 10 восходят к обозначению руки или рук: не говоря об Н.Марре, ср.в этом смысле известное высказывание Ф.Энгельса о роли пальцев в счете, а также то замечание А.Лебета, что если бы у человека было 11 пальцев, то была бы распространена одиннадцатеричная система счисления. Это положение о происхождении числительных для 5 и 10 настолько справедливо, что, как нам кажется, оно позволяет нам принять его в качестве руководства к действиям для конкретных (хотя и очень глубоких, гипотетических) этимологических реконструкций: опыт такого применения был уже поставлен нами на картвельском и баскском материале /1/, затем мы продолжили эту работу и здесь приводим новые (или обновленные, уточненные) ее результаты.

Итак; на баскской почве путем чисто внутренней реконструкции установлено, что одно из числительных, обозначающих 10, имело форму $+(a) \text{ tx-i}$: ср. баск. *bedertzi* "9" < *bat+ra* + $+(a) \text{ tzi}$ букв. "один к десяти" /2; 3/, ср также баск. *zortzi* "8" < *zor* + *ra* + $+(a) \text{ tzi}$ "два к десяти", для первого ср.баск. *bat* "1".

очередь реконструировались баск. * *tzi* "10"

мы полагаем, восходит к баск. *batz* "рука, лапа": ср. баск. *batz* "лапа животного" в некоторых диалектах по словарю Аскуэ /4/, откуда также "след" и т.п.: при этом предполагается, что баск. "IO" в той же форме восходит к *batz* "рука, лапа" через значение "5", что можно считать особенно вероятным в связи с работой А.Товара, в которой он показал, что баск. *hamar*, анаг "IO" также значило "5" /5/.

Обращаемся к картвельскому материалу: в грузинском имеем корень *at* "IO" и в занском *ait* "IO" < *yat*, в сванском *uət*, *uəb* "IO" < *uət*, причем историческая общность всех этих картвельских форм общепризнана. Какова бы ни была исходная форма для этих слов, присутствие в ней зубного конечного звука является древним — даже в виде аффрикаты, как это признает Г.А.Климов /6/, ввиду лак. *at* "IO" и т.п., так что в данной связи вслед за Р.Лафоном можно было бы указать и груз. *ost* "20" < *ot-osi*, букв. "две десятки" /7/, что особенно вероятно, поскольку в сванском 20 без всякого сомнения выражается как "две десятки": *uət-woət*, где *uət* означает "2", а *woət* представляет собой вариант от сванского упомянутого уже *uət*, *vest* "IO".

Наравне с грузино-занским *at* для старого числительного "IO" мы можем, таким образом, допускать и форму типа *at* "IO", которая особенно близка к баск. *at* "IO" < *batz* "рука".

Далее: уже Н.Я.Марр /8/ привлекал в этой связи к сравнению как и-е слова в виде русского хватать, так и картвельские типа груз. *xwet-a* "сгребать", корень *xid* (груз.-зан), ср. также с иным зубным груз. *xid* "сдавливать, душить", мегр. *xid-ut* "сгребать" и т.д., и хотя привлечение и-е слов завело

бы нас слишком далеко, в картвельской части этот материал Марра не кажется нам типичным интереса и научной ценности. А между тем, он вновь уже с картвельской стороны указывает на исходное значение "рука" (заключено в глаголах типа $xwit$ - а) - ср. грузино-занское xut "5", ован. $wox-xu\check{s}d$ "5", не говоря уже об абх. xu "5", кабард. xu "5", хиналуг. pxu "5" и т.д.

Между прочим, если в качестве исходного для соответствующих числовых обозначений мы допустим прототип с начальным $/xw/$: $xwit$ > баск. $tata$, груз-зан. at , ax , то, по-видимому, нам удалось бы проще объяснить появление начального $/w/$ как в ованском $w\check{s}d$ "10" в составе $yer\ w\check{s}d$ "20", так и в занском wit "10", и тогда формы типа ованского $je\check{s}d$, $je\check{y}t$ "10" оказались бы вариантами от $w\check{s}d$.

На связи всего комплекса с груз. $tati$ "лапа", $toti$, $toti$ "лапа, ветвь" и т.п. мы уже не стали бы настаивать, но если эти слова имеют сюда отношение, то весьма интересно, что в них вновь проглядывает исходное значение "рука", ср.: ci л. tut "рука": в грузинском $toti$ < $toti$ означает "лапа".

Исключительно важно, что ован. $w\check{s}d$, $w\check{y}t$ "10" в составе $yer\ w\check{s}d$ "20" оказывается близким к баск. $bort$, $bost$ "4" и что Н.Я.Марр в связи с этим баскским числительным говорит о грузинском mit "кулак" /8/.

Литература

1. Зыгарь Ю.В., Джинджихадзе Дж.М. О происхождении некоторых баскских и картвельских числительных (10 и др.) - "Symbolae L.Mitxelena", ed. Universidad del País Vasco, 1986, p.p. 118-123.

2. Lafitte P. Autore de gizon bat et gizon bi - Fontes linguae Vasco num (FLV), 12 (1972) p. 293-298.

3. Zytsar Yu. Vl. Los numerales del vascuence-iker, II, Bilbao, 1983, p. 702-729.

4. Azkue R.M. Diccionario vasco-español-francés. t. I, Bilbao, 1905, (A) et

5. Tovar A. Esp. amarrco, vasc. amar, amal y el toponimo Amaya-Etimo Logica. W. von Wartburg zum 70 -en Geburtstag (18 mai 1958), Tubingen 1958; p.p. 831-834.

6. Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, с.45.

7. Lafon R. Sur le nombre 19-Eusko-Jakintza 6 (1952); p. 16-18.

8. Марр Н.Я. Две новые работы Уленбека по баскскому языку. - Язык и литература, I, II, 1926, с.273-274.

ბ. ბიბლიოთეკის, კ. კარბიჭაძის

პირველი 5 და 10 წიგნების სახელწოდების შესახებ

საბიბლიოთეკო დონორების და მასშტაბი

რეზიუმე

ბაიბლიოთეკის წარმომადგენლებმა მასშტაბი და ქარტავილური ენების 5 და 10 წიგნების სახელწოდების ეტიმოლოგია ამ ენების ბიბლიოთეკის განვითარების მიზნების შესახებ.

Yur. Zatsap' i. Iankhadze

ONCE AGAIN ABOUT THE NUMERALS 5 AND 10 IN KARTVELIAN LANGUAGES AND IN BASQUE

Summary

The paper presents the etymology of the numerals 5 and 10 in Basque and in Kartvelian languages, treated in the comparative aspect of inner typology.

Труды Тбилисского органа Трудового Красного Знамени
государственного университета

საბჭოთაო საზოგადოებრივი მეცნიერების აკადემიის
თბილისის უნივერსიტეტის ტრადუციები
1987, 1987

О РЕАЛЬНОМ СУБЪЕКТЕ (R3) В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ, ВЫРАЖАЮЩИХ
ПРИРОДНО-ВРЕМЕННЫЕ ЯВЛЕНИЯ
Ц.М. Касардина-Абашидзе

В настоящее время уже ни в ком не может вызывать сомнения то, что "взаимоотношения между функцией и значением в синтаксисе - это, по-существу, проблема взаимоотношений синтаксиса и семантики, всем ходом развития мировой лингвистики выдвинутая сейчас в число наиболее актуальных проблем" /1, 13/, поэтому весьма перспективными являются поиски соотносительности в предложении синтаксических признаков с семантическими. При этом возможны разные формальные закрепления семантических связей одного типа (сравни : Ветло холодом - Повеял холод, Мне грустно - Я грущу, Не было друзей - Друзья отсутствовали), ибо соответственно характеру высказываемой мысли говорящий избирает нужные ему синтаксические формы, сопрягая их в коммуникативных целях в рамках определенной модели предложения. Реальный субъект (R3) получает выражение в различных падежах, а в ряде случаев восстанавливается за счет контекста или внутренней ситуации, когда с помощью внутренней реконструкции выявляется отсутствующая единица - R3.

Традиционное противопоставление именительного падежа субъекта косвенным падежам с тем же синтаксическим значением вряд ли может быть основой деления предложений на личные и

безличные, постольку "...Я позиция" принята за формальный эталон грамматического субъекта только исходя из частотности подобного оформления семантического и (или) коммуникативного субъекта в европейских языках. Само по себе содержание предикативности ... вовсе не обязательно предполагает именительный падеж местоимения "Я" за точку отсчета. Те же отношения к I лицу и изменение предложения по лицам могут происходить и в дательном падеже: "Мне нравится, тебе нравится, ему нравится", т.е. за пределами личного глагола, ... серийный характер конструкций с дательным предикативным и ее продуктивность в некоторых языках сообщает ей статус стандартной модели, правда менее частотной, чем номинативной" /2,17-18/.

Между личными и безличными предложениями нет разницы в самом факте существования предикативных отношений. Различия лежат в плоскости качества этих предикативных отношений, а также способа их грамматического оформления.

Интересное решение этого вопроса мы находим в трудах Г.А.Золотовой /1, 3/. Руководствуясь в своих исследованиях идеями В.В.Виноградова и ряда других русских и зарубежных лингвистов (Л.В.Гербя, А.Мартине, В.Матезиус...), Г.А.Золотова в центр лингвистического исследования выдвинула понятие предикативного минимума, позволяющее считать "главными членами, ... те синтаксические формы, которые взаимообусловленно сочетаются предикативной связью для выражения типового значения предложения, даже и тогда, -... когда они не являются формами имени в именительном падеже и личного глагола" /1, 60/.

Изложенное понимание соотношения 8) и грамматического

подлежащего, а также содержания предикативных отношений, хотя и не является общепринятым, ибо оно не согласуется с теми синтаксическими концепциями и воззрениями, согласно которым предикативными считаются лишь отношения, зафиксированные в формах подлежащего и сказуемого, с нашей точки зрения, представляется вполне приемлемым /8/ и, главное, перспективным, так как многие нерешенные вопросы с позиций традиционной грамматики получают здесь однозначное решение.

Руководствуясь изложенными выше принципами, предложения, в которых присутствует реальный субъект, выраженный именительным падежом, мы квалифицируем как номинативно-субъективные (НСП), а те предложения, в которых реальный субъект выражен косвенными падежами или восстанавливается путем внутренней реконструкции, — как косвенно-субъективные (КСП). Принципиальная однородность НСП и КСП проявляется, в частности, в синтаксической синонимии между ними.

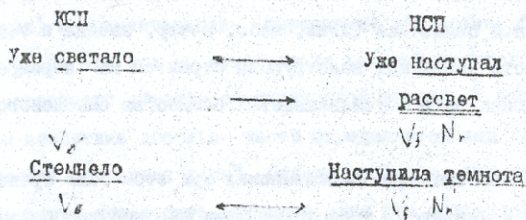
Под синтаксическими синонимами следует понимать взаимосвязь таких синтаксических конструкций, которые имеют сходное лексическое и грамматическое значение, близкий лексический состав и различаются по оттенкам в содержании, по экспрессивно-стилистической и модальной окраске, а также в отношении дистрибуции и частотности.

Одним из способов выявления синонимичности предложений является их трансформируемость. Разумеется, при всякой семантической трансформации, преследующей цель выявления семантического тождества, как и при всякой замене одного синонима другим, происходит утрата или добавление определенного оттенка, ибо трансформы, также как и лексические синонимы, отлича-

ются друг от друга дифференциальным элементом значения, способным нейтрализоваться в определенных контекстах /4, 29/.

Рассмотрим с этой точки зрения "классически" безличные предложения типа: Снежит, Дождит, Рассветало и др., выражающие природно-временные явления:

Оба предложения (КСП и НСП) выражают одно и то же состояние природы. Однако в косвенно-субъектном предложении это состояние представлено в виде процесса, в номинативно-субъектном предложении же - как определенная черта. НСП выражают явления действительности конкретно называя действующую силу, и тем самым представляя явления как действие, совершаемое кем-то или чем-то. КСП выражают те же явления, но представленные как самостоятельные процессы, совершающиеся независимо от определенных действующих сил.

Этот тип трансформации моделирует образование субъектных предложений при условии: I) глагол-сказуемое КСП, выражающий природно-временные явления типа: вечерет, светает, смеркается, дождит и т.д., соотносится словообразовательно с подлежащим НСП, а сказуемое двусоставного предложения имеет бытийно-про-

I N - существительное; подстрочная маленькая латинская буква при N обозначает падеж; V_f - глагол в личной форме; V_s - безличный глагол; ←→ - трансформируемость.

цессуальное значение, например: начался, наступил, идет и т.д.; 2) характер сочетаемости глагола-сказуемого с существительным-подлежащим является строго регламентированным, ибо употребление глаголов указанных 1 семантики в настоящее время является несвободным, они сочетаются с подлежащим очень узкой и ограниченной семантики (день, небо, вечер, звезды и т.д.). Синонимичность указанных конструкций строится на "перекрестности" компонентов и обуславливается общностью смыслового значения.

Денотативное значение высказывания при этом типе трансформации не изменяется, происходит лишь внешнее преобразование компонентов "исходной" и "преобразованной" структур /5/.

В плане изложенного понимания и восприятия предложений рассматриваемой семантики как субъективных¹ для нас определенный интерес представляют результаты исследований тех синтаксистов, которые свою классификацию предложений строят на принципе обязательной бинарности предикативования, находящей в речевой практике своеобразное выражение, обусловленное возможностями морфем каждого отдельного языка. Существует мнение, что бинарность языкового выражения передается синкретично, т.е. в лексико-грамматической, а не в чисто лексической форме. В содержании и в форме глаголов типа "светает, смеркается" и т.п. заключены два компонента предикативного отношения; один компонент - в корне глагола, а другой - во флексии: "свет-дет", один компонент данных форм предполагает наличие другого /6,22/.

¹ Эта точка зрения не является общепринятой. В лингвистической литературе существует и другое мнение. См. об этом в: /1,16/

В синонимичном предложении Паступнет рассвет та же мысль выражена не одним словом, а предикативно сопряженными словами. Как известно, в традиционной лингвистике было принято "разграничение значений на лексические (выражаемые корневыми морфемами) и грамматические (выражаемые аффиксами, флексиями и т.п.). Из них только лексические рассматриваются в качестве полноправного объекта семантической теории. В соответствии с этим семантика доводится часто определяется как "наука о лексических значениях слов". Однако известно, что одно и то же содержание может быть выражено один раз лексическими, а в другой — грамматическими средствами... Иными словами, одно и то же предложение семантического языка может быть поставлено в соответствие предложениям с самой различной лексической и грамматической структурой..." /7, 16-17/.

В этом случае мы имеем право говорить о семантической значимости флексии глагола. С точки зрения этого подхода в предложениях исследуемой семантики реальный субъект (R₃) утверждается через глагольную флексию.

Встречающееся в современном русском литературном языке при обычном безличном глаголе подлежащее, о чем свидетельствуют данные словарей и художественно-поэтического языка является показателем того, что предложения типа:

Уж день багряный вечерет (А.С.Пушкин),

Рассветало серенькое утро (А.Толстой),

Идем, не ждя, чтоб даль светала (К.Симонов)

не являются совершенно изжитой категорией.

Мы рассмотрели сравнительно небольшое число фактов, но даже эти немногочисленные примеры свидетельствуют о том, что

в настоящее время весьма перспективным являются поиски особенностей в предложении синтаксических признаков с семантическими. При этом возможны разные формальные закрепления семантических связей одного типа, ибо соответственно характеру высказываемой мысли говорящий избирает нужные формы слов, сопрягая их в коммуникативных целях в рамках определенной модели предложения.

Литература

1. Г.А.Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. "Наука", М., 1973, с.13, 60, 160.
2. Т.Б.Алисова. Очерки синтаксиса современного итальянского языка (семантическая и грамматическая структура простого предложения). изд. МГУ, 1971, с.17, 18.
3. Г.А.Золотова. К понятию предикативности. В сб.: "Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков" (Тезисы докладов). "Наука", Л., 1975 и др.
4. К.П.Смолина. Синонимический ряд как объект исторической лексикологии. Изв. АН СССР, ОЛЯ, вып.1, т. XXXII, 1973.
5. Н.Н.Арват. Стилизация безличных предложений в современном русском языке. (Конспект лекций по спецкурсу "Безличные предложения в современном русском языке"), Черновцы, 1969.
6. Ч.М.Александров. К вопросу о предикативности. В сб.: "Грамматические исследования", ч.1, "Наука", Л., 1975.
7. Ю.Д.Андреев. Экспериментальное исследование семантики русского глагола, "Наука", М., 1967.
8. Грамматика русского языка. Под редакцией Э.В.Виноградова. Изд. Академии наук СССР, М., 1954.

0. კაბარდინა-აბაშიძე

რეალური სუბიექტისა და დროის (RS) ფრაზისა და დროის
ფრაზისა და დროის ფრაზის
ფრაზის

ნაშრომში განიხილება რეალური და დროის ფრაზისა და
ფრაზის "კლასიკური" უპროპრიეტარიანი ნაშრომი სინტაქსური და
სემანტიკური ნაშრომ-ფრაზის ფრაზის ფრაზის.

C. Kabardinā - Abashidze

ON THE REAL SUBJECT (RS) IN SENTENCES EXPRESSING NATURAL
AND TEMPORAL PHENOMENA

Summary

The article discusses "classical" impersonal sentences expressing
natural and temporal phenomena from the point of view of the correla-
tivity of the syntactic and semantic features.

Труды Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета

საქართველოს სახელმწიფო უნივერსიტეტის შრომები
უბიძვერსივეტის შრომები

276, 1987

СИНОНИМИЧЕСКИЙ РЯД СЛОВ С ДОМИНАНТЪЙ "НАПАДЕНИЕ"

В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М.Г. Каменных

Современная лингвистика исходит из положения о системном характере языка на всех его уровнях, в том числе и на лексико-семантическом. "Системные связи лексики отражаются в таких ее внутренне связанных категориях, как синонимия и антонимия" (1).

Явление синонимии универсально; оно соединяет языковые факты во времени, в локальных и социальных вариантах. "Слова устаревшие и новые, диалектные, просторечные и жаргонные находят свое место в синонимическом ряду... Синонимический ряд воплощает разнообразие и единство литературного языка" (2).

Синонимический ряд — понятие историческое. Каждому этапу развития языка свойственны свои определенные синонимические ряды. Анализ одного какого-либо ряда, функционирующего на различных синхронных срезах, дает большие возможности для исторической лингвологии, так как он помогает, во-первых, выяснить особенности употребления его членов в тот или иной исторический период русского языка; во-вторых, определить его качественные и количественные изменения; в-третьих, проследить, как влияет доминанта синонимического ряда на семантическое развитие его членов.

Рассмотрим это на примере синонимического ряда слов с до-

мигрантой "нападение". Опираясь на данные исторических и современных словарей, а также на исследования современных лингвистов (Сороколетова Ф.П., Кутиной Л.Л., Баржаковой Е.Э., Войновой Л.А. и др.), можно выделить следующие члены этого синонимического ряда на определенных синхронных срезах:

в древнерусском языке: нападение, изгон, наезд, ворон, наворон, наводнение, наитие, налог, насилие, повоевание, нашествие, набег, приступ, частуп, напор, натиск;

в языке XIII в.: нападение, нападок, напор, наступление, облежание, приступ, штурм, набег, агрессия, наступ; атака;

в современном русском литературном языке: нападение, наступление, атака, агрессия, набег, налет, приступ, удар, наскок (разг.).

Проанализируем наиболее употребительные слов. данного синонимического ряда.

НАПАДЕНИЕ. Лексема эта древняя, встречается уже в памятниках письменности XI в. и обозначает: 1) нападение, 2) притеснение, обиды, преследования; 3) действие по глаголу "напасть" ("пасть, обрушиться на кого-л., постигнуть кого-л., вообще внезапно случиться, произойти с кем-л."); 4) проявление недовольства; нападки (З, X, 164).

В современном русском языке слово имеет следующие значения:

1. Действие по 1-му и 2-му знач. глагола "напасть" (1) Набрасывать на кого-, что-н. (с враждебной целью). // Набрасывать кого-, что-л. // Набрасывать в большом количестве; 2) делать нападки на кого-л., что-л.; выступать с обвинениями, возражениями. 2. В футбольной, хоккейной и т.п. команде групп-

на передовых игроков, имеющих задачу забивать мяч (шайбу) в ворота противника (4, УП, 359-361).

При образовании семантической структуры слова в древнерусском и современном литературном русском языке можно заметить, что в наши дни сохранились I-е, 2-е и 3-е древнерусские значения, причем лексико-семантический вариант "нападение" по-прежнему является основным в семантике этой лексической единицы:

"Еще вчера газета "Файнэнш таймс" писала в редакционной статье, что "участие Англии в военном нападении на Ливию было бы абсолютно нетерпимым. Сегодня такое участие стало не просто фактом, но приобрело форму прямого и активного пособничества правительства Тэтчер акту государственного терроризма, предпринятого американской военщиной против Ливии" (5).

Третье древнерусское значение сохранилось только в говорах, в частности, в архангельских говорах слово "нападение" обозначает "беда", "напасть" (6, XX, 60).

Вместе с тем в современном литературном русском языке появилось и новое — спортивное — значение, обусловленное главной семемой слова:

"И дело не в том, что во втором и третьем звеньях нападения сборной СССР сменялись партнеры. Для примера стоит вспомнить хотя бы Александра Мальцева. Постоянных партнеров у него никогда не было. И тем не менее его звезда не тускнела" (7).

Слово НАШЕСТВИЕ известно в русском языке с XI в. и обозначало: 1) приход, наступление; 2) сошествие, нисхождение; 3) нападение, набег, нашествие; 4) натиск, приступ (перен.); 5) прием, путь, средство (3, X, 321).

К началу XIX в., в семантике слова остались только два значения: 1) наитие, низшествие (духа); 2) неприятный набег, нечаянное нападение, наступление (8, III, 1270). Так, в "Письмах к другу" Ф.Глинки читаем:

"Иван Анисимовичъ, до нашествия я Французъвъ, жилъ какъ другъ, в домѣ одного Смоленскаго помещика" (9, III, 2).

В современном русском литературном языке сохранялся только лексико-семантический вариант "нападение, набег, низшествие", но семантика его уточнилась: "вторжение масс неприятеля в страну". Наряду с этим уточнилась и стилистическая принадлежность слова: сейчас оно употребляется преимущественно в книжном, высоком стиле.

В современном русском языке слово "нашествие" может употребляться и в переносных значениях, развившихся на основе главного: 1) неожиданное появление, приход кого-л.; 2) появление в большом количестве (животных, рыб, насекомых и т.п.) (4, УП, 677). напр.:

"Она (Люба - М.К.) ела их еду, вкусную, обильную... - ела и подготавливала "нашествие". После первого знакомства и прослушивания "боевых эпизодов" она приводила "в гости" товарищей и товаров по курсу - взбесившихся от недоедания медиков и медичек" (10, УІ, 44).

Слово НАСТУП в значении "наступление, нападение" известно в памятниках письменности с XV в. (3, X, 276), напр.:

"Князь Горчаков приготовился встретить напор первого наступа. Он расставил полки 27-й дивизии по леву редута, растянув их в линию" (II, 24).

В современном русском литературном языке слово "наступ"

уже не употребляется. Оно не отмечено ни в Толковом русском языке под ред. Д.Н.Ушакова, ни в Словаре русского языка С.И.Ожегова, ни в МАС; в ССРЛЯ же дается с пометами "устар.", и "обл.": "Наступление, нападение" (4,УП,551). В архангельских и донских говорах слово "наступ" сохранилось в своем древнем значении "наступление", нападение" (6,ХХ,201).

Лексема НАСТУПЛЕНИЕ употребляется в памятниках письменности с ХУП в. в двух значениях: 1) наступление, нападение, напор, натиск; 2) наступление (какого-л. времени) (3,Х,278). К началу XIX в. семантическая структура слова изменяется: основным значением становится "действие того, кто наступил кому на что", вторым - "наступление, приближение", третьим - "нападение (напротивителя)" (8,III,1220). Например, в "Записках А.П.Ермолова" встречаем:

"Дан приказ к наступлению. Воспрянула бодрость в сердцах начальников, разлилось веселье между воинами. Уже слышен глас труб, призывавшей к брани; уже веет победоносные знамена" (12,83).

В современном русском литературном языке лексема "наступление" имеет следующие значения: 1) движение войск с целью нападения на противника, разгрома его // активные действия, прет-принимаемые кем-либо с целью освоения, изучения, покорения чего-л.; 2) действие по глаголу "наступать" в 4-м значении: "перен., подступив к чему-л., надвигаться, занимать пространство" (13,II,402), ср. напр.:

"С 5 августа 1941 года в течение 73 дней армейские дивизии, полки морской пехоты, население города героически отражали наступление немецко-фашистских и румынских войск" (14).

"Богословский, потянувшись, сказал: "Завтра погоны спором, и откроется нам вся прелесть мирной жизни".

- "Ой ли? - спросил Устименко. - Я лично здесь воюю, а при вашем посредстве в оборону надеюсь в наступление перейти" (10, VI, 171).

Таким образом, в современном литературном русском языке лексико-семантический вариант "нападение", наступление, натиснуть" становится основным, значение "действие того, кто наступил кому на что" устарело и исчезло из семантической структуры слова. Лексико-семантические же варианты "наступление" (воен.) и "наступление (какого-л. времени)" настолько разошлись, что в современном русском языке представляют собой синонимы.

Интересно, что в русских народных говорах отмечается неизвестное ни современному литературному русскому языку, ни древнерусскому языку значение "преступление" (6, XI, 202).

Во второй половине XVII в. в русском языке появилось слово НАБИГ со значением "нападение" (3, X, 17). К XIX в. семантика слова уточняется, конкретизируется: "внезапное нашествие, нападение неприятелей" (8, II, 981-982) (курсив наш - М.К.), напр.:

"Искусными маневрами, скрытостью маршей, нечаянностью, быстротой, с верными проводниками, по сокровенным тропинкам он (Фигнер - М.К.) производил славнейшие набег: разбивал сельские партии французов, сжигал обозы, перехватывал курьеров и тревожил неприятелей под самую Москву" (15, 212).

В современном русском языке происходит дальнейшее развитие и уточнение семантики слова: набег - это внезапное нападение, кратковременное вторжение (курсив наш - М.К.). У данного лексико-семантического варианта появляется и новая семантика:

"внезапные и стремительные действия небольших отрядов войск (преимущественно кавалерии) с целью разведки, временных операций с быстрым отходом назад" (4, УП, 21-22). Так, в романе А.Н.Толстого "Хождение по мукам" читаем:

"Все представления о войне как о лихих кавалерийских набегах, неслыханных маршах и героических подвигах солдат и офицеров, - оказались устаревшими" (16, I, 142).

В современном русском литературном языке развивается и новый лексико-семантический вариант: "О сильном порыве ветра, напоре воды и т.п." (4, УП, 21-22).

В XVIII в. в синонимический ряд с доминантой "нападение" вошли иноязычные по своему происхождению слова "атака", "штурм", "агрессия".

Слово АТАКА пришло в русский язык в Петровскую эпоху из немецкого языка. Нем. *attaque* восходит к франц. *attaque* - безаффиксному образованию от *attaquer*, представляющему собой переобразование итал. *attaccare* "начинать сражение" (17, I, I, 169).

В начале своего функционирования в русском языке лексема "атака" имела терминологическое, военное, значение: "осада городовая, и наступление на неприятеля везде на земли и морь" (13, 50). Так, в "Письмах и бумагах Петра Великого" находим:

"Блокада Енборху еще по сей зиме и вступленье в Флянт учинено будет, а формальная атака... при стаянии снега начнется, то есть в последних днях апреля" (19, X, 31).

В "Архиве кн. Ф.А.Куракина" встречаем:

"Начал атаку чинить к городу и вести обыкновенные опро-

ши" (20,1,109).

Таким образом, в начале своего существования в русском языке иноязычное слово имело более широкий семантический объем, чем в современном русском языке, и входило в следующий синонимический ряд: "нападение, нападок, напор, наступление, облежание, осада, приступ, штурм" (20,1,109). Преобладание в этом ряду слов с общей семой "нападение" предопределило и исчезновение семемы "осада", и развитие семемы "наступление". В современном русском литературном языке семантический объем слова увеличился: атака - это и приступ острого суставного ревматизма (медиц.), и переход голосового аппарата человека к певческому, и непосредственный переход к следующей части музыкального произведения (муз.), и быстрое и решительное наступление (спорт.) (21,61), напр.:

"Во втором тайме донецкие футболисты шли в одну атаку за другой. Но защита торпедовцев не дрогнула. Счет 1:0 не изменился до конца игры" (22).

Употребляется слово и в переносном значении:

"Как сообщает агентство ПАП, министр, выступая на заседании исполкома Бесполского совета Патриотического движения национального возрождения, охарактеризовал стратегические и тактические цели атак на Польшу со стороны некоторых западных государств во главе с США как инструмент глобальной политики конфронтации Советским Союзом и всем социалистическим сотрудничеством" (23).

Лексема ШТУРМ заимствована в Петровскую эпоху из немецкого языка как синоним к слову "приступ" (18,64). Как и галлицизм "атака", германизм "штурм" в начале своего функци-

онирования в русском языке характеризовался фонетической, морфологической, а главное, семантической неустойчивостью. Так, в XVIII в. это слово известно в следующих формах: "штурм", "шторм", "штурм", ср., примеры из "Писем и бумаг Петра Великого":

"Гварнизон не утомлен гораздо, и во время шторма (курсив наш - М.К.) не имеет малых мартирцов довольно, чем бы стены и от стен возможно неприятеля, также и от пушек отбить" (19, X, 99).

"...при приезде нашем в армей нашу под Выборк и по учиненному расположению к генеральному штурму (курсив наш - М.К.) швецкой комендант той крепости..., не дожидаясь оного штурму, помянутую крепость сего июня 13-го дня здал, и во оную введены наши войска" (19, X, 188).

Смысловая дифференциация данных вариантов намечена еще слабо в XVIII в. и даже в первой половине XIX в. Так, еще Словарь Академии Российской 1806 г. отсылает читателей посмотреть значение слова "штурм" к словарной статье "буря" (8, VI, 1388). Но постепенно значение лексемы "штурм" уточняется, стабилизируется, и этому способствует вхождение слова в синонимический ряд с доминантой "нападение". Так, в "Походных записках артиллериста" И.Т.Родожицкого читаем:

"Вскоре за тем услышали о взятии штурмом укрепленного французами Верен, отрядом, генерала Дорохова" (15, 217).

В современном русском литературном языке появились новые лексико-семантические варианты лексемы "штурм" с пометой "перен.": "активное, решительное наступление с целью добиться желаемых результатов" и "решительное наступление на что-л."

для овладения чем-л., освоения чего-л.", напр.:

"В этом году, как и прежде, в центре внимания были восхождения на Эверест. Еще в марте две экспедиции альпинистов начали штурм с юга из Непала высочайшего пика планеты" (24).

Слово АГРЕССИЯ появилось в русском языке во второй половине XVIII в. из лат. *agressio*, через посредство франц. *agression* (20, I, 23).

Первоначально оно употребляется в дипломатической сфере военного права, где имело широкое значение — "нападение" (20, I, 23). В современном русском языке значение слова уточнилось: "нападение, захват чужой территории" (4, I, 47-48), напр.:

"По определению ООН, "агрессией является применение государством вооруженной силы против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо иным образом, несовместимым с Уставом ООН".

К актам агрессии относятся, в частности, любая бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства; блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства; нападение вооруженных сил государства на сухопутные, морские или воздушные силы другого государства" (25).

Итак, в ходе развития языка синонимический ряд с доминантой "нападение" претерпел и количественные, и качественные изменения. Первые были связаны с исчезновением одних его членов (изгон, наезд, вороп, навороп, навождение, наитие, надог, приступ, наступ) и с появлением на их месте других (атака, штурм, агрессия).

Вторые были обусловлены влиянием доминанты ряда:

- 1) отпали значения, не связанные с главной семемой синонимического ряда (см. историю слов "нападение", "нашествие", "наступление");
- 2) уточнилась и стабилизировалась семантика слов ("нашествие", "набег", "атака", "штурм", "агрессия");
- 3) появились новые лексико-семантические варианты членов синонимического ряда ("наступление", "атака", "штурм");
- 4) развились новые терминологические значения, напр., медицинское, музыкальное и спортивное у слова "атака", политическое у слова "агрессия", спортивное у слова "нападение";
- 5) произошла детерминологизация слов, что связано также и с широкой употребительностью их в речи ("нападение", "наступление", "атака", "штурм").

Литература

1. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982, с.67.
2. Брагина А.А. Синонимы и их истолкование. - ВЯ, 1978, № 6, с.68.
3. Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 1975-1984, тт. I-10.
4. Словарь современного русского литературного языка. М. Л., АН СССР, 1950-1968, т. I-XVII.
5. Правда, 16.04.1986 г.
6. Словарь русских народных говоров. М.-Л.: Наука, 1965-1983, т. I-19.
7. Правда, 27.04.1986 г.

8. Словарь Академии Российской 1806-1822, т. I-IV.
9. Глинка Ф. Письма к другу, ч. III, СПб, 1815-1817, с. 2.
10. Герман Ю. Я отвечаю за все. - Герман Ю. Собр. соч., в 6-ти томах, Л.: Худож. литер., 1976, т. 6.
11. Глинка Ф. Очерки Бородинского сражения. (Воспоминания о 1812 г.). М., 1839, с. 24.
12. Записки Алексея Петровича Ермолова. М., 1863, с. 83.
13. Словарь русского языка. В 4-х томах. М.: Русский язык, 1981.
14. Правда, 22.12.1982 г.
15. Толстой А.Н. Хождение по мукам. В 2-х томах. М.: Моск. рабочий, 1983, т. I, с. 142.
16. Походные записки артиллериста И.Т. Родожицкого. М., 1835.
17. Этимологический словарь русского языка. Под ред. и рук. Шанского Н.М. М., МГУ, 1963-1982, т. I, II, вып. I-8.
18. Лексикон вокабулам нсвнм по алфавиту. Обнорский С.П. Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка. М., 1948, ч. 2, вып. 2.
19. Письма и бумаги императора Петра Великого. (1688-1714). СПб-М., М.-Л., 1887-1904, т. I-III.
20. Словарь русского языка XVIII в., Л.: Наука, 1984, вып. I.
21. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, изд. 7, 1975.
22. Правда, 3.05.1983 г.
23. Правда, 28.05.1983 г.
24. Правда, 28.05.1984 г.
25. Правда, 16.04.1986 г.

Մ. Կանոնիկ

«Պատասխան» բրանդանամականության սինոնիմային

սինոնիմային խմբի ձևաչափը

հիմնարկ

Մենք զբաղվում ենք ինչպես սանիտարիկ օրենսդրության քերականական հարցեր - պատասխան աբստրակցիոն սինոնիմային խմբի քերականական հարցերով. միջանկյալ այս քերականության բնութագրումը սերտորեն.

M. Kanonnykh

SYNONYMIC SERIES OF WORDS WITH THE DOMINANT MEANING OF "ATTACK" IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Summary

The paper discusses the evolution of the synonymic series of words denoting "attack" - a layer of Russian military terminology. Diachronic analysis of this subsystem is given.

Труды Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета

საქართველოს სახელმწიფო უნივერსიტეტის
276, 1987

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ НА БАЗЕ СТАДЪЕКТИВНЫХ
ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
Н.А.Клишани

В понимании семантического способа словообразования мы идем вслед за В.М.Марковым /1/, опирающимся в своем исследовании о данном способе русского словопроизводства на идеи выдвинутых ученых А.А.Потебни и Л.В.Щербы.

Семантическое словообразование "осуществляется путем включения слова в иной лексический разряд, в результате чего образуются омонимы, т.е. равнозвучные производные лексе "1,9/.

В сфере стадективных имен существительных семантическое словообразование представлено многочисленными типами, имеющими регулярный характер.

На базе имен существительных со значением отвлеченного признака образуются имена с общим словообразовательным значением "носитель признака", который, конкретизируясь, представляет следующие типы:

- 1) имена со значением "носитель", обладающий признаком, названным производящим существительным". Ср.: низос-гы (поведения - сделать низость), своеволие (суда - спускать своеволие);
- 2) имена со значением "явление, событие". Ср.: неомადან-ность (бразита - возможны неожиданности), новизна (взгляда -

усмотреть в ногазне);

3) имена со значением "слова, характеризующиеся признаком, названным мотивирующим словом". Ср.: любезность (слов - выслушивать любезности), дерзость (сказать с дерзостью - говорить дерзости);

4) имена со значением "совокупность, собирательность". Ср.: беднота (отличаться беднотой - здесь жила беднота), товарищество (законы товарищества - председатель товарищества), туманность (очертаний - галактические туманности);

5) имена со значением "место, пространство". Ср.: неровность (поверхности - неровности на поверхности), крутизна (подъема - пробираться по крутизне), красота (рук - красоты родной стороны);

6) имена со значением "предмет, характеризующийся признаком, названным мотивирующим существительным". Ср.: древность (рода - исторические древности), окаменалость (почвы - коллекция из окаменалостей);

7) имена со значением "лицо, носитель признака". Ср.: совершенство (верх совершенства - вы - совершенство), бездарность (произведения - он - бездарность);

8) имена со значением "вещество, продукт". Ср.: кислота (не чувствуется - азотная), пряность (блюда - пахнет пряностями).

Следующие два типа отличаются нерегулярностью: 1) имена со значением "устройство, приспособление": удобство (помещения - квартира со всеми удобствами); 2) имена со значением "сосуд,местилище": емкость (сосуда - емкость с горячим). Отметим, однако, что нерегулярные в данной системе имен су-

шестытельных словообразовательные типы с этими значениями обладают высокой степенью регулярности и продуктивности в сфере отглагольных имен существительных. Ср.: за́лим (деталей - для деталей), поднос (блюд - для блюд), отсплани́е (помещения - ремонт отопления).

На всех этапах истории русского языка отмечены семантически производные замена со значением "носитель признака", производящими для которых являются имена существительные, обозначающие отвлеченный признак. Ср.:

братство "содружество, единение" - братство "общество людей". "Князь великий... братъ вашъ вельми хочеть братства и любви" (Посл. мтр. Ион. о. 1450 г.; Срезн., I, 174). - Старишина братствоу всему" (Бор. Сир. XIII в.; Срезн. I, 174);

дурость "глупость, сумасбродство" - дурость "неприличный, бестактный поступок": "Человѣкъ оъ такой, разуму нѣтъ, толко дурости много" (Англ. д. 234, 1585; СЛРЯ XI-XIII вв., 4, 378). - "И царское величество... и тутъ за государя вашего послѣвъ дурости государя вашего послѣвъ некоторые спали не учинилъ" (Польск. д. II, 785, 1571; СЛРЯ XI-XIII вв., 4, 378);

бедность "нужда" - бедность "лишения, несчастья": "Ты впала в крайнюю бѣдность" (Мизантр. 94; СЛРЯ XIII в., I, 157). - "Они также чувствительны... ко всемъ человеческим бѣдностямъ" (Трд. СП II, 167; СЛРЯ XIII в., I, 157).

Таким образом, в словообразовательной цепи 1) имя прилагательное → 2) имя существительное со значением качества, признака → 3) имя существительное со значением "носитель признака" последнее звено генетически связано отношениями производности с предыдущим. Имена со значением "носитель

признака" возникли на базе имен существительных со значением признака семантическим способом словообразования.

Наряду с отмеченными случаями в языке представлены имена, входящие в словообразовательную цепь с утраченным в ходе исторического развития языка звеном^X — именем существительным со значением признака, качества: воинский — (воинство) — воинство "собир.", мерзлый — (мерзлота) — мерзлота "место, пространство", божий — (божество) — божество "лицо", жидкий — (жидкость) — жидкость "вещество", драгоценный — (драгоценность) — драгоценность "изделие", тряский — (трясина) — трясина "место" и т.п. Утрата этого звена привела к установлению непосредственной соотносительности с именем прилагательным. При развитии вторичной соотносительности стало возможным вычленение аффиксов — ств/о/, —от/а/, —ость, — ин/а/, синонимич. их аффиксам — ств/о/, — от/а/, — ин/а/, —ость со значением отвлеченного признака. Таким образом, морфемный способ в сфере изучаемых имен возник в результате смены соотносительности.

X Это утраченное образование, однако, можно восстановить. Ср.: драгоценность "качество, свойство драгоценного" (Сл. В. Даля). Ср. у А.С. Пушкина: "И для меня воскресли вновь и божество, и вдохновение, и жизнь, и слезы, и любовь". В слове божество, приведенном в ряду абстрактных имен, усматривается значение признака, качества.

Интересно, что в языке заново возникает существительное со значением качества, но на более высокой ступени словообразовательной цепи. Ср.: личный → (личность "признак") → личность "лицо" → личностный → личностность ("Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов" М., 1984).

Действие морфемного способа в сфере изучаемых имен несомненно: молодость "отвлеченный признак" от молодой, молодость "собирает." от молодой. Словообразовательный тип имен существительных - на -ость с собирательным значением обнаруживает продуктивность. Ср. новые слова: звездность "скопление, обилие звезд" /2/, вкусности "вкусная еда" /3/. Но несомненным является и то, что в настоящее время продолжает осуществляться семантическое, безморфемное словообразование на базе стабильных имен со значением качества. Ср.: благодарность "качество" и благодарность "слова, характер", пишется этим качеством" (думать с благодарностью, рассыпаться в благодарностях), странность "качество" и странность "послупок" (странность поведения - поведение со странностями), неприличие (поведения - счесть за неприличие), подробность "качество" и подробность "явление, "событие", подробность описания - упустить подробность), чертовщина "качество" и чертовщина "собирает." (находит чертовщина - верить в черта и т.п.), зеленъ "качество" и зеленъ "предмет, обладающий этим качеством" (зеленъ парков - украсить зеленъ), емкость "качество" и емкость "сосуд, вместилище" (емкость сосуда - емкость с горючим) и др.

Таким образом, в сфере стабильных имен существительных в тесном взаимодействии представлены семантический и морфемный способы словообразования, а "без учета семантического словообразования невозможно было бы понять появление на их словообразовательных морфем, обусловленных все более четким осознанием первоначально опосредованной связи семантически производных лексем со ст. вами, послужившими базой для морфем-

ного производства исходных образований" /4,7/.

Слова, образованные семантическим способом, могут отличаться целым рядом особенностей от производящих слов:

1) ударением: острота /мысли/ - остро́та /менялись над остро́тами/, мокрота́ /развести мокроту/ - мо́крота́ /в легких/;

2) формами множественного числа: пошлость (слов) - (говори́ть) пошлос́ти, неровность (поверхности) - неровно́с и (на́ поверхности);

3) словообразовательными связями. Ср.: глубинный "находящийся на большой глубине" от глубина "место", кислотный "содержащий кислоты" от кислота "вещество";

4) различной лексической и синтаксической сочетаемостью. Ср.: ощутить пустоту в душе, невыносимая пустота в доме - пустоты в чугунном литье, многочисленные пустоты;

5) способностью образовывать устойчивые сочетания: видимость "возможность видеть" - видимость "область пространства, в которой приемно-передающие центр и антенна связаны напрямую" - зона видимости; качество - знак качества, день качества, пост качества, служба качества и под.

Таким образом, различия в семантическом содержании между производящими и производными словами подкрепляются целым рядом четко выраженных показателей: акцентологических, словообразовательных, грамматических. Семантическое словообразование, следовательно, осуществляется не только "в чисто содержательном плане".

Традиционно семантическое словообразование представляется как постепенное распадение полисемии, в результате которого происходит обессоление одного из "лексико-семантических ва-

риантов", утративших силне семантические связи /5,6,7 и мн. др.). Таким образом, по традиции семантическое словособразование "обнаруживает себя лишь где-то на периферии семантической эволюции в виде отдельных, почему-то обязательно деэтимологизированных образований"/1,20/ типа завод "действие" - завод "предприятие", взвод "действие" - взвод "подразделение", приход "действие" - приход (церковный) и под. Во всех приведенных примерах внутренняя форма существительного уже не мотивируется глаголом.

Совершенно очевидно, что такое решение вопроса резко противоречит пониманию сущности производного слова вообще: производное слово находится в очевидной семантической связи со словом - основой, будучи при этом отдельным, самостоятельным словом. Семантическая связь, однако, может с течением времени утрачиваться, т.е. в результате деэтимологизации слова оказываются лишенными четко выраженного признака производности. Так и произошло со словами типа завод¹ - завод², которые пережили деэтимологизацию, но не выпали при этой из общей сферы употребления. Наряду с ними в языке в огромном количестве представлены случаи регулярного систематического переноса значений: действие - субъект действия, действие - результат действия, отвлеченный признак - лицо и т.п. Подобный перенос значений - результат семантического способа словособразования, в результате которого образуются самостоятельные лексико-грамматические единицы.

Регулярные модели переноса значений в сфере отглагольных имен существительных подробно описаны С.С.Ахмановой /8/, И.Д. Апресяном /9/, Л.А.Новиковым /7/. О.С.Ахманова уоматри-

вают в случаях переноса значений омонимия, Ю.Д. Апресян, А.Л. Новиков - полисемия. Характерно, однако, замечание Ю.Д. Апресяна о "поразительном подобии словообразовательных типов и регулярных моделей многозначности" /9, 193/. Ю.Д. Апресян отмечает также, что "аналогия между словообразованием и многозначностью простирается настолько далеко, что к ней оказываются применимыми такие типично словообразовательные понятия, как регулярность-нерегулярность, продуктивность - непродуктивность и др. под." /9, 189/.

Акад. В.В. Виноградов в 1952 году писал: "Вопросы семантического словообразования у нас почти не были предметом историко-лингвистического исследования" /10, 146/. Это положение сохраняет свою актуальность и в наши дни. Ср., например, замечание И.Г. Милославского: "Необходимо восстановить в правах лексико-семантический способ словообразования. Наши знания об этом способе нельзя считать достаточно полными" /11, 86/.

Семантический способ словообразования как один из способов русского слова производства не представлен ни в Грамматике-70 ("Грамматика современного русского литературного языка". М.: Наука, 1970), ни в Грамматике - 80 ("Русская грамматика", т. I. М.: Наука, 1980). Представляется весьма противоречивым сам принцип отнесения слов с омонимичными словообразовательными элементами то к одному словообразовательному типу с так называемым основным значением и вторичными значениями, сопутствующими основному, то к различным словообразовательным типам.

Так, в системе префиксальных и конфиксальных имен существительных в последних академических грамматиках не отмечается ни одного полисемичного словообразовательного типа с основным

значением и вторичными. Например, имена существительные с префиксом под- составляют три словообразовательных типа:

1. Имена существительные со значением части целого: подвид, подкласс. Тип продуктивен.

2. Имена существительные со значением "нечто, находящееся ниже того или в непосредственной близости от того, что названо мотивирующим словом": подзаголовок, подтекст. Тип непродуктивен.

3. Имена существительные со значением подобия, ложности: подлец, подгрудь. Тип продуктивен в разговорной речи.

И в системе конфиксальных образований нет ни одного полисемичного словообразовательного типа. Двухаффиксная морфема - конфикс - предельно конкретизирует словообразовательное значение, не допуская никаких "вторичных значений, сопутствующих основному".

И только в системе суффиксальных имен существительных отмечаются полисемичные словообразовательные типы. Среди них - представлены в академических грамматиках и исследуемые нами стабильные и имена существительные.

Представляется непоследовательным и трактовка вполне аналогичных в функционально-семантическом отношении единиц. Так, составители Грамматики - 80 образования типа красота со значениями "отвлеченный признак" и "носитель признака" (ср. красота) относят к одному словообразовательному типу, в то время как аналогичные им образования острота "свойство" и острота "носитель признака" разнесены по разным словообразовательным типам. Подобные примеры не единичны.

Случаи семантического образования слов следует четко от-

граничивать от случаев вторичной номинации, являющихся следствием неоднократного действия словообразовательной модели.

При вторичных номинациях как следствия метонимических и метафорических переносов в паре омонимов между исходным словом и производным существует этимологическое родство, отношения первичного и вторичного, иерархия, выводимость. Ср.: слен "животное" - слен "тягач, автомобиль для буксировки прицепа", весна "время года, следующее за зимой" - весна "о поре общественного подъема и обновления".

Вторичные номинации как следствия неоднократного действия словообразовательной модели обладают прямыми номинативными значениями. Эти значения равноправны, ни одно из них нельзя признать зависимым от другого или выводимым из него. Они непосредственно соотносятся с основным значением производящего слова. Ср.: утятница 1) работница, ухаживающая за утками; 2) посуда для приготовления жаркого из утки; 3) большая дуга, нападающая на утят. Как отмечают исследователи, значений этого типа может быть неограниченное количество. /12, ГС/.

И.И. Милославский слова типа ночник ("лампа, зажигаемая ночью", "птица, насекомое, ведущие ночной образ жизни") рассматривает как образованные семантическим способом.

Как представляется, здесь не семантический способ словообразования, а результат неоднократного действия словообразовательной модели. Приведенные выше значения представляют эту номинацию, они независимы друг от друга; связывает их лишь общность отношений к одному и тому же производящему сло-

ву (утка, утята). Сущность же семантического способа слово-производства - возникновение новых слов в результате семантического развития слова. Слова, образованные этим способом, возникают на основе аналогичных, типовых отношений, представленных рядами закономерных соответствий.

Литература

1. В.М.Марков. О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск, 1981.
2. Новые слова и значения. Словарь - справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. М., 1984.
3. Новое в русской лексике. Словарные материалы-80. М., 1984.
4. В.М.Марков. О семантическом способе образования слов. - "Русское семантическое словообразование. Сборник научных трудов". Ижевск, 1984.
5. Р.А.Будагов. Введение в науку о языке. М., 1965.
6. Л.А.Новиков. О семантическом способе словообразования в современном русском языке. - "Вестник МГУ. Серия УП. Филология. Журналистика". № I, 1960.
7. Л.А.Новиков. Семантика русского языка. М., 1982.
8. О.С.Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
9. Ю.Д.Апредин. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
10. В.В.Винogradov. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. - "Вопросы теории и истории языка". Изд-во АН СССР, 1962.

Труды Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета

საქართველოს სახელმწიფო უნივერსიტეტის
უბივუნივერსიტეტის შრომები

276, 1987

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ГЛАГОЛАМИ ДВИЖЕНИЯ:
СТРУКТУРА, СОЧЕТАЕМОСТЬ, ПЕРЕВОДИМОСТЬ

Г.И. Кипшадзе

Устойчивые словосочетания с глаголами движения составля-
ют значительный пласт русской лексики: по данным лексикогра-
фических источников /I.1, I.10, I.11, I.12, I.13, I.18, I.22/,
их насчитывается до полутора тысяч. Вместе с характерными
для всех устойчивых сочетаний свойствами – "готовностью",
воспроизводимостью, фиксированностью в них конкретных языко-
вых форм и др., устойчивые словосочетания с глаголами движе-
ния проявляют ряд структурных и сочетательных особенностей,
что заслуживает специального рассмотрения.

В литературе по вопросу объектом анализа выступали преимущественно свободные словосочетания с глаголами движения: пред-
лагался компонентный анализ содержательной структуры глаго-
лов этой лексико-семантической группы с выделением доминант-
ной и дифференциальных сем /I.9, 367-396/, рассматривались
лексико-грамматические отличия глаголов движения и глаголов
перемещения /I.8, 3-24, I.21/, языковая форма пространствен-
ных и временных ограничителей движения /I.2/, наиболее частот-
ные проверки глаголов движения /I.4, 7-182/, одновидовые при-
ставочные глаголы движения – перемещения /I.14, 5-42/, лекси-
кографический анализ отдельных пар глаголов движения и их

производных /I.3. 3-19/, пары глаголов движения русского языка и их соответствия в английском, немецком, вьетнамском языках /I.20, I.23, I.17, I.1/; создана значительная по объему учебная литература по глаголам движения /I.4, I.5, I.6, I.7, I.15/. В названных работах устойчивые сочетания с глаголами движения привлекались по ходу рассуждения о лингвистической природе глаголов движения лишь для иллюстрирования возможности переносного и фразеологически связанного их употребления. УС с глаголами движения в структурном плане и в сопоставлении с соотносимыми формами грузинского языка, насколько нам известно, специально не рассматривались.

Материалом для анализа в предлагаемой статье послужили засвидетельствованные в литературных /2.1 - 2.18/ и лексикографических источниках (специальных, толковых, двуязычных) устойчивые словосочетания с глаголами движения. Значительный по объему языковой материал рассматривался и классифицировался с учетом структурных особенностей, переводимости на грузинский язык, сочетательных возможностей УС на синтаксическом уровне.

Покомпонентный анализ устойчивых словосочетаний с глаголами движения позволял выделить УС двоякой структуры: стабильной и переменной. При переменности компонентного состава отмечены явления двух родов: распространение структуры (факультативный компонент в УС) или замещение в структуре зависимого компонента семантически идентичным (вариант УС).

Устойчивые словосочетания с глаголами движения распространяются факультативным компонентом преимущественно именного типа (местоимением, прилагательным, существительным); наимен-

ные факультативные компоненты (предлоги, частицы) относительно редки.

уйти в /самого/ себя, превзойти /самого/ себя, найти /самого/ себя, не находить /себе/ места, найти /себе/ конец, унести /с собой/ в могилу, нести на /своих/ плечах, нести /свою/ лепту, войти в /свои/ права; переходить /всякие/ границы, долететь до /самых/ небес; отойти от мира /себя/;

сесть на своего /любимого/ конька; скатить /холодной/ водой; посадить на /задние/ лапки; выносить на /своих/ /собственных/ плечах; /черная/ кошка пробежала; не подъезжать на /пушечный/ выстрел;

идти /нога/ в ногу, лезть /без мыла/ в душу, залезать в долги /по уши/, пронести /кусок/ мимо рта, носиться как /дурень/ с писаной торбой, ходить по миру /с сумой/, разводить тары-бары /растабары/, на кривой /кобыле/ не объедешь, разводить вавилоны /языком/, забегать вперед /защитой/, пройти сквозь огонь и воду /и медные трубы/, разводить турысы /на колесах/ и др.

Факультативные компоненты неименного типа представлены в анализируемом языковом материале считанным количеством примеров: посадить на хлеб и /на/ воду, перейти /через/ порог, пройти /через/ комиссию, пройти /через/ проверку, как /только/ его земля носит, хоть святых /вон/ выноси, вылететь из головы /вон/, лезть из кожи /вон/; в единичных случаях в качестве факультативного компонента УС выступает сам глагол движения: дальше некуда - дальше /ехать/ некуда.

В УС с глаголами движения замешаться могут как служебные, так и полнозначные элементы зависимого компонента или зависимый компонент в целом: пройти сквозь огонь и воду - через огонь и воду, лезть в бутылку - лезть в пузырь, ходить на голосе - ходить ходуном.

Например,

1. Вот дочь готова пройти сквозь огонь и воду. Ее симпатии не на нашей стороне.

(Н. Погодин. Кремлевские куранты) /2.5.38/

1. Могу просить вас об услуге?

- Да я в огонь и в воду.

(Б. Лавренев. Лермонтов) /2.3.196/

2. Катимся в пропасть. Страной должны управлять ученые, а не выдвиженцы.

(Н. Погодин. Поэма о тополе) /2.6.448/

2. Так нельзя. Так можно скатиться в болото.

(Б. Ромашов. Огненный мост) /2.11.179/

3. - Ваше да, его да - и Макферсон летит к черту. Да?

- К сожалению, нет.

(К. Симонов. Русский вопрос) /2.12.337/

3. Все летит кувырком, все. Но что вам до этого?

(А. Арбузов. Годы странствий) /2.1.243/

В анализируемом материале варианты УС всех трех типов представлены в значительном количестве:

лезть в глаза - на глаза, свести на свой счет - за свой счет, плыть между пальцами - меж пальцев, выйти из рамок - за рамки, идти в дело - к делу, идти на дно - ко дну, свести к минимуму - до минимума, улизывать между пальцами - сквозь пальцы, как Мамай прошел - словно, будто, точно Мамай прошел; кататься как сыр в масле - точно, будто, словно сыр в масле;

ходить по струнке - по ниточке, войти в годы - в лета, идти по стопам - по следам, идти под гору - под уклон, прийтись по вкусу - по душе - по сердцу, сесть в лужу - в галюшу, кусок не лезет в горло - в рот - в глотку, загнать в гроб - в могилу, найдется блажь - дурь, мурашки бегут по спине - по коже - по телу, завести шурманку - волнку - свое, ходить петушком - гоголем - козырем, разводить канитель - кисель,

подвести под монастырь - под выговор, отвести глаза - взгляд, отвести душу - сердце;

пройти сквозь огонь и воду - через горнило, переходить границы - через край, выйти в свет - из печати, разлететься дымом - в пух и в прах, ходить по миру - с протянутой рукой, ходить из угла в угол - назад и вперед, пройти на /чей/ счет - по /чему/ адресу, садиться верхом - на шею, лезть в гору - вверх, свести на нет - к нулю, закатить пир горой - на весь мир, лететь сломя голову - со всех ног, ползать - : брюхе, в ногах, пробежать глазами - быстрым взглядом, уйти несолоно хлебавши - ни с чем, лететь к черту - прахом - вверх тормашками - кувырком - в тартарары, дело идет на лад - как по маслу.

Наиболее многочисленны варианты УС типа: ходить по струнке - по пяточке /II тип/, т.е. с варьированием прилагательного именного компонента:

разводить бобы - бодягу - вавилоны языком, лететь стрелой - пулей, выходить из себя - из равновесия - из рамок - из терпения - из границ, идти на спад - на убыль посадить на мель - на песок, вывозить на себе - на своих плечах, наводить тень на плетень - на ясный день, куда порон котят не заносил - костей не заносил, вылететь из головы - из памяти - из башки, ходить на задних лапках - на цыпочках, нести вздор - дичь - ерунду - ересь - галиматью - околесицу - чепуху чушь, идти по пути - по линии наименьшего сопротивления, идти к чертям - к чертовой бабке, прийти в норму - в порядок, идти как по маслу - как по нотам - по часам, вывести на чистую воду - на свет божий, найти слабое место - слабую точку, найти время - свободную минуту, прийти в бешенство - в неистовство - в ярость, пройти на пост - на должность, таскать ноги с трудом - едва-еле, не объездить на кривой - на саврасой - на вороных, не отводить глаз - взгляда, слететь с языка - с губ, ходить на поводу - на помочах, и бровью не ведет - и ухом - и глазом - и носом - и усом, выйти из подчинения - из повиновения, довести до точки - до предела - до крайности и др.

ЭЛН 1357320
20250109033

В большинстве случаев лексическая замена здесь не ведет к изменению грамматических показателей (падежа, числа) зависимого именного компонента устойчивого словосочетания:

войти в привычку - в обычай, идти своей дорогой - своим путем, идти в дело - в ход, войти в колею - в русло - в норму, разлететься дымом - прахом, сойти с ума - с рельсов, привести в себя - в сознание - в чувство, вылететь пулей - пробкой, прийти к выводу - к заключению, перейти в наступление - в атаку, войти в стовор - в сделку, найти доступ к сердцу - подход, прийти на помощь - на выручку.

Случаев отхода от грамматических характеристик зависимого именного компонента УС в его варианте засвидетельствовано относительно немного; в грамматических вариантах УС при идентичности лексического состава расхождения отмечаются в формах падежа (посадить заплету на штаны - на штанах), числа (лететь к чергу / к чертям, не объехать на кривой - на кривых), рода (идти на попятный - на попятную), в морфологической структуре зависимого именного компонента (катись колбасой - катись колбаской).

В устойчивых сочетаниях со стабильной компонентной структурой анализ глагольного компонента сочетания позволяет выделить по меньшей мере две противопоставленные группы устойчивых образований: со всеми или почти всеми возможными в системе спряжения русского глагола формами и со строгой регламентированностью глагольных форм (одна - две формы). Можно говорить, видимо, о существовании оппозиции полиформных и моноформных структур.

Напр., прийти в себя:

Приди в себя. Успокойся. Все это будет выглядеть иначе.

(И.В.Погодин. Кремлевские куранты) /2.5.59/

Молчу, пока ты не придешь в себя.

(Б.Лавренев. Лермонтов) /2.3.153/

Лучше жить частным трудом... Куда спокойнее.

Приходим в себя.

(Б.Ромашов. Воздушный пирог) /2.10.276/

Меня рвут на части. Не могу прийти в себя

(там же) /2.10.219/

И рядом:

пошла писать губерния /не пойдет и не идет/, куда ни шло, не сойти мне с этого места, свет не клином сошелся, сколько влезет, как Мамай прошел, бычок нашел, как только земля носит, Андроны едут, к слову пришлось, рылом не вышел, сердце зашло, ни в какие ворота не лезет, если на то пошло и др.

Среди устойчивых сочетаний этого ряда значительную группу составляют обобщенно-личные конструкции (на мякине не проведешь, на вороних не объедешь — на кривой не объедешь, на козе не подъедешь, слова клещами не вытащишь — не вытащить) и императивные конструкции: хоть воду вози /на ком/, хоть святых вон выноси, хоть в петлю лезь (полезай), хоть шаром покати, не приведи бог сколько, катись колбасой, иди к чертям — к черту ой бабушке и др.

Моноформные структуры, как правило, не допускают подстановок, произвольного изменения грамматических характеристик глагольного стержня УС: как Мамай прошел /но не пройдет/, сколько влезет /но не влезло/, рылом не вышел /но не выйдет/, не приведи бог /но не приведи бог/, хоть в петлю лезь /но не лезь-те/ и др. В устойчивых сочетаниях закреплены конкретные формы глаголов движения чаще всего без возможности подстановки парных по направленности движения форм:

носить маску /не нести/, водить дружбу /не вести/, выво-
дить вензеля /не вывести/, водить хлеб-соль /не вести/,
вести себя/ не водить/, идти на риск /не ходить/, много
воды ушло /не уходило/, закатить глаза /не закатать/,
гонять лодыря /не гнать/, куда Макар телят не гонял /но не
гнал/, нести чепуху /не носить/, дальше ехать некуда /не
ездить/, и бровь не веет/но не водит/, глаза бегают
/не бегут/, съездить по лицу /не съехать/, тащить за уши
не таскать/, покатиться под гору /не покататься/, ходить
в детях /не идти/, прибегать к уловке /не прибежать/ и
др.

Замена однонаправленного глагола движения разнонаправленным
и наоборот приводит в большинстве случаев к сдвигам в семан-
тике и нарушению целостности устойчивого сочетания: десеманти-
зация, дефразеологизация, алогизму.

- Напр., нести крест $\longrightarrow$ носить крест
/=-терпеливо переносить /ходить с крестом; аналогия
тяжелые испытания/ -носить очки, часы и пр./;
- носить на руках $\longrightarrow$ нести на руках
/=-опекать, лелеять, бого- /=-перемещать; нести ребенка
творять/ на руках/;
- нести чепуху $\longrightarrow$ носить чепуху /?/
/=-говорить вздор/ /грамматически нормативное,
но семантически невозможное
сочетание/.

Если видо-временная замена и подстановка парных по направлен-
ности движения форм ведут в большинстве своем к разрушению
структуры /влезать на ком - влезать на ком, куда ни шло -
куда ни идет, носить усы - нести усы/, то введение в УС гла-
гольного компонента той же пары, но с иным превербом /скатить-
ся в болото=покатиться в болото/, из другой пары /закатился
смехом=зашелся смехом/ или семантически соотносимого глагола

перемещения /много воды ушло=утекло, пролетели годы=промялись/ не приводит к распаду нормативных лексико-грамматических связей в словосочетании и широко открывает двери для подбора идентичных по смыслу УС.

Анализ семантически и энтимных УС позволяет выделить четыре группы устойчивых образований с последовательным спадом, отходом от идеи движения:

с глаголами движения одной пары /прийти в норму = войти в колею/,

с глаголами движения различных пар /идти в хвосте=тащиться в хвосте/,

с глаголами движения и перемещения /отвести душу =излить душу/,

с глаголом движения и глаголом любой лексико-семантической группы /семь потов согнать=выжать все соки, наводить страх=взять на испуг/..

1. Завтра всех вас погонят в три шага.

/Б.Ромашов.Воздушный пирог/
/2.10,272/

Бойсь, что выгонит нас к черту.

/там же/ /2.10, 273/

2.Сами видели, кто куда гнул и кто на стенку лез.

/Б.Лавренев.Разлом/
/2.4,477/

Не будем выходить из себя. Пускай пройдет банкет.

/Б.Ромашов.Воздушный пирог/ /2.10,291/

3.Катитесь колбасой, не до вас тут.

/Н.Погодин.Поэма о топоре/
/2.6,402/

-Бабушка идет и гнет туса.
-Убирайся с глаз.

/Б.Лавренев.Лермонтов/
/2.3,208/

4. В друзья записывались? Теперь
идете на попятный?

/Б. Ромашов. Воздушный пирог/
/2.10.238/

Интересно, как они теперь
будут давать задний ход?

/К. Симонов. Русский вопрос/
/2.12.363/

Идентичные по смыслу УС названных типов представлены в анализируемом материале значительным количеством образцов:

лететь вверх дном=полететь вверх дном, отойти от дел=уйти от дел, не идет из головы=не выходит из головы, годы подошли=годы вышли, найти общий язык=войти в контакт, переходить из рук в руки=пойти по рукам, уйти в лучший мир=найти конец, залезть в долги=выезть в долги, выходить за пределы=исходить границу и др.:

плыть против течения=идти против течения, слезами зайтись=закатиться, боком вышло=вылезло, перевести на диету=посадить на диету, возить воду /на ком/=сесть на шею /кому/, пошел звон=разнесся слух, на кривой не объедешь=на мякине не проведешь, дойти до ручки=доводить до ручки, идти под гору=катиться под гору и др.:

слезами зайтись=

слезами залезаться=разливаться во всю, изойти слезами=разливаться в три ручья, и ухом не ведет=и в ус себе не дует, хмель вылетел из головы=выскочил из головы, окатить холодной водой=облить холодной водой, много воды ушло=утекло, занести меч=поднять меч, пот градом катится=потом обливаются, отвести душу=излить душу и др.:

куда ни шло=где наша не пропадала, свести счеты=отплатить той же монетой, войти в люди=выбиться в люди, хоть в петлю лезь=хоть караул кричи, сколько влезет=сколько душе угодно, лезть на стенку=рвать на себе волосы, ходить на ходулях=корчить из себя что-то, гонять лодыря=бить баклуши, уйти несолоно хлебавши=остаться с носом, душа ушла в пятки=сердце оборвалось и др.

В устойчивых сочетаниях всех четырех групп по степени нарастания структурных и лексико-грамматических расхождений могут

быть выделены подгруппы:

с идентичными зависимыми компонентами -

уйти в отставку=выйти в отставку,
идти в гору=лезть в гору,
περ. ходить через край=περ. челиваться через
край, выйти в люди=выбиться в люди,

и неидентичными приглагольными компонентами с расхождениями
в грамматических показателях -

убежать от опасности=избежать опасности,
довести до могилы=вогнать в могилу,
пот градом катится=потом обливается,
проводить свое=настоять на своем.

с лексическими расхождениями -

уйти лучший мир=отойти в вечность,
мурашки по телу бегать=мороз по коже идет,
не сходит с языка=не срывается с губ,
чужими руками таскать каштаны /из огня/
=чужими руками жар загребать,

с лексической и грамматической неидентичностью -

выйти в тираж=сойти со сцены,
идет прахом=летит в черту,
изойти слезами=разливаться в три ручья,
разлететься в дым=рассеяться прахом.

Подбор семантически идентичных УС русского языка, установление их лексических и грамматических сходжений и расхождений важен и сам по себе, для описания закономерностей бытования в языке этого ряда устойчивых образований, и для решения проблем перевода русских УС на грузинский язык. Привлечение внутрязыковых семантических параллелей часто выступает в качестве промежуточного звена при идентификации русских и грузинских УС и значительно упрощает установление межъязыковых соответствий: подбор грузинского эквивалента или аналога к русскому УС с

глаголом движения нередко облегчается в практике преподавания ссылкой на семантически тождественные устойчивые образования русского языка. Например,

- дойти до белого каления=выйти из себя - მთმინებებრან გამტაცრა.
- дойти до точки=дойти до предела - უკრძრვსტმადრვ მისვრა.
- вын эти на чистую воду=сорвать маску - ნიწბის ჩამტრა.
- сошло на нет=прошло впустую - უვბარ ჩანარა.

По переводимости русские УС с глаголами движения, как это показал анализ лексикографического материала и сличение оригиналов с переводами, повторяют, в известной мере, рассмотренную выше классификационную схему идентичных по смыслу УС. В соотносимых УС двух языков русскому глаголу движения обычно соответствует в грузинском:

глагол движения соотносимой же пары/зачем далеко ходить -
ტარა მტის ბავრვრა/,

глагол движения несоотносимой пары/молоко убежало - რძე
ვარავრა. =перешло/,

глагол перемещения/налетел коршунюм - ძვხასავრა რავინრა,
=набросился/ რავძვინრა

глагол любой лексико-семантической группы/куда ни шло =ჯაბნ
დავარვინ/.

Например:

1.С чего начну?Ба!Что в голове
придет, то и скажу.
(А.С Пушкин.Каменный гость)
/2.8.388/

წყდომ რავინვინ? ზაგ ზავინ
მტვა, ინას ვრვდომ.
(ს.ს.პუშკინი.ქვის სვედარი)
(2.8.147)

2.И чорт меня занес на эту
пирушку,-сказал про себя
Олеги.
(Л.Н.Толстой.Казак)
/2.1.248/

ზა ვმინავრა მინივრანა ამ
რინვინ, - ვანვინვა თვინვინ
და.
(ლ.ნ.თოლსტოი.კაზაკი)
(2.1.108)

3. Казак дегели во всю прить.

(Н.В.Гоголь.Тарас Бульба)

/2.2,126/

Համարյան Զեչքրորնըն ինչ ընդ
ըստ լոկնց քյոնըստ. Ե.Յ.Մարտիր.
Պահաս Երկր/2,14,129/

4. Ух, тяжело... Дай дух пере-
веду!

(А.С.Пушкин.Борис Годунов)

/2.7,302/

ո՞հ, սաստիճա՛հ! Եղջա իրցոր. մըլոցե-
լլա սըլո. յ, ս. Յըմյոնի մորոնս զո-
րնըն/2, 10 43/

Впрок пойдет тебе моя по-
гибель.

(А.С.Пушкин.Русалка)

/2.9,421/

լլոցորը մոգեմարդընս ըստ Յըմյոնի.
յ.ս. Յըմյոնի. յըր /2.15, 176/.

При совпадении глагольных компонентов в соотносимых УС двух
языков -

обошел стороной - զտրոր աշարա, носит маску - նրաձնս աթարջնս
возвел до небес - զամբյ սոցջանա, бегает от дела - սալբնս զսարճոնս

лезет из кожи - զսարորան զտրեձա ходит по миру - յարթաչար ըսրոնս

с мечается или лексическое совпадение зависимых компонентов УС:

лезть в душу с дурным намыслом, сесть на голову - սալբնյ ըսքորոնս

вывести из терпения - մոտոնընդո- свести к минимуму - մոնոմընամըր
րան զամոցջանա, ըսջանա.

или расхождение в лексической соотнесенности приглагольных
компонентов в J J:

посадили на мель с дурным расчетом, вынес сор из избы - ժարաձյ ըսոցա-
նա,

ходит козлом - զտրոցոտ ըսրոնս, вывел на свет божьи - սասմի յարաձյ
զամոցջանա,

ездит зайцем - յընըլոտոր մեծայ- и с водь идет - Ելարոնս տըլո-
րոնս, յոնս,

носят на руках ბჯრის ბურღი აგარებს, вынес на своих плечах - მავის ბურღი გბი გაძაბა.

При отнесенности глагольных компонентов УС двух языков к различным парам глаголов движения /второй случай/ -

катается как сыр в масле - ბურღის თბობის გბი = сидит,
пот каптется градом - ბრძობის გურავს = плавает,
к слову пришлось - სიყვამ მთვანა = принесло,
глаза вылезли на доб - მვარები მუბრღი ავტორა = поднялись,
ульвет из рук - ბურღიანი გაუფრინებრება = улетит,
птица над головой не пролетит - ბურღი არ რანგვის მავი = не по-
сидит,
как земля носит/кого/ - მთვინი რანის რეპაბიბება = ходит,
плывет против течения - მავის გბინი ბინის = идет и др.,

в переводе допустим в отдельных случаях параллелизм в использовании глаголов другой или той же, что и в УС русского языка,

пары:

ноги еле носят გბევბის ბრვის ბაბაბრებს /=таскает/,
прошло между рук გბევბის ბრვის ბინავს /=носит/;
გაუფრინა ბურღიანი /=ушло/,
ბავტორა ბურღიანი /=ушло/.

Часто появление в УС грузинского языка глагола движения иной пары, чем это имеет место в русском УС, объясняется влиянием идентичных по смыслу сочетаний русского языка:

ушел от погони მეფრინებს გაუტვა.
убежал от погои
лезет в голову მავში აბრებს ბინის,
приходит в голову

вкати́ть выговор — սահմանափակել տարբերակել,
вынести выговор — սահմանափակել տարբերակել.

бокoм вылезло — մեծամասնություն,
бокoм вышло — մեծամասնություն.

пронесли годы — տարեկան հոգեբանություն,
пробежали годы — տարեկան հոգեբանություն.

перевежал к врагам — մղում մեծամասնություն տարբերակել,
перешел к врагам — մղում մեծամասնություն տարբերակել.

В соотносимых выражениях двух языков с расхождением в презентации глагольных компонентов.

обойшлось в копеечку — անշահավոր բաշխում, вносить в копеечку — զբաղմունք.

глагол движения большей частью или спускается, если УС легко заменяется равнозначным по смыслу словом —

- прийти в волнение=взволноваться — սարկուղանալ,
- приводить в изумление=изумиться — տարբերակել, տարբերակել/տարբերակել,
- приводить в бешенство=взбесить — տարբերակել, տարբերակել/տարբերակել,
- прийти в замешательство=омятаться — մղմունք, մղմունք,

или соотносится с глаголом любой семантики сообразно смысловому содержанию УС в целом:

- в утом не ведет — ստիպանալ մի նմանություն,
- разводит антимонию — տարբերակել տարբերակել,
- ходит из угля в угоду — տարբերակել տարբերակել,
- водили хлеб-соль — տարբերակել տարբերակել,
- походил бы в моей шкуре — հիմն տարբերակել տարբերակել,
- дело идет как по маюлу — տարբերակել տарբերակել,
- пройтись на /чей/ счет — տարբերակել տарբերակել,
- находит блажь — տարբերակել տарբերակել տарբերակել,
- изгонять черта при помощи сатаны — տարբերակել տарբերակել, տարբերակել տарբերակել

и др.
В учебной практике ключом к устоявшейся в языке форме часто служит пословный перевод УС. Напр., еще не вылез из пеленок —

/ԿՅԻՆ ԲՅԵՆՉԵՐՈՒՅՆ ՆԻՆ ԳԱՅՈՒՅՑՅԻՆԱՐԱՆ / -- ԿՅԻՆ ՆԵՐՈՂԵՐՈՅ ՆԻՆ ԸՆԴՅՈՒՅՑՅԻՆԱՐԱՆ:

вышел из границ - /սահմանընթերցան զամուրրա / - սըրտեր Բարսեմա.

В практике преподавания наряду с учетом структурных особенностей и индикаторов переводимости ¹³ с глаголами движения следует иметь в виду и сочетательные возможности рассматриваемого ряда устойчивых образований. Валентностный анализ УС на синтаксическом уровне выступает обязательным условием нормативного структурирования предложений.

Рассмотрение валентного партнера глагола движения в устойчивом и свободном словосочетаниях убеждает в тождественности его валентностных характеристик /войти в историю - войти в аудиторию, пойти до точки - пойти до горки, внести свою ленту - внести карту и т.п.), и это закономерно, поскольку синтаксические закономерности одинаково реализуются и в свободных, и в устойчивых словосочетаниях, хотя в последних в единичных случаях возможны определенные сдвиги, не приемлемые с точки зрения нормативного синтаксиса (напр., не приведи бог сколько).

В УС с глаголами движения валентноносителем не всегда и не обязательно выступает глагол - основа УС в зависимости от того, речь идет о валентности по отношению к валентному партнеру внутри УС или вне его. В последнем случае сочетательные возможности устойчивого образования в целом могут зависеть:

- 1) от вербального компонента УС - довести до точки /кого, чем, почему и т.п./
- 2) как от вербального компонента, так и его валентного партнера по УС -

внести предложение /какое//

вместе с кем, где,
когда и т.п./;

3) не от вербального компонента УС -

носить фамилию /чью, какую/

носить имя /отца; первопроходца космоса/

Подключение семантических конкретизаторов делает ясным, что валентоносителем в эт. случае выступает не глагол-основа УС, а его валентный партнер по УС - зависимый приглагольный компонент УС.

По сочетательным возможностям УС с глаголами движения поддаются делению на одновалентные структуры и структуры с межвалентностью валентных позиций. Одновалентность приходится констатировать с оговоркой: за небольшим исключением УС с глаголами движения поливалентны (напр., вести агитацию - за кого, за что, против кого - чего, где, когда, с какой целью и т.п.) Одновалентны преимущественно предикативные структуры типа: пошла писать губерния, ни в какие ворота не лезет, за словом в карман не лезет, иди к чертям и т.п.

Смещение рядов сочетаемости УС в учебной практике часто имеет в основе отождествление валентных позиций семантически близких структур (напр., ползать на брюхе - перел кем, почему, как и-ползать в ногах - у кого, почему, как и т.п.)

Суммируем коротко все сказанное:

Устойчивые словосочетания с глаголами движения распространяются факультативным компонентом преимущественно именного типа.

2. Среди вариантов УС с глаголами движения наиболее частотны

лексические варианты, грамматические относительно редки;
лексические варианты возможны трех основных типов.

3. В устойчивых словосочетаниях с глаголами движения фиксированы преимущественно конкретные видо-временные формы глагола. Подстановка в УС парных по направленности движения глаголов приводит в большинстве своем к дефразеологизации, десемантизации или алогизму и распаду структуры.
4. Внутрязыковые семантические параллели, как нам представляется, открывают путь к межязыковой идентификации УС с глаголами движения. По переводимости на грузинский язык могут быть выделены 4 типа УС рассматриваемого ряда.
5. Анализ на синтаксическом уровне валентности УС с глаголами движения позволяет говорить о трех типах зависимости сочетательных возможностей УС в целом от типа валентности.

Литература

- 1.1. Андреева-Георг В., Толмачева В. Русский глагол. Предложное и беспредложное управление. - М.: Русский язык, 1975. - 427 с.
- 1.2. Атропенко А.Ф. О сочетаемости глаголов движения в современном русском языке. - Ученые записки Горьковского пед. ин-та, вып. 68, Горький, 1967.
- 1.3. Афифи С.М. Лексикографический анализ глаголов "идти-ходить" и их производных в современном русском языке: Автореф. канд. наук. - М., 1964. - 20 с.
- 1.4. Барыкина А.Н., Обровольская В.В., Мерзон С.Н. Изучение глагольных протавок. М., 1981. - 189 с.

- I.5. Битехтина Г.А., Муравьева Л.С., Вдиян Л.П. Употребление глаголов движения в русском языке. - М., МГУ, 1972.
- I.6. Битехтина Г.А., Муравьева Л.С., Вдиян Л.П. Употребление глаголов движения в русском языке. /Международный семинар преподавателей русского языка зарубежных стран/ - М., МГУ, 1970.
- I.7. Белова Н.М., Холина Н.Н. Глаголы движения. Учебное пособие. - Л., 1972.
- I.8. Блягос З.У. Глаголы перемещения в современном русском литературном языке: Автореф. канд. наук. - Горький, 1964. - 25 с.
- I.9. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики. - В кн.: Проблемы структурной лингвистики. - М., 1972, с.367-396.
- I.10. Гамрекели Н.Н., Гофман Т., Кадатидзе Н. Немецко-грузинско-русский фразеологический словарь. - Тбилиси, 1973. - 567 с.
- I.11. Гамрекели Н.Н., Мгалоблишвили Е.А. Русско-грузинская идиоматика. - Тбилиси, 1956. - 335 с.
- I.12. Гамрекели Н.Н., Мгалоблишвили Е.А. Грузинско-русский фразеологический словарь. - Тбилиси, 1966. - 637 с.
- I.13. Дерibas В.М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. Словарь-справочник. - М., 1975. - 253 с.
- I.14. Земская Е.А. Типы одновидных приставочных глаголов в современном русском языке. - В кн.: Исследования по грамматике русского языка. - М., 1965, с.5-1.
- I.15. Муравьева Л.С. Глаголы движения в русском языке. - М., 1975. - 246 с.

- I.16. Нгуен Куй Мао. Русские глаголы движения в сопоставлении с вьетнамскими (по материалам словарей): Автореф. канд. дис. - Тбилиси, 1982. - 25 с.
- I.17. Пак Н.С. Влияние приставок *г* сочетаемость лексем (на материале глаголов движения немецкого и русского языков) : автореф. канд. наук. - Тбилиси, 1980. - 25 с.
- I.18. Русско-грузинский словарь. - Тбилиси, АН ГССР, Ин-т языкознания, 1983. - 864 с.
- I.19. Салистра И.Д. Летать или лететь? - РЯЗ, 1978, № 2.
- I.20. Смирницкий А.Н. Об особенностях обозначения движения в отдельных языках. - ИНЯШ, 1953, № 3.
- I.21. Сойкеева С.М. Глаголы движения - перемещения в современном русском языке. Автореф. канд. наук. - Алма-Ата, 1970, - 24 с.
- I.22. Фразеологический словарь русского языка. - М., 1968. - 543 с.
- I.23. Шоланке И.О. Глаголы "идти-ходить" и их эквиваленты в английском языке. - РЯЗ, 1978, № 5.
- 2.1. Арбузов А. Годы странствий. Пьесы советских писателей: В 12 т. М., 1956, т.12, с.225-295.
- 2.2.1. Гоголь Н.В. Тарас Бульба. - Собр. соч.: В 6-ти т., М., 1959, т.2, с.32-154.
- 2.3. Лавренев Б. Лермонтов. - Пьесы сов. писателей: В 12-ти т., М., 1956, т.12, с.145-225.
- 2.4. Лавренев Б. Разлом. - Пьесы сов. писателей: В 12-ти т., М., 1953, т.1, с.443-507.
- 2.5. Погодин Н. Кремлевские куранты. - Пьесы сов. писателей: В 12-ти т., М., 1965, т.12, с.387-437.

- 2.6. Погодин Н. Поэма о топоре.-Пьесы сов.писателей.В 12-ти т., М.,1953, т.2, с.5-69.
- 2.7. Пушкин А.С. Борис Годунов.-Собр.соч.:В 3-х т.М.,1955, т.2, с.267-343.
- 2.8. Пушкин А.С. Каменный гость.-Собр.соч. В 3-х т.,М.,1955, т.2, с.374-405.
- 2.9. Пушкин А.С. Русалка.-Собр.соч.:В 3-х т., М., 1955, т.2, с.413-434.
- 2.10. Ромашов Б. Воздушный пирог.-Пьесы сов.писателей:В 12-ти т., М.,1953, т.2, с.199-299.
- 2.11. Ромашов Б. Огненный мост.-Пьесы сов.писателей:В 12-ти т., М.,1953, т.1, с.175-195.
- 2.12. Симонов К. Русский вопрос.-Пьесы сов.писателей:В 12-ти т., М.,1955, т.8, с.327-391.
- 2.13. Толстой Л.Н. Казаки.-Собр.соч.:В 12-ти т., М., 1958, т.3, с.151-301.
- 2.14. Յոզեֆ Բ.Յ. Չարան ճշգրտ /Եր. քա ս.ստեփանյանիցըրդանի խորհրդանի/ - թիւրիստ, 1964 Բ.
- 2.15. յըժիտանի ս.ս. սրտ /Ե.Նազարխանի խորհրդանի/-Ռիյըրդի Նախըրդանի 4 թրմար, թիւրիստ, 1950, Թ.Յ. ԵՅ, 165-193.
- 2.16. յըժիտանի ս.ս. Յարանի ըրըրդանի /Ե.Սեփանյանիցըրդանի խորհրդանի/- Ռիյըրդի Նախըրդանի 4 թրմար, թիւրիստ, 1950, Թ.Յ: ԵՅ.5-85.
- 2.17. յըժիտանի ս.ս. յըրիս Երըրդանի /Ե.Նազարխանի խորհրդանի/-Ռիյըրդի Նախըրդանի 4 թրմար, թիւրիստ, 1950, Թ.Յ. ԵՅ. 170-165.
- 2.18. Յոզեֆ Բ.Յ. Մեծախըրդ /Ե.Յարանիցըրդանի խորհրդանի/ - թիւրիստ, 1978.

Ժ. Գրիգորյան

Ռեալիզմի և իդեալիզմի հարաբերակցության և լեզվի շարժումների, բնական և արհեստական լեզուների հարաբերակցության հարցերի մասին

Ներածություն

Որքանո՞վ է մեր լեզուն հարմարվում է ժամանակի փոփոխությանը, որքանո՞վ է ընդունում նոր բառեր, որքանո՞վ է փոխում իմաստները, որքանո՞վ է փոխում լեզվի կառուցվածքը, որքանո՞վ է փոխում լեզվի արտաբերությունը, որքանո՞վ է փոխում լեզվի արտահայտությունը, որքանո՞վ է փոխում լեզվի արտահայտման ձևերը, որքանո՞վ է փոխում լեզվի արտահայտման համակարգը, որքանո՞վ է փոխում լեզվի արտահայտման միջոցները, որքանո՞վ է փոխում լեզվի արտահայտման միջոցների կառուցվածքը, որքանո՞վ է փոխում լեզվի արտահայտման միջոցների կառուցվածքի փոփոխությունը, որքանո՞վ է փոխում լեզվի արտահայտման միջոցների կառուցվածքի փոփոխության հարցերը, որքանո՞վ է փոխում լեզվի արտահայտման միջոցների կառուցվածքի փոփոխության հարցերի լեզվաբանական հիմունքները, որքանո՞վ է փոխում լեզվի արտահայտման միջոցների կառուցվածքի փոփոխության հարցերի լեզվաբանական հիմունքների կառուցվածքը, որքանո՞վ է փոխում լեզվի արտահայտման միջոցների կառուցվածքի փոփոխության հարցերի լեզվաբանական հիմունքների կառուցվածքի փոփոխության հարցերի լեզվաբանական հիմունքների կառուցվածքի փոփոխության հարցերը...

Լեզվի արտահայտման միջոցների կառուցվածքի փոփոխության հարցերը, որքանո՞վ է փոխում լեզվի արտահայտման միջոցների կառուցվածքի փոփոխության հարցերի լեզվաբանական հիմունքները, որքանո՞վ է փոխում լեզվի արտահայտման միջոցների կառուցվածքի փոփոխության հարցերի լեզվաբանական հիմունքների կառուցվածքի փոփոխության հարցերը, որքանո՞վ է փոխում լեզվի արտահայտման միջոցների կառուցվածքի փոփոխության հարցերի լեզվաբանական հիմունքների կառուցվածքի փոփոխության հարցերը, որքանո՞վ է փոխում լեզվի արտահայտման միջոցների կառուցվածքի փոփոխության հարցերի լեզվաբանական հիմունքների կառուցվածքի փոփոխության հարցերը, որքանո՞վ է փոխում լեզվի արտահայտման միջոցների կառուցվածքի փոփոխության հարցերի լեզվաբանական հիմունքների կառուցվածքի փոփոխության հարցերը, որքանո՞վ է փոխում լեզվի արտահայտման միջոցների կառուցվածքի փոփոխության հարցերի լեզվաբանական հիմունքների կառուցվածքի փոփոխության հարցերը...

Երկու լեզվի արտահայտման միջոցների կառուցվածքի փոփոխության հարցերը, որքանո՞վ է փոխում լեզվի արտահայտման միջոցների կառուցվածքի փոփոխության հարցերի լեզվաբանական հիմունքները, որքանո՞վ է փոխում լեզվի արտահայտման միջոցների կառուցվածքի փոփոխության հարցերի լեզվաբանական հիմունքների կառուցվածքի փոփոխության հարցերը, որքանո՞վ է փոխում լեզվի արտահայտման միջոցների կառուցվածքի փոփոխության հարցերի լեզվաբանական հիմունքների կառուցվածքի փոփոխության հարցերը, որքանո՞վ է փոխում լեզվի արտահայտման միջոցների կառուցվածքի փոփոխության հարցերի լեզվաբանական հիմունքների կառուցվածքի փոփոխության հարցերը, որքանո՞վ է փոխում լեզվի արտահայտման միջոցների կառուցվածքի փոփոխության հարցերի լեզվաբանական հիմունքների կառուցվածքի փոփոխության հարցերը...

G. Khipschidse

FESTE WORTVERBINDUNGEN MIT DEN BEWEGUNGSVERBEN
IHRE STRUKTUR, ÜBERSETZUNGSMÖGLICHKEITEN UND
EINSCHALTUNG IN DEN KONTEXT

Zusammenfassung

Im vorliegenden Beitrag wird der Versuch gemacht, feste Wortverbindungen mit Bewegungs-Verben, deren Frequenz in der russischen Sprache ziemlich hoch ist zu beschreiben. Die lexikographischen und literarischen Belege ermöglichen nach strukturelle und semantische Besonderheiten dieser

Gruppen der festen Wortverbindungen festzustellen. Diese Besonderheiten werden bestimmt: durch den Erweiterungsgrad der Komponenten, die Typen der lexikalischen Varianten, den aktionsartigen und temporalen Charakter der Verben sowie durch die Valenz der Mitspieler. Die Einordnung der festen Wortverbindungen in bestimmten Gruppen aufgrund der semantischen Identizität zeichnet auch den Weg der Übersetzungsmöglichkeiten der betreffenden Wortverbindungen aus dem Russischen ins Georgische vor.

Труды Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета

საქართველოს სახელმწიფო უნივერსიტეტის ტრუდები
276, 1987

О ДВУХ СПОСОБАХ ОБРАЗОВАНИЯ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛО-
ГИЗМОВ В ПОЭМАХ И ДРАМАХ М.ЦВЕТАЕВОЙ

(СТЯЖЕНИЕ И КОНТАМИНАЦИЯ)

Р.Г.Кокеладзе

Речевое творчество писателя, как и языковое творчество народа, многообразно и многосторонне: необработанная стихия народной речи под пером писателя преобразуется в литературный язык. Писатель подмечает удачное, меткое слово или словосочетание и со страниц своей книги вводит его в общий оборот. Употребляя обычное слово или словосочетание в переносном или необычном значении, он придает ему новый смысл, который может закрепиться в общем употреблении. Наконец, писатель создает такие речевые обороты и смысловые формулы, которые свободно заимствуются из текста его произведений и начинают жить в языке народа рядом с пословицами, поговорками и подобными им устойчивыми сочетаниями слов, представляя собой выразительное богатство национального языка и пополняя его фразеологический запас.

Современные оттенки значения могут принадлежать и давно бытующим в речи словам, не входящим ранее в состав фразеологической единицы. В этом отношении интересно рассуждение писателя Сергея Антонова: "Если вы одержимы страстью поведать что-то новое, у вас тоявится... язвительно-ироническое отношение

к штампу, отвращение к удобно успокоительной шаблонной фразе, обострится ощущение глубины родной речи и проявится способность волшебю омолаживать стертые слова"/1,243/.

Отсюда стремление писателей к обновлению, перефразировке готовых формул, традиционных фразеологизмов.

Авторская обработка фразеологических единиц является процессом сложным и продуктивным, требующим специального и всестороннего изучения.

В представленной работе рассмотрен ряд окказиональных фразеологизмов, встречаемых в поэмах и драмах Марины Цветаевой /2,341-697/. В лингвистической литературе это явление квалифицируется различно: "модернизация общеизвестных изречений" /3,34/, "стилистическое использование фразеологических оборотов в авторской обработке", "трансформация фразеологического оборота", "индивидуально-художественная обработка общеязыковых оборотов" /4,138/, "авторская фразеология" /5,56/, "фразеологическое окказионализм" /6,262/ и некоторые другие. Ряд подобных и схожих преобразований Владимир Маяковский объединил под названием "слегка подновленные пословицы". Они могут встречаться лишь в художественной (или публицистической) литературе в отличие от разговорно-бытовой речи, для которой характерно использование лишь традиционных фразеологизмов, как готовых и целостных смысловых единиц языка с присущими им структурно-семантическими и стилистическими свойствами.

В целях создания ярких образов и картин, а также поэтической выразительности языка произведения М. Цветаева, наряду с другими языковыми средствами, прибегает к различным фразеоло-

логическим новообразованиям. Стремясь к творческому обогащению и развитию речевых средств, художник слова изыскивает новые способы использования общеизвестной фразеологии. С этой целью автор прибегает к новой, необычной сочетаемости слов, в результате чего уместительно повышается смысловой объем всего выражения*. Перемещаясь из одного привычного окружения в другое, слова претерпевают смысловые и стилистические изменения, обрывают новыми значениями. Возникают новые словоочетания, в которых слова, казавшиеся нам уже обыденными, приобретают новый смысл, новые оттенки значения. Таким образом, преобразование фразеологических единиц в авторском плане заключается в обновлении словесных связей, в создании таких контекстов, в которых определенные слова выступают в необычном для них значении, тем самым расширяя свое фразеологическое служение и способствуя созданию новых образно-выразительных средств языка. Такие образные средства речи в поэзии Марии Цветаевой могут служить целям сатиры, юмора, пародии**, колемки, разоблачения, а в определенной ситуации - диаметрально противоположными: торжественности, приподнятости речи, драматизма повествования и под.

Художественная речь писателя может отличаться своеобразием конструктивных типов экспрессивных сочетаний слов. В этом одна из особенностей художественной речи писателя, которая допускает отступления от установившихся фразеологических штампов и клише

* Ср.: "Большинство людей говорит и пишет с помощью готовых формул, клише; два привычных слова кажутся почти новыми, если они сближены в первый раз или в неожиданном контексте" /7,121-122/.

** Ср. термин "фразеологическое пародирование" у А.И.Еримова в указанной работе.

ше. Удачная сочетаемость слов способствует обновлению и расширению их значений. Оригинальные фразеологизмы, используемые как стилистическое средство образности, выразительности, — одно из проявлений художественного творчества писателя. Удачный индивидуально-творческий подбор слов в словосочетаниях способствует наиболее яркому и сильному отражению описываемого. Довольно часто окказиональные фразеологизмы используются с определенными художественными целями в поэмах и драмах М. Цветаевой.

В речиторгической практике М. Цветаевой образование окказиональных фразеологизмов происходит различными способами. Мы остановимся на двух из них: стяжении и контаминации.

1. **С т я ж е н и е** традиционных фразеологизмов — один из наиболее распространенных приемов образования окказиональных фразеологизмов в поэзии Марины Цветаевой вообще и в драмах и поэмах, в частности. Здесь в свою очередь различаются два случая: когда редуцируется полнозначное слово и когда редуцируется неполнозначное слово. В анализируемом нами материале в основном наблюдаются случаи первого типа. Примерами могут служить:

"Крысы, с мест!

Не всядется с сыростью — съест!

Крысы — с глаз!

Осаждаемый ситостью — одает

Шпагу...

О крысоловах злословят!"

Крысолов, 494.

"Как притопнет, поглядев востро:

Ан уж нету паука - мокро!"

Царь-Девница, 428.

"Конем, рванувшим коновязь -

Ввысь! - и веревка " прах.

- Но никакого дома ведь!

- Есть, в десяти шагах:

Дом на горе..."

Поэма юнца, 453.

"-В дорогу, брат!

Довольно, знать, по гуслару

Рвать волоса!

В грудь - сквозь сердечную дыру -

Ветр ворвался!"

Царь-Девница, 426.

В данных примерах компоненты традиционных фразеологизмов - отдельные слова - развивают значения, характерные для фразеологической единицы в целом. В соответствующем контексте эти слова способны заменить собой фразеологические единицы, т.е. несомненно, теми значениями, которые принадлежат фразеологизмам полного состава (соответственно): "с глаз долой; только мокро останется, только крепенько будет, мокрого места не останется, мокрое место останется" - в пух и в прах (впух и впрах); рвать на себе (на голове) волосы".

Во фразеологической единице разговорно-фамильярного характера "с глаз долой" - "прогонять, отсымать кого-л. прочь от

себя; убирать, прятать так, чтобы не видно было; уходить. убираться вон, прочь" имеем редуцированную глагола. В стяженном фразеологизме "с г л а з" данный глагол легко восстанавливается.

Весьма интересным представляется цветаевское преобразование традиционного фразеологизма просторечного характера "только мокро останется", "мокрого места не останется" ("мокрого места не осталось", "мокрое место останется", "мокрое место осталось"; "только мокроенько будет", "плевка мокрого не останется") / (8, т. 2, 245), (9, 298-299), (10, т. 2, 376), (11, 75) / в виде одного слова - "м о к р о". Благодаря контекстуальному окружению - "притопляет", "Ан уж вету паука" - используемый компонент сохраняет основное значение традиционного фразеологизма - "ничего не останется", будет совсем уничтожен (обычно как угроза)", - становясь, таким образом, в данной ситуации его семантическим стержнем.

Для традиционной фразеологической единицы "впух и впрах" ("в пух и в прах") характерна крайняя интенсивность выражаемого значения - "совершенно, до основания (уничтожить, разрушить, разгромить и т.д.)", т.е. уничтожить что-либо до такой степени, что остался лишь пух и прах, - что является результатом слияния в одно целое синонимических наречий. Редуциция одного из них ("в пух") несколько ослабляет выразительную силу высказывания.

Отличной от вышерассмотренных является единица, в которой после редуциции остается два компонента (в остальных - один; ср. выше) - "р в а т ь в о л о с а". В данном случае редуцируется лишь уточняющее слово "на себе" или "на голове" гради-

ционного фразеологизма "рвать на себе волосы", "волосы рвать на гол ве" - "рвать в отчаянии, сильно досадовать, горевать и т.п. Помимо этого форма лн.ч. "волосы" ("рвать на себе волосы" /8, т. 2, § 1/) заменится разговорно-просторечной формой "олоса", /3, т. 2, § 621/. В преобразованном фразеологизме значение полностью сохраняется.

2. Весьма интересным представляется создание М.Цветаевой окказиональных фразеологизмов с помощью приема к о н т а м и н а ц и и нескольких - в основном двух - традиционных фразеологических единиц. В качестве примеров можно привести следующие:

"Мы - с ремеслами, мы - с искусствами!

Р у стаянув на одн Прокрустов "

Воль. Замкнулась и ждет к лица

Вешь - на доском одн э станка".

Поэма лестницы, 546.

"Друг ли ты с товарищем,

Ай сни с отцом,

Политесь зрочкой -

" рое с концом!"

Царь-овица, 405.

"Как на ладонь поданный

Рай - не берись, коль жгуч!

Гора бросалась под ноги

Колдобиня и круч"

Поэма горь 444.

"Ух!"

-Кто ж это так ухнул *вот?*
 Просто вылетел из тела - дух!
 Да не плачь ты, полуночный суч!
 Просто тело о кремль-кирпич".
 Царь-Давида, 431.

В современном употреблении известны фразеологические единицы книжного характера "прокрустово ложе" ("мерка, под которую насильственно подгоняют или приспособливают что-либо)^{*} и "на смертном одре" ("быть при смерти, в состоянии, близком к смерти, умирать"). Вторые компоненты этих двух фразеологических единиц являются синонимичными - "ложе" и "одр"^{**}.

В результате контаминации названных двух фразеологизмов и первые их компоненты становятся синонимичными. Следовательно, первый фразеологизм в какой-то степени восстанавливает свое первоначальное значение^{***}.

* По имени легендарного древнегреческого разбойника. Прокруста, который клал заданное им жертвы на свое ложе и обрубал ноги тем, кто оказывался длиннее ложа, а тем, кто короче, вытягивал их. Ср. также Полипомен, сын Нептуна, названный Прокрустом (истязателем), ловил проходящих и клал их на ложе, по длине которого он вытягивал тех, которые были короче, приваливая к ногам тяжести, или укорачивал тех, которые были длиннее кровати, отрубая им ноги. (Г в. до Р.Х.) 4. /10, т.2, 13 /. Ср. "Литература сороковых годов не знала никаких свобод, ежечасно изнемогала на прокрустовом ложе всевозможных укорачиваний (подчеркнуто нами - Р.К.)" /12, 103/.

** Ср. "Одр - постель, ложе (подчеркнуто нами - Р.К.) (устар.) ...//Косовль, ложе (подчеркнуто нами - Р.К.) больного или умирающего... /7, т.2, 769/.

*** Ср. в тексте: "Царь, безвестным уйду искусство, что ль, к одру приносить Прокруста?" (Архива, стр. 650, 653).

где occasionalный фразеологизм "прокрустово одр" выступает в основном для фразеологизма "прокрустово ложе" значения - "мерка, под которую насильственно подгоняют или приспособливают что-л."

Таким образом, оба традиционных фразеологизма в данной ситуации выступают как синонимы. Это подтверждается использованием в контексте слова "растянув", а также сочетания "ждет конца" ("т.е. смерти").

"Мы - с ремеслами, мы - с искусствами!

Растянув на одре Прокр. лтовом

Вещь... Замкнулась и ждет конца

Вещь на адоком одре с'анка".

Окказиональный фразеологизм "и в с'е с концом" образован Мариной Цветаевой, очевидно, в результате контаминации двух традиционных фразеологизмов разговорного характера "и дело с концом" ("об окончательной развязке чего-либо"; ср. "и делу тонец") и "вот и все" ("как заключительный вывод при подведении чего-либо к перечисленному, сделанному сказанному" и т.п., ср. "вот и в. это").

Эти два фразеологизма являются синонимичными - в обоих обозначают окончание и подраживание чего-нибудь. Это общее значение в окказиональном фразеологизме выступает интенсивнее.

Цветавское образование "к а к на л а д о н и н о д а н и и ж" - результат контаминации фразеологизмов "как на ладони (офт.)" ^ж - "быть совершенно ясно, отчетливо видным, открыто, ясно; предельно открытый, ясный, доступный для понимания" - и "подать (поднести) на блюде" ^{жж} - "торжественно преподнести что-нибудь в знак уважения, с особым почетом; преподнести что-либо наготове".

ж Ср. также: "К. на ладони, как на ладонке (ладонке)".
"Знать, как свою задню".

жж Пр. глагол: "Как на блюде (не подносе), на золотом блюде и д-нести что-л".

Для образования окказионального фразеологизма М. Цветаева использует первый фразеологизм ("как на чадони") полнотой и дополняет его причастием, образованным от первого компонента второго фразеологизма ("подать" - "поданье"). Окказиональный фразеологизм сохраняет общее значение второго традиционного фразеологизма.

Контаминацией синонимических традиционных фразеологизмов одной семантики, принадлежащих к различным стилям - устаревшим "испустить дух" книжного характера и "душа с телом расстаётся" ("умереть") нередко разговорного характера, М. Цветаева создает окказионализм "вылетел из тела дух". В результате степень фразеологичности последнего несколько слабее, хотя общее значение обоих традиционных фразеологизмов сохраняется.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что индивидуальное-творческое использование традиционных фразеологизмов, различное преобразование общеупотребительных единиц, вызванные, как правило, конкретными художественными целями - явление широко распространенное в поэтической речи Марины Цветаевой в прозе и в ее пьесах и драмах, в частности.

* Ср. также "богу душу отдать" ("одалживать богу душу, отдать богу душу"), "дух вон у кого", "вышибать дух из кого, предавать дух, допустить последний вздох" ("испустить последний вздох"), "дух вон" - умереть.

** О других способах образования окказиональных фразеологизмов в поэтической речи М. Цветаевой см. наши работы, опубликованные в журналах: "Русский язык в дружинской школе", 1973, № 3; "Филологические науки", 1974, № 4; в сб. тезисов, посвященном XX научно-методической конференции кафедр русского языка в высших учебных заведениях СССР, 1972.

Окказиональные фразеологизмы Марины Цветаевой, образованные способом стяжения и контаминации, является одним из ярких стилистических средств образности, краткости, меткости, способом художественной выразительности и эмоциональности.

Литература

1. Сергей Антонов. Письма о рассказе.
2. Марина Цветаева. Избранные произведения. М.-Л., 1965, изд-во "Советский писатель".
3. А.И.Ефимов. О фразеологических связях слов в языке Салтыкова-Щедрина. Доклады и сообщения ИРЯ АН СССР, в.2, М.-Л., 1948.
4. Н.М.Шалский. Фразеология современного русского языка, М., 1963.
5. С.И.Ожегов. О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка). Лексикографический сборник, 1957, в.2, М., ИЯ АН СССР.
6. Эр.Хнипери. Окказиональные элементы в современной речи. Сб.: Стилистические исследования. На материале современного русского языка, ИРЯ АН СССР, М., 1972.
7. В.В.Ваксгралов. Современный русский язык, в.1, М., 1938.
8. Толковый словарь русского языка п/ред. Д.Н.Ушкова, М.
9. Фразеологический словарь русского языка п/ред. А.И.Молоткович, М., 1967.
10. М.А.Михельсон. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. СПб., 1903-1904.
11. Р.И.Яривцев. Словарь-справочник по русской фразеологии. М.: Русский язык, 1981.

12. М. Е. Салтыков-Щедрин. Крутлый год. I-ое ноября.

13. Словарь современного русского литературного языка. Изд-во АН СССР, М.-Л., 1951.

4. Գրքակազմ

Սահմանափակված և անհատական իրավունքներ պահպանող
Հայաստանի Հանրապետության Կուլտուրայի նախարարության կողմից
Երևան (Վարչակազմի և Գրքակազմի միջև)

Սահմանափակված և անհատական իրավունքներ պահպանող
Սահմանափակված և անհատական իրավունքներ պահպանող
Սահմանափակված և անհատական իրավունքներ պահպանող

Սահմանափակված և անհատական իրավունքներ պահպանող
Սահմանափակված և անհատական իրավունքներ պահպանող
Սահմանափակված և անհատական իրավունքներ պահպանող

K. Kokeladze

ÜBER ZWEI ARTEN VON PHRASEOLOGISCHEN OKKASIONALBILDUNGEN
IN MARINA ZWETAJEWAS POEMEN UND DRAMEN

Zusammenfassung

Die dichterische Rede Marina Zwetajewas ist reich an okkasionellen
Phrasenologismen, die mittels der Eliminierung eines der Glieder und der
Kontamination gebildet werden. Dem Eliminierungsprozess unterliegen Phrasen-
ologismen, mit zwei und mehreren Konstituenten, kontaminiert aber wie in
der Regel zwei unedle phrasologische Leisten.

Diese Arten der phrasologischen Okkasionalbildungen sind als ein
kennzeichnendes Merkmal der dichterischen Rede von Marina Zwetajewa
zu betrachten.

საბჭოთაო ქვეყნის
საგარეო ურთიერთობების
მინისტრის განკარგულებაში

Труды Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени

გ. სახელმწიფო უნივერსიტეტი

საბჭოთა ქვეყნის საგარეო ურთიერთობების მინისტრის განკარგულებაში

საბჭოთა ქვეყნის საგარეო ურთიერთობების მინისტრის განკარგულებაში

276, 1987

ГЛАГОЛЬНАЯ СИСТЕМА "ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ"

КАК ЕДИНОЕ ЦЕЛОЕ

Э.Л. Кремер

В данной работе сделана попытка раскрыть один из аспектов глобальной связности текста, но не с позиций общей теории текста (Л / 1 - 8), т.е. не текста вообще как определенной речевой или языковой единицы, а вполне конкретного определенного текста: "Повести временных лет" Д. Лаврентьев тому списку летописи (ВЛ).

Встает вопрос - может ли ПВД быть объектом анализа лингвистики текста? Является ли этот памятник текстом в том понимании, в каком данное явление рассматривается лингвистика текста?

В.В.Виноградов много места в своих трудах уделил значению образа автора в восприятии текста как целого. Восхищаясь несомненной простотой и ясностью, с которой эту мысль высказывал Л.Н. Толстой, В.В.Виноградов цитирует его: "Люд., мало чуткие к искусству, думают часто, что художественное произведение составляет одно целое, потому что в нем действуют одни и те же лица, потому что все построено на одной связке, или описывает жизнь одного человека. Это несправедливо. Это только так кажется поверхностному наблюдателю: человек, который связывает всякое художественное произведение в одно целое и

оттого производит иллюзию отражения жизни, есть не единство лиц и положений, а единство самостоятельного нравственного отношения автора к предмету... Что бы ни изображал художник: святых, разбойников, царей, ласков — мы ищем и видим только душу самого художника". Цитируя Л. Толстого, Виктор Мацимрович продолжает: "В "образе автора", в его речевой структуре объединяются все качества и особенности стиля художественного произведения: распределение света и тени и, помимо выразительных речевых средств, переходы от одного стиля изложения к другому, переплеты и сочетания словесных красок, характер оценок, вытекаемых посредством подбора и смены слов и фраз, своеобразия синтаксического движения" (/2/, 181). Образ автора, по теории В.В. Рогова "присутствует во всех видах текстов" (/3/, 5), а не только в художественных.

Можно ли, учитывая сказанное, найти такое цементирующее начало в ПВЛ? Ведь ПВЛ — создание не одного автора, а "многих авторов, причаждение, отразившее в себе и идею стана верхов феодального общества, и народные воззрения на русскую историю, народные о ней думы и народные чаяния, произраждение этическое и лирическое одновременно — своеобразное мужественное раздумье над историческими путями нашей родины" (/4/, 5). ПВЛ — это свод, которому предшествовало еще несколько сводов. Можно ли в таком случае говорить о цельности, о "единстве самостоятельного нравственного отношения автора к предмету" — цементирующее произведение в единое целое? В известном смысле можно. Ведь автор очередного свода не механически компилировал различные источники, и это прекрасно показывают все исследователи русского летописания, начиная с А.А. Шахматова (см. /5/, /1/.

/6/. /7/). "Рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы" (Шахматов). Поэтому каждый свод все же носит отпечаток чьей-то творческой личности.

Но не противоречит ли тезису о единстве и цельности ПВЛ разностилевой характер его частей? Не противоречит и вот почему. Для средневековой письменности характерен определенный речевой этикет: "каждый ряд фактов следует описывать в только ему принадлежащей манере, в выражениях, для него предназначенных. Вот почему в житиях святых военные действия изображаются не в житийных выражениях, а в воинских повестях изображение святого подчинено житийным шаблонам. Вот отчего и в летописях применяются все манеры изложения — в зависимости от того, о чем идет речь. И дело здесь заключается опять-таки не только в форме изложения, но и в существе изложения, поскольку все эти стилистические трифареты, весь этот "этикет" писательского ремесла был связан и с идейными представлениями средневековья о святом, о злодее, об идеальном типе князя, о мотивах, по которым враги нападают на русскую землю, о причинах стихийных бедствий (моровой язвы, засухи и т.д.), изображаемых в своих этикетных выражениях" (/4/.43).

Мы нарочно выписали такой Сольевой отрывок из труда Д.С. Лихачева. Если его перевести на современный язык лингвистики текста, то можно сказать, что макротекст (ПВЛ) складывается из микротекстов, каждый из которых строится по определенным правилам, в определенной стилистической манере. Из этого следует, что для древнерусского языка текст — единица языка, строящаяся в соответствии со строгими определенными правилами оформления, с использованием для каждого микротекста опре-

деленной манеры изложения¹.

Следовательно, ПВЛ вполне может подлежать анализу с точки зрения лингвистики текста. Естественно, что анализ одного текста, хотя бы такого большого как ПВЛ, — предмет частной лингвистики текста (/I/, 8). Но этот предмет настолько многогранен, что охватить его со всех сторон — задача для одной работы непосильная. Нами была выбрана для анализа глагольная система ПВЛ. Анализ показал, что проблема глагольной системы тесно переплетается с проблемой связности текста. Дело в том, что глагол в языке ПВЛ в подавляющем большинстве случаев образует непрерывную семантическую цепь, осуществляемую эпидигматическими, т.е. словообразовательными в широком смысле (/II/, 191) и синонимическими связями.

Анализ эпидигматических связей выявил особенность, которая характеризует ПВЛ именно как текст. Дело в том, что в структуре словообразовательного гнезда повторяется семантическая структура производного слова либо целиком, либо наиболее значимая, наиболее весомая для текста ее часть.

Поясним это на конкретном примере глаголов бити, схати, идти.

Глагол бити в ПВЛ реализует четыре производных ЛСВ. При этом три значения тесно связаны друг с другом и с этой точки зрения противопоставлены четвертому: 1) "отрелять" — Единою подступила к граду под вежами, онем же бьющим с града...²

¹ Вопрос о статусе текста как речевой или языковой единице до сих пор является дискуссионным, хотя большинство исследователей считает текст речевой единицей (см. напр., /8/, /9/, /10/).

² Орфография древнерусского иллюстративного материала приближена к современной.

(1097/180/6)¹. 2) выстрелом или ударом какого-либо орудия лишить жизни" - И ударила в коне, и одоле Святослав в трех тысячах; а половец бе 12 тысяче; и тако бжема, а дружини потолща в Снови (1968/110/12); 3) "сражаться" - И паки по стия смерти... бившеся с половици до вечера, бихом у Халепа, и потом мц, отворихом (1096/160/25).

Как видишь, все значения (обозначим их бити₁, бити₂, бити₃) обвизаны с битвой, сражением. И лишь одно значение (бити₄) относится к другой семантической сфере, это значение - "наносить побой"; Отец чадо свое любя, бья и паки привлечет и к себе (1096/155/28)².

Семантический объем бити в ПВЛ отлич.ется от тех, которые представлены в словаре Срезневского и Словаре русского языка XI-XVII вв.

Естественно, что слово в тексте (даже в таком большом, как ПВЛ) не может (да и не должно!) реализовать полностью всех своих грамматических возможностей. Круг значений слова, круг сочетающихся с ним слов определяется текстом (его функциональной направленностью, коммуникативными целями, талантом автора...). Именно поэтому семантика слова в тексте отличается от семантики слова в языке. Поэтому выделение слова как текстовой единицы вполне закономерно.

Семантические внутрисловные отношения бити просеиваются

1 Первая цифра обозначает год, под которым данная цитата приведена в ПВЛ (/12/); вторая - страницу, третья строку.

2 Правда, бити = "убивать" в ПВЛ употребляется не только при описании сражения, но и в этом случае оно, разумеется, связано с бити = "стрелять", бити - "сражаться". И вместе с ними противопоставлено бити = "наносить побой".

на словообразовательные связи этого глагола в ПВЛ. Большинство производных отражает ту же семантическую сферу, что и битя_{I-3}.

Глагол битися в ПВЛ употребляется в значении, синонимичном битя₃ - "сражаться": Иде Святослав... на болгары. И бидемся обоям, одоле Святослав (967/47/10).

Глаголы убити - убьети, избити - избивати в ПВЛ имеют значение "лишить жизни", но избити - избивати (в отличие от битя₂ и убити - убивати) актуализирует это значение только по отношению к миссильным объектам. Избити - избивати в ПВЛ может иметь также значение "разбить, посадить".

Примеры: убити - убиша ту в полку князя 20 (1130/184/26); избити_I Елико же лягъше по городом избивайте я. И избиша ляжи (1018/97/20); избити₂ - Володимир я, вьдзъ с дружиною, яко идут по нем, вспятився, изби сля греческыя, и возврати-ся в Русь... (1043/104/7).

К той же семантической сфере относится глагол побити, употребляющийся в значениях "лишить жизни" (по пбгя_I) и "посадить, разбить" (побьати₂): И: поседеши сени под нима и тако побьига я. И не свестъ ниго же, иде положиши я (989/58/34); В се же лето побьени угри у Черемьшия (1099/181/5).

Глагол сбитя имеет значение "согнуть": Боняк же раздели-ся на 3 полки и сбша у: а, аки в мяч, яко же сокол сбивает галице (1097/179/30, 31). Употреблен глагол этот при описании сражения (=сражаясь, согнуть).

Разбити ПВЛ актуализирует значения: "посредить ударом, ударом (какую-либо часть тела)" - разбити_I: И с коня м... дадах, голову си розбих дванди (1096/162/38); "разрушить" -

разбиты₂: ... и разбита многи полаты и поктова церкви (907/1933/24/5).

Разбитися повторяет значение разбиты + возвратность: От господа стопы человеку исправаются. Егда ся падет и не разобьется, яко господь подьмет руку его (1096/154/10).

Глагол бити и производные от него - побити, убити, избити, разбиты, битися, разобитися выражают значения: стрелять, лишать жизни, сражаться, сражаясь согнать, разбить (победить), повредить (часть тела), разрушить, уничтожить. Семантическая связанность самих значений - несомненна, даже если бы они не были связаны реализующими их глаголами. Глаголы эти демонстрируют теснейшее переплетение эвидиентических связей. Во-первых, значения одной, сравнительно узкой семантической сферы, воплощены в дериватах - семантических и лексических, во-вторых, семантические и лексические дериваты могут быть семантически связаны еще теснее, выражая синонимические значения. Так, в ПВД из перечисленных выше глаголов синонимами являются: бити, убити, побити, избити (значение - "лишить жизни"); бити, битися (значение - "сражаться"); побити, избити (значение - "побить, разбить").

Как было сказано, в ПВД бити реализует и значение - "наносить побой". С этим ЛСВ связаны: побиты₃ - "наказать": Аще не послушает тебе царь египетский, побью и всеми чюдеса мои (986/66/29); добити - "наносить удары до полного изнеможения": Бьютъ ся сами и того ся добыть, едва слезуть те живы... (12/26).

В ПВД употреблен и глагол вбивати. Обозначает этот глагол "ударяя по какому-либо предмету, загонять вв, трь"... и всю

страну Никоидийскую попленивши и Суд весь пожегоше; их же
амше, овех рестиаху, другия аки странъ поставляше и стре-
ляху в ня, изимахуть, опаки руже связывахуть, гвозди желез-
ныя впереди главы вбивахуть им (941/33/10-11).

Как видим, вбивати употреблен в ПВЛ при описании завое-
вания и действий завоевателей, убивавших пленников в жесто-
ких пытках. В тексте ПВЛ глагол вбивати соотносится с глаго-
лами, обозначающими "лишать жизни" и может быть интерпрети-
рован, как "загоняя (гвозди в голову), убивать". Следова-
тельно, вбивати связан с остальными принадлежностью к одной и
той же семантической сфере. Эта принадлежность обусловлена
текстом, элементом которого является данный глагол. Как вся-
кий элемент он подчинен целому и в то же время вместе с дру-
гими элементами сам создает это целое.

Внутрисловная протавопоставленность значений глагола
бити отражается в межсловных отношениях: большинство ЛСВ про-
изводных (битися, убити, избити₁, избити₂, побити₁, побити₂,
обити, разбити₂, разбитися) группируются вокруг бити₁₋₃ и
только добити и побити₃ семантически непосредственно связаны
с бити₄.

Перейдем к глаголу ехати. Судя по ПВЛ и по словарям дре-
нерусского языка, этот глагол имел не очень разветвленную се-
мантическую структуру. Срезневский отмечает три значения:
Ехати₁ - передвигаться верхом или на чем-либо; ехати₂ - от-
правляться, поехать; ехати₃ - идти в поход.

Словарь русского языка XI-XVII вв. выделяет те же три зна-
чения, несколько иначе формулируя ехати₃ (отправляться в по-
ход на кого-либо; нападать на кого-либо). Нам кажется, что в

последнем значении следует выделить оттенки значения: эхати₃
 - отправиться в поход // эхати_{3a} - ганадать.

В ПВМ встречаем все три ЛСВ глагола эхати: эхати₁ - не едем на конях, на пели идем, до повоесте ни в лодье (94/41/4); эхати₂ - ... на лов эгати (1096/153/27); эхати_{3a} = ... в само его экав имсть жену его и дети его и все его именье... (1103/183/25).

Производные обнаруживаются связи со всеми тремя ЛСВ:

с эхати₁ связаны:

поехати (сов. к эхати₁) - ан' поехати будяше обрину, не даьше впречи коня ни вола, но ведяше впречи 3 ли, 4 ли, 5 ли кон в телегу и повоести обрена, и тако мучаху дубою (14/9-19);

приехати₁ - "прибыть верхом или на чем-либо": И приехана в лодьи протяву ему, и взяна и в лодь и пр' взоша и к дру- жине (968/47/30);

переехати - "переправиться через какое-либо место на чем-либо"... перееха в лодзи черес Днєдо (1967/113/11);

отъехати - "поехав, удалиться на некоторое расстояние от точки отправления"... яко бысть похушши, и ротау Бонях, отъеха от вой и нача вгнн волчьоки (1097/179/17);

с эхати₂ связано:

приехати₂ - "прибыть":...обувшеса в тепле избе и заутро- навше у Ратибсра, приедте к мнє (1095/149/11).

С эхати₃ связаны:

заехати - "ганадать": Лов дєлчу Свеналдичю, именем Луг, ишед бо ис Киева гна по звери в лесе. И узре и Олег и рече: "Кто се есть?" И рєша ему: "Свеналдич". И заехав, уби и (975/53/11);

взахати - "войти, захватить": ... приде... Боняк безбж-
ний, полудивый, лай, хытнык, к Кневу вкесацу, и мало в град
на взахаша половци (1096/151/28);

приехати₃ - "напасть": Дивно ми, дружино, сме лошади
жалуете, ая же кто ореть; а сеге чему не промыслите, оже то
начнеть орати смердь, и приехав половци ударить и стрелом,
а лошадь его поиметь... (1103/183/23).

Итак, глагол ехати и производные от него (поехати, пере-
ехати, отъехати, приехати, взахати, захвати) отраг ют три се-
мантические сферы: I "ехать (в разных направлениях) верхом на
чем-либо": ехати₁, поехати, переехати, приехати₁, отъехати;
II "отправляться (сюда или отсюда)": ехати₂, приехати₂; III "на-
падать, захватывать": ехати₃, взахати, захвати, приехати₃.

Глагол идти в ПВМ реализует следующие значения:

I. "Передвигаться, перемещаться в пространстве":

а) "пешком":

На едем на конях, ни пещи идем (945/41/5);

б) "двигаться в определенном направлении (идти, ехати,
плыть)":

И иде в Баряги, и приде в Рим (12/21);

И повеле лег всем своим колеса изделати и воставити на
колеса корабля. И бывшу покосну ветру, всляша парусы о поля, и
идяше к граду (907/.../12);

И по тому морю идя до Рима (11/31);

в) о насекомых, птицах:

Придоша жузы... и покрыша землю, и бе видети страшно,
идяку к полуносным странам, ядуше траву проса... (1095/150/
9);

г) о массе воды:

А Двина по того же леса потечет, а идеть на полуночь (II/25).

2. "Направляться куда-нибудь с какой-нибудь целью". Реализуется это значение почти исключительно в тех случаях, когда речь идет о войне, походах против кого-нибудь, нападении на кого-нибудь (идти воевать, нападать):

Иде Аскольд и Дир на греки (866/19/7).

3. Уйти, покинуть:

Аще который брат умышляше йти из монастыря... (1074/126/25).

4. "Отправляться: доставляться":

Две части дани идета Киеву (946/43/22).

5. "Пролетать, простираться (о дороге, пути)":

Погресоша и на Берестовем, между путем, идушим на Берестово з... в монастырь идушим (1096/151/24,25).

Количественный анализ показал, что в языке ПВЛ наиболее распространенным является оттенок б основного номинативного значения (Идти₁ - "двигаться в определенном направлении"), за ним следует Идти₂ ("идти воевать, нападать"); Идти₃ ("уйти, покинуть") довольно редок; а Идти₄ и Идти₅ представлены единичными примерами.

В производных отражается степень актуальности того или иного значения производящего.

С Идти₁ связаны: выйти, выйти₁, дойти, изйти₁, обйти, отойти₁, перейти, пойти₁, прийти, прийти, пройти, разйтися, снити.

С Идти₂ связаны: войти, изйти₂, найти, отойти₂, пойти₂.

С илти₃ - выити₂. разитися₂.
С илти₄ - зайти^I.

Как видим, большинство производных расширяют те семантические сферы, которые являются наиболее актуальными и для производящей базы в языке ПВД.

Анализ трех словообразовательных гнезд приводит к выводу, что не только слово, но и словообразовательное гнездо в тексте (текстовое словообразовательное гнездо) отличается от виртуального. И это отличие не только и не столько в сужении или расширении состава гнезда, но и в распределении дериватов как лексических, так и семантических по одним и тем же семантическим сферам в зависимости от текста.

Следовательно, наряду с различием слова как виртуальной и как текстовой единицы следует различать и виртуальное и текстовое словообразовательное гнездо.

Это важно для частной теории текста, конкретно, для решения проблемы связности текста. Ведь не раз исследователи отмечали, что отбор конкретных слов обусловлен замыслом, семантикой, содержательной стороной текста (см. /13/, 12; /14/, 120; /10/, 21-29). А раз так, то в текст отбирается из языкового словообразовательного гнезда то, что способствует раскрытию замысла, т.е. отбираются дериваты как лексические, так и семантические, относящиеся к той семантической сфере, которая так или иначе затронута в тексте. Более актуальная для текста семантическая сфера реализуется большим количеством

^I Мы не останавливаемся здесь ни на тех значениях производных, которые непосредственно связаны не с илти, а друг с другом, ни на производных второй ступени производности.

единиц, независимо от того, являются они значениями одного слова или разными словами. Нельзя не признать, что глаголы одного словообразовательного гнезда, представляющие в ПВД одни и те же семантические сферы участвуют в создании единства и цельности текста. Или иначе: глаголы одного словообразовательного гнезда, связанные друг с другом не только общими связями, но и содержанием текста (что проявляется, во-первых, в ограничении членов словообразовательного гнезда, во-вторых, в закреплённости их за определёнными семантическими сферами и, в-третьих, в наличии сильных и слабых членов оппозиции), являются в то же время связующими элементами текста.

Подобную семантическую связность можно назвать вертикальной в отличие от линейной семантической связности, проявляющейся в семантических отношениях "на синтаксической оси, прежде всего в отношениях компонентов словосочетаний и предложений" (/14/, 131).

Вертикальная связность текста, основанная на отборе слов, осуществляется также при помощи синонимов.

Синтаксические и синонимические связи в отдельности являются связями по вертикали и способствуют объединению текста в единое целое, но знание обоих видов связей в совокупности приводит нас уже почти к глобальной связанности всех элементов ПВД.

Синонимический ряд (СР) образует микросистему, состоящую из лексико-семантических вариантов (ЛСВ), являющихся элементами данной микросистемы, связанными общим значением и различающимися значимостью. ЛСВ может представлять и другую микро-

длестему — полисемичное слово, в семантической структуре которого данное ЛСВ занимает лишь одно из мест.

Полисемичное слово, микросистема, элементы которой связаны друг с другом непосредственно или опосредованно. Элементом полисемичного слова является ЛСВ, представляющее собой как бы переходную ступень к конкретной речевой актуализации слова. По отношению к слову-лексема ЛСВ выступает как более конкретная лексико-семантическая единица, выделяющая одно значение из ряда присущих слову, то есть актуализирующая одно из значений виртуальной единицы — лексемы. Однако по отношению к речевой реализации слова ЛСВ — виртуальная единица, так как присуща именно языку (/15/, 77-80).

В ПВД актуализируются, разумеется, не все ЛСВ употребленных в ней глаголов. И с этой точки зрения слово в ПВД не виртуальная и не речевая, а текстовая единица.

Текстовой СР, говоря a priori, также должен отличаться от языковой СР. Отбор самих СР, а также элементов СР осуществляется в зависимости от внутренней формы текста, ибо "одна из основных свойств текста является единство его внешней и внутренней формы" (/10/, 4).

Итак, существует слово как единица текста, синонимический ряд как единица текста и словосоздательное гнездо как единица текста. Описать эти единицы, исходя из древнерусского текста, довольно трудно и, может быть, чревато ошибками, поскольку на древнерусский язык довольно переносится знание и понимание фактов современного русского языка. Во всех подобных случаях мы должны исходить из текста, из текста в современном понимании этого термина, не только из отдельного предложения или

группы предложений, непосредственно реализующих те или иные глаголы, а из текста как единого целого, т.е. слово в тексте одновременно является единицей микротекста (словосочетания, предложения, сверхфразового единства) и макротекста - текста в целом. Исходя из микротекста, мы определяем конкретное значение данного ЛСВ, его конкретную денотативную направленность, исходя из макротекста, мы определяем общую семантическую структуру слова, семантические сферы, обслуживаемые им, и текстовую референционную соотнесенность.

Анализ глагольной стихии ПВД проводился поэтапно: выяснилось прежде всего значение слова в микротексте, затем в макротексте, определялись его синонимические и словообразовательные связи. В ходе анализа выяснялось, что подавляющее большинство глаголов в ПВД объединяется в непрерывное семантическое целое, благодаря, как указывалось выше, наличию эвидигматических и синонимических связей.

Если выписать все глаголы из ПВД, то трудно представить, что девять десятых связаны друг с другом непосредственной или опосредованной связью. А между тем это так.

Рассмотрим с этой точки зрения несколько СР и выявим их непосредственные и опосредованные связи. СР, имеющий значение "воспринимать зрением", состоит в ПВД из трех глаголов: видети, зрети, узрети (обозначим его СР₁).

И заутра встав и рече к сушим с ним учеником, видяте ли горы сия? (12/14).

Друзии трепечуть, зряше убиваемых (1093/146/II).

И поидоста по Днепру, и идуче мимо и узреста на горе градок (862/18/32).

Глаголами видети, узрети этот СР связан с СР₂ - "посмотреть, рассмотреть (с целью ознакомления)": узрети, видети, глядати, сглядати, смотрети, позоровати, разглядати / разглядети.

Аще ли не веруете, да узрите своими очима (997/88/5).

И сижде господь бог видети град и столп (10/29).

Глаголом видети СР₁ связан с СР₃, СР₄, СР₅.

СР₃ - "знать": видети, сведати, вестися, вести, знати:

Заутра же видевши людье князя бежавша, возвратишася Киеву (1969/115/34).

СР₄ - "испытать, претерпеть": видети, прятати, вкусити, пострадати, претерпети.

Распят же ся смерти вкуса безгрешный, воскрес в своей плоти, не видевши истленья, на небеса взиде (988/78/19).

СР₅ - "понимать" - разумети, смаслити, видети, увидети, ведети.

Болгаре же увидевше, яко не могоша стати противу, креститися просиша (808/17/34).

Глаголом узрети СР₁ - связан также с СР₆, СР₇ (принимая только состав СР):

СР₆ - "узнать": познати, узрети, уведети, услышати, научити, послушати, слышати.

СР₇ - "получить": получити, обрести, обретати, прятати, восприяти, доходити, узрети.

Итак, СР₁, включающий три глагола, объединяет вокруг себя еще шесть СР. Схематически эту микросистему можно представить в виде радиальной структуры, центром которой являются СР₁, а вокруг радиально расположены остальные шесть СР.

Но ведь каждый СР, связанный непосредственно с СР₁, в

своей очереди может быть центром другой микроструктуры.

CP₆ - приведенный выше (познати, узрети, уведети, услышати, научити, послушати, слышати) глаголами слышати, услышати связан с CP₉:

CP₉ - "воспринимать слухом": слышати, услышати, очутати.

Глаголом послушати с CP₉, CP₁₀:

CP₉ - "слушать" - слухати, внимати, послушати.

CP₁₀ - "слушаться, повиноваться" - послушати, поминати.

Глаголом научити с CP₁₁, CP₁₂:

CP₁₁ - "узнав, усвоить": научити, научитися.

CP₁₂ - "учить": учати, научити, поучати.

Глаголом уведети с CP₁₃:

CP₁₃ - "познать": уведети, познати.

Можно таким же образом продолжить показ связей между CP, возникающих благодаря эгоцентрико полисемичному слову различными ЛСВ в разряде CP, но это бы только увеличило иллюстративный материал, не внося ничего нового. Перейдем теперь к участию словообразовательных связей в формировании семантической непрерывности глагольной системы. Приведем только две иллюстрации. Глаголы ведети, уведати, сведати, уведати являются дериватами. Следовательно, между CP₅, CP₆, CP₁₃, рассмотренными выше, и CP₁₄ устанавливается связь по лексическим дериватам.

CP₁₄ - "сделать известным, знаменитым": прославити, уведати.

Глаголом прославити CP₁₄ связан с CP₁₅; последний же словообразовательной связью объединяется с CP₁₆ и т.д.

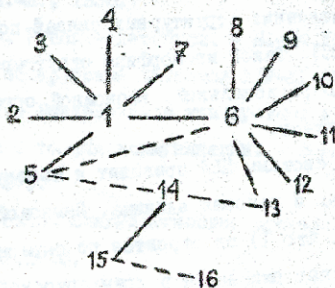
CP₁₅ - "восхвалять, прославлять": благодарити, хваляти,

похвалять, похваляти, восхвалять, прославлять - прославить, похвалить, похвалити, возблаговолити, славити, пренести.

С₁₆ - "хвастаться": хвалиться, величаться, похвалиться.

Как видим, полаговая связь синонимических рядов вполне проста и прозрачна. Такая простота и прозрачность языковых связей, вырабатываемая человечеством тысячелетиями, это - не примитивная простота, а так сказать, высокая гениальная простота представления сложнейших явлений так ясно, что человек не сознает всей этой сложности, не сознает всей глубины языка.

Отдаленное представление об этой сложности может дать небольшой схематический фрагмент анализируемой подсистемы. Представим в виде схемы синонимические ряды, перечисленные выше (линия указывает на связь по ЛСБ, пунктир - на словообразовательную связь).

Эпидигматические и синонимические связи объединяют глаголы в синонимические ряды, синонимические ряды в микроструктуры, микроструктуры в макроструктуры, постепенно покрывающие почти всю глагольную стихию "Повести временных лет". Целиком глагольную систему можно представить в виде пересекающихся и

перекрещивающихся микросистем, тесно спаянных друг с другом.

Из приведенной схемы видно, что строение микроструктур радиальное, их объединение демонстрирует цепочечные связи. Например, CP_3 с CP_{12} связан цепочечной связью; CP_3 стержневым глаголом видети связан с CP_1 ; CP_1 глаголом узрети - с CP_6 ; CP_6 глаголом научити с CP_{12} : $CP_3 \longleftrightarrow CP_1 \longleftrightarrow CP_6 \longleftrightarrow CP_{12}$.

Макроструктура в целом характеризуется радиально-цепочечной структурой.

Таким образом, радиально-цепочечная структура, объединяющая глаголы ПВЛ в единое целое, является одним из средств глобальной связанности всего текста, одним из средств, создающих целостность текста.

Анализ глагольной структуры ПВЛ выявил еще одно очень важное свойство языка. Структурные связи глагольной системы повторяют тип внутрисловных структурных связей полисемичного слова (/16/, 182-183). Такой изоморфизм структурных связей говорит об удивительно рациональной, экономной организации лексико-семантической системы.

Анализ глагольной системы ПВЛ приводит к выводу, что текст одновременно и языковой и речевой единица. Языковой единицей текст является потому, что 1) он строится по определенным правилам, особенно строго выдерживаемым в древнерусской письменности; 2) топологическая структура глагольной синонимической системы повторяет топологическую структуру языковой синонимической системы, которая в свою очередь изоморфна топологической структуре полисемичного слова.

Речевой единицей текст является потому, что 1) конкретное воплощение данного типа текста каждый раз индивидуально; 2) слово в тексте, синонимический ряд в тексте, словообразо-

вательное гнездо в тексте представляют собой тезисные единицы, отличающиеся от соответствующих единиц языка, что мы и попытались показать в данной работе.

Литература

1. Н.А.Слисарева, Н.Н.Трошина. Введение. - В кн.: Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. - М., 1982.
2. В.В.Виноградов. О теории художественной речи. - М., 1971.
3. И.И.Кортунова. Вопросы структуры текста в трудах акад. В.В.Виноградова. - В кн.: Русский язык. Текст как немое и компоненты текста. - М., 1982.
4. Д.С.Лихачев. Повесть временных лет. Историко-литературный очерк. - В кн.: Повесть временных лет, ч. I. - М.-Л., 1950.
5. А.А.Шахматов. Обзорные русские летописные своды XIV-XVI вв. - М.-Л., 1938.
6. Д.С.Лихачев. Русские летописи. - М.-Л., 1947.
7. Я.С.Лурье. Общерусские летописи XIV-XV вв. - Л., 1976.
8. А.А.Кеонтьев. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации. - В кн.: Синтаксис текста. - М., 1979.
9. Е.А.Реферовская. Лингвистическое исследование структуры текста. - Л., 1983.
10. А.И.Новиков. Семантика текста и ее формализация. - М., 1983.
11. Д.Н.Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики. - М., 1973.
12. Повесть временных лет. М.-Л., 1950.
13. А.И.Новиков. Лингвистические и экстралингвистические элементы семантики текста. - В кн.: Аспекты общей и частной

лингвистической теории текста. - М., 1982.

- 14. П.А.Трапезин. Семантическая связность и нормативность поэтического текста. - В кн.: Структура и функционирование поэтического текста. Очерки лингвистической поэтики. М., 1985.
- 15. А.А.Удильцева. Типы словесных знаков. М., 1974.
- 16. Ю.Д.Агросян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Ե. Կրեմոզ

ՅԵՄԱՆԻ ԱՌՍԵՄԱՆ ԱՅԿՈՒՆԵՐԻ "ՃԱՌԲԱՆՈՒ
ԾՂՈՒՄ ԱԾԵՂՈՒ"

ԿՐԵՈՅԻՄԵ

Բարձրագույն լեզվաբանական ճանաչողական համակարգի ստեղծման ժամանակահատվածում կարևոր դեր է խաղում լեզվի ձևաբանական համակարգի "ճառագանջի ճշգրտագրություն"-ի օգտագործումը և լեզվի ձևաբանական համակարգի միասնականացումը:

E. Kremoz

THE VERBAL SYSTEM IN "THE TALE OF BYGONE TIMES"

Summary

The role of the verbal system in the creation of the unity of the text in "the Tale of Bygone Times" (Povest vremennykh let) is con

СОДЕРЖАНИЕ

Алания Д.А. Структурно-словообразовательные типы имен существительных в стихотворениях А. Трдоевского.....	5
Басилашвили Н.А. Квалификационные семантика языковых единиц...	23
Берия С.В. О некоторых особенностях научно-популярного текста.....	35
Гветадзе М.Д. К вопросу о связи подлежащего и сказуемого (на материале русского и грузинского языков).....	47
Гопиридзе Д.Э. Текстовая аббревиатура.....	57
Думбадзе К.Л. Роль и место аффиксальной синонимии в лексико-семантической системе русского языка.....	65
Индко В.А. Фонетические освоения грузинской лексики в русских говорах на территории Грузии.....	74
Зыцарь Ю.В., Джинджугашвили Дж.И. Вводь о числительных 5 и 10 в баскском и картвельском языках.....	85
Кабардина-Абашидзе Ц.М. О реальном субъекте (RS) в предложениях, выражающих природно-временные явления.....	90
Каменных М.Г. Синонимический ряд слов с доминантой "нападение" в русском языке.....	98
Кипшани Н.А. Семантическое словобразование на базе ота-дъективных имен существительных.....	111
Кипшидзе Г.И. Устойчивые словосочетания с глаголами движения: структура, сочетаемость, переводимость.....	123
Кокеладзе Р.Г. О двух способах образования окказиональных фразеологизмов в поэмах и драмах М. Пшетаевой (сгаденке и зоктамацалдя).....	145
Кремер Э.Д. Глагольная система "Полеюти временных лет" как единое целое.....	168

Редактор издательства С.П.Хангулиа
 Корректор Л.Д.Доладзе

Подписано в печать 31.12.87
 УЭ 07/819 Бумага 60 x 84
 Усл.печ.л. 11,25 Уч.-изд.л. 7,27
 Тираж 300 Заказ 605 Цена 50 коп.
 Издательство Тбилисского университета,
 Тбилиси, 380028, пр.И.Чавчавадзе, 14
 თბილისის უნივერსიტეტის გამომცემლობა,
 თბილისი, 380028, ი.ჩავეჭავაძის ქუჩის 14,
 Типография Тбилисского университета,
 Тбилиси, 380028, пр. И.Чавчавадзе, 14
 თბილისის უნივერსიტეტის სტამბა,
 თბილისი, 380028, ი.ჩავეჭავაძის ქუჩის 14